

МОЛОДОЙ УЧЁНЫЙ

ISSN 2072-0297

МЕЖДУНАРОДНЫЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

23 2026
ЧАСТЬ VII

16+

Молодой ученый

Международный научный журнал

№ 23 (626) / 2026

Издается с декабря 2008 г.

Выходит еженедельно

Главный редактор: Ахметов Ильдар Геннадьевич, кандидат технических наук

Редакционная коллегия:

Жураев Хусниддин Олтинбоевич, доктор педагогических наук (Узбекистан)
Иванова Юлия Валентиновна, доктор философских наук
Каленский Александр Васильевич, доктор физико-математических наук
Кошербаева Айгерим Нуралиевна, доктор педагогических наук, профессор (Казахстан)
Куташов Вячеслав Анатольевич, доктор медицинских наук
Лактионов Константин Станиславович, доктор биологических наук
Сараева Надежда Михайловна, доктор психологических наук
Абдрасилов Турганбай Курманбаевич, доктор философии (PhD) по философским наукам (Казахстан)
Авдеюк Оксана Алексеевна, кандидат технических наук
Айдаров Оразхан Турсункожаевич, кандидат географических наук (Казахстан)
Алиева Тарана Ибрагим кызы, кандидат химических наук (Азербайджан)
Ахметова Валерия Валерьевна, кандидат медицинских наук
Бердиев Эргаш Абдуллаевич, кандидат медицинских наук (Узбекистан)
Брезгин Вячеслав Сергеевич, кандидат экономических наук
Данилов Олег Евгеньевич, кандидат педагогических наук
Дёмин Александр Викторович, кандидат биологических наук
Дядюн Кристина Владимировна, кандидат юридических наук
Желнова Кристина Владимировна, кандидат экономических наук
Жуйкова Тамара Павловна, кандидат педагогических наук
Игнатова Мария Александровна, кандидат искусствоведения
Искаков Руслан Маратбекович, кандидат технических наук (Казахстан)
Калдыбай Кайнар Калдыбайулы, доктор философии (PhD) по философским наукам (Казахстан)
Кенесов Асхат Алмасович, кандидат политических наук
Коварда Владимир Васильевич, кандидат физико-математических наук
Комогорцев Максим Геннадьевич, кандидат технических наук
Котляров Алексей Васильевич, кандидат геолого-минералогических наук
Кузьмина Виолетта Михайловна, кандидат исторических наук, кандидат психологических наук
Курпаяниди Константин Иванович, доктор философии (PhD) по экономическим наукам (Узбекистан)
Кучерявенко Светлана Алексеевна, кандидат экономических наук
Лескова Екатерина Викторовна, кандидат физико-математических наук
Макеева Ирина Александровна, кандидат педагогических наук
Матвиенко Евгений Владимирович, кандидат биологических наук
Матроскина Татьяна Викторовна, кандидат экономических наук
Матусевич Марина Степановна, кандидат педагогических наук
Мусаева Ума Алиевна, кандидат технических наук
Насимов Мурат Орленбаевич, кандидат политических наук (Казахстан)
Паридинова Ботагоз Жаппаровна, магистр философии (Казахстан)
Прончев Геннадий Борисович, кандидат физико-математических наук
Рахмонов Азизхон Боситхонович, доктор педагогических наук (Узбекистан)
Семахин Андрей Михайлович, кандидат технических наук
Сенцов Аркадий Эдуардович, кандидат политических наук
Сенюшкин Николай Сергеевич, кандидат технических наук
Султанова Дилшода Намозовна, доктор архитектурных наук (Узбекистан)
Титова Елена Ивановна, кандидат педагогических наук
Ткаченко Ирина Георгиевна, кандидат филологических наук
Федорова Мария Сергеевна, кандидат архитектуры
Фозилов Садриддин Файзуллаевич, кандидат химических наук (Узбекистан)
Яхина Асия Сергеевна, кандидат технических наук
Ячинова Светлана Николаевна, кандидат педагогических наук

Международный редакционный совет:

Айрян Заруи Геворковна, кандидат филологических наук, доцент (Армения)
Арошидзе Паата Леонидович, доктор экономических наук, ассоциированный профессор (Грузия)
Атаев Загир Вагитович, кандидат географических наук, профессор (Россия)
Ахмеденов Кажмурат Максutowич, кандидат географических наук, ассоциированный профессор (Казахстан)
Бидова Бэла Бертовна, доктор юридических наук, доцент (Россия)
Борисов Вячеслав Викторович, доктор педагогических наук, профессор (Украина)
Буриев Хасан Чутбаевич, доктор биологических наук, профессор (Узбекистан)
Велковска Гена Цветкова, доктор экономических наук, доцент (Болгария)
Гайич Тамара, доктор экономических наук (Сербия)
Данатаров Агахан, кандидат технических наук (Туркменистан)
Данилов Александр Максимович, доктор технических наук, профессор (Россия)
Демидов Алексей Александрович, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Досманбетов Динар Бакбергенович, доктор философии (PhD), проректор по развитию и экономическим вопросам (Казахстан)
Ешиев Абдыракман Молдоалиевич, доктор медицинских наук, доцент, зав. отделением (Кыргызстан)
Жолдошев Сапарбай Тезекбаевич, доктор медицинских наук, профессор (Кыргызстан)
Игисинов Нурбек Сагинбекович, доктор медицинских наук, профессор (Казахстан)
Кадыров Кутлуг-Бек Бекмурадович, доктор педагогических наук, и.о. профессора, декан (Узбекистан)
Каленский Александр Васильевич, доктор физико-математических наук, профессор (Россия)
Козырева Ольга Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент (Россия)
Колпак Евгений Петрович, доктор физико-математических наук, профессор (Россия)
Кошербаева Айгерим Нуралиевна, доктор педагогических наук, профессор (Казахстан)
Курпаяниди Константин Иванович, доктор философии (PhD) по экономическим наукам (Узбекистан)
Куташов Вячеслав Анатольевич, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Кыят Эмине Лейла, доктор экономических наук (Турция)
Лю Цзюань, доктор филологических наук, профессор (Китай)
Малес Людмила Владимировна, доктор социологических наук, доцент (Украина)
Нагервадзе Марина Алиевна, доктор биологических наук, профессор (Грузия)
Нурмамедли Фазиль Алигусейн оглы, кандидат геолого-минералогических наук (Азербайджан)
Прокопьев Николай Яковлевич, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Прокофьева Марина Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент (Казахстан)
Рахматуллин Рафаэль Юсупович, доктор философских наук, профессор (Россия)
Ребезов Максим Борисович, доктор сельскохозяйственных наук, профессор (Россия)
Сорока Юлия Георгиевна, доктор социологических наук, доцент (Украина)
Султанова Дилшода Намозовна, доктор архитектурных наук (Узбекистан)
Узаков Гулом Норбоевич, доктор технических наук, доцент (Узбекистан)
Федорова Мария Сергеевна, кандидат архитектуры (Россия)
Хоналиев Назарали Хоналиевич, доктор экономических наук, старший научный сотрудник (Таджикистан)
Хоссейни Амир, доктор филологических наук (Иран)
Шарипов Аскар Калиевич, доктор экономических наук, доцент (Казахстан)
Шуклина Зинаида Николаевна, доктор экономических наук (Россия)

На обложке изображена Чимаманда Нгози Адичи (1977), нигерийская писательница.

Будущей писательнице дали имена Чимаманда и Нгози, что с языка народа игбо, к которому она принадлежит, переводится как «Мой Бог не ошибается (неисчерпаем)» и «Благословение». Она родилась в Энугу и была пятой в семье из шести детей в городе Нсукка на юге Нигерии, где в Университете Нигерии ее отец Джеймс Нвое Адичи работал профессором статистики и проректором. Мать Грейс Айфеома работала регистратором-секретарем в этом же учебном заведении и была первой женщиной на этом посту за всю его историю.

Еще школьницей Адичи слагала стихи и в 1997 году опубликовала поэтический сборник «Решения». С детства она слушала рассказы отца и матери о гражданской войне в Нигерии (1967–1970), во время которой те лишились всего своего имущества и потеряли родителей, и решила, что напишет об этом. В шестнадцать лет Чимаманда Нгози написала пьесу «За любовь к Биафре», вышедшую в свет в 1998 году. Решающее влияние на молодую писательницу оказали романы Чинуа Ачебе и Лей Камара «И пришло разрушение» и «Африканский ребенок». В результате она изменила тему произведений на африканскую и негритянскую.

Чимаманда полтора года изучала медицину и фармакологию в Университете Нигерии. Но осознав, что медицина — не ее призвание, в 1996 году уехала учиться в США. Прослушав курс лекций по коммуникации и политологии в Дрексельском университете в Филадельфии, она перевелась в Университет Восточного Коннектикута, чтобы жить поближе к сестре Айджеоми, у которой была медицинская практика в Ковентри. В 2001 году Чимаманда с отличием окончила этот вуз и получила степень бакалавра.

Вскоре она стала магистром в области литературы в университете Джонса Хопкинса, а также магистром искусств, специализируясь в африканистике в Йельском университете.

Четыре ее произведения — «Ты в Америке», «Дерево в бабушкином саду», «Этот утренний харматан» и «Американское посольство» — были отмечены различными престижными номинациями и премиями.

В Коннектикуте она приступила к своему первому роману «Пурпурный гибискус», в котором повествование ведется от имени главной героини — пятнадцатилетней Камбили Ачике, которая вместе с братом по имени Джаджа страдает от произвола отца-бизнесмена, самодура и католического святоши. Действие произведения развивается на фоне событий в постколониальной Нигерии. Семья

Ачике разваливается, но в итоге все заканчивается счастливо. Роман был издан в 2003 году и в течение следующих двух лет был удостоен двух литературных премий стран Содружества наций в категориях «Лучшая первая книга (Африка)» и «Лучший дебют (в целом)» и еще семи наград, включая номинацию на литературную премию «Оранж» (2004).

В названии ее второй прозаической книги «Половина желтого солнца» отражен один из мотивов флага Биафры — непризнанного государства, существовавшего на территории Нигерии во время гражданской войны в Нигерии 1967–1970 годов. В этом романе показано, как межэтнический конфликт народов хауса и игбо, а затем и эта война повлияли на судьбы главных героев — сельского юноши Угву, его хозяина Оденигбо и двух сестер-близнецов Оланны и Кайнене. Роман был награжден семью премиями, а в 2013 году по мотивам «Половины желтого солнца» был снят одноименный фильм. В конце того же года роман отметили на Международном кинофестивале в Торонто.

В 2009 году вышла книга Чимаманды Адичи «Штука у тебя на шее» — сборник из двенадцати рассказов, преимущественно на нигерийскую и американскую тематику. Один из них, «Холм прыгающей обезьяны», содержит элементы автобиографии. В рассказе «Американское посольство» показана женщина, которая добивается убежища в США, но в конце концов отказывается от этого намерения, потому что не хочет, чтобы ее сына убили ради визы.

В 2010 году Адичи вместе с другими авторами вошла в список «Двадцатка моложе сорока», составленный журналом «Нью-Йоркер» в категории «Художественная литература». В следующем году ее рассказ «Потолок» вошел в список «Лучшие американские рассказы».

В 2013 году она опубликовала свой третий роман, «Америка». Этот труд был удостоен двух наград — премии газеты «Чикаго трибюн» в категории «Художественная литература» и премии Национального круга книжных критиков в категории «Художественная литература».

Адичи неоднократно выступала с докладами на лекциях и конференциях. На конференции TED писательница выступила с докладом «Опасность отдельно взятого рассказа», в Гилдхолле (Лондон) она прочитала лекцию на тему культурных связей между странами Содружества «Читать реалистичную литературу — значит искать человечность», на конференции TEDx Адичи произнесла речь «Мы все должны быть феминистками».

*Информацию собрала ответственный редактор
Екатерина Осянина*

СОДЕРЖАНИЕ

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

Задорожный Д. М.

Проблемы ограничения угона
от хищения транспортного средства:
уголовно-правовые аспекты 447

Зенин Е. Ф.

Проблемы применения двусторонней
реституции в современном гражданском
праве 449

Зенин Е. Ф.

Коллизия конституционных
и законодательных требований
к образовательному цензу судьи
в Российской Федерации..... 453

Зимин К. О.

Правовое регулирование интернет-рекламы
финансовых услуг в условиях цифровой
трансформации 455

Ильина Д. Д., Забиран В. А.

Институт соучастия в уголовном праве
зарубежных стран: сравнительно-правовой
анализ континентальной и англосаксонской
системе 458

Ионова Ю. С.

Виды и основные направления
профилактики экологических преступлений
в Российской Федерации..... 462

Истомин В. В.

Прокурорский надзор
за предпринимательской деятельностью:
проблемы и перспективы оптимизации 464

Киргинцева К. В.

Социальная справедливость и равноправие
сторон в уголовном судопроизводстве..... 466

Кобцева А. Е.

Проблемы правового регулирования
государственно-частного партнёрства
в области охраны окружающей среды 468

Ковалева А. А.

Совершенствование прокурорского надзора
в сфере профилактики преступлений
несовершеннолетних..... 469

Колодина Я. В.

Проблема идентификации надлежащего
ответчика по делам о защите деловой
репутации в сети Интернет: анализ судебной
практики и пути решения 472

Комиссарова А. С.

Субсидиарная ответственность как
неуголовные последствия выездной
налоговой проверки 475

Коновалов И. С.

Институты гражданского общества
в Российской Федерации..... 479

Крученков К. А.

Понятие и содержание специальных
знаний, используемых при расследовании
ятрогенных преступлений 481

Кунаева А. К.

Проблемы применения
института необходимой обороны
и способы их решения 482

Куржонкова А. Р.

Жилищные алименты в судебной практике:
порядок взыскания, доказывания, размер,
рекомендации 484

Куртев В. О.

Проблемы правового регулирования
обеспечительных мер в арбитражном
процессе..... 486

Леонов И. М.

Внутреннее убеждение суда и его роль
в отправлении правосудия 490

Леонов И. М.

Особенности формирования внутреннего
убеждения следователя и дознавателя
при оценке доказательств в уголовном
процессе..... 494

Лунина А. А.

Роль судебно-лингвистической
экспертизы в расследовании преступлений
по экстремизму..... 497

Маргиева М. А., Кудзиева А. Г.

Юридическая ответственность тренера
в современном мире..... 499

Мартынов Е. В.

Органы местного самоуправления ЛНР
в системе субъектов государственных
управленческих отношений 502

Матюшин А. А.

Актуальные проблемы принятия к учету
затрат при исполнении государственных
контрактов 504

Мащенко Р. В.

О некоторых проблемах незаконного
лишения свободы граждан Российской
Федерации 506

Мащенко Р. В.

Торговля людьми: уголовно-правовая
характеристика преступления,
предусмотренного статьёй 127.1 УК РФ 508

Мащенко Р. В.

Незаконная госпитализация в медицинскую
организацию, оказывающую
психиатрическую помощь в стационарных
условиях: проблемы теории и практики 510

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

Проблемы отграничения угона от хищения транспортного средства: уголовно-правовые аспекты

Задорожный Даниил Михайлович, студент магистратуры

Институт сферы обслуживания и предпринимательства (филиал) Донского государственного технического университета в г. Шахты (Ростовская область)

В статье рассматриваются вопросы сходства объективных признаков хищения автомобиля и его угона.

Ключевые слова: хищение автомобиля, угон автомобиля, неправомерное завладение автомобилем.

Обращение к различным источникам позволяет утверждать, что не делается различий между двумя такими составами преступления, как хищение автомобиля и неправомерное им завладение (угон), что создает неверное представление о подаваемой информации.

Теоретические аспекты угонов и хищений транспортных средств представляют собой важное направление в уголовном праве, поскольку они затрагивают вопросы защиты собственности и безопасности граждан. Угон и хищение транспортных средств являются двумя различными, но тесно связанными преступлениями, которые требуют четкого разграничения для правильной квалификации и назначения наказания. Важность правильного отграничения угона от хищения транспортных средств обусловлена различиями в их уголовно-правовой природе и последствиях для потерпевших. Угон, как правило, подразумевает временное завладение транспортным средством с намерением его использования, в то время как хищение предполагает окончательное лишение владельца имущества.

Угоны — неправомерное завладение транспортным средством без цели хищения является преступлением, ответственность за которое предусмотрено ст. 166 УК РФ. Угон характеризуется тем, что преступник, как правило, использует транспортное средство без намерения его окончательного присвоения, в то время как хищение подразумевает полное завладение им с целью дальнейшего использования или продажи. Важно отметить, что различия между этими двумя понятиями могут быть не всегда очевидными, что затрудняет их квалификацию в рамках уголовного законодательства. Однако в любом случае собственнику причиняется ущерб, выражающийся в лишении собственника возможности осуществлять использование автомобиля по своему усмотрению, что и подчеркивается судами [1]. При обнаружении отсутствия автомобиля на месте его оставления законным вла-

дельцем невозможно определить, какое совершенно преступление. Сделать это можно только после обнаружения автомобиля или его остатков [2]. Только по некоторым отдельным признакам можно провести разграничения этих преступлений. Угонщик, не проявляет заботы об автомобиле, считает, что пользуется им временно, что приводит к порче и даже гибели транспортного средства, а вор заинтересован в его сохранности, поскольку рассматривает автомобиль, который надо сбыть, значит, он должен быть в исправном состоянии и подготовленном к продаже. Это немногие отличия объективных признаков рассматриваемых преступлений, которые не позволяют в полной мере провести разграничения. Разграничивать можно только по субъективным признакам и направленности умысла и цели, однако их не всегда можно точно установить и доказать, в силу чего и встречаются судебные ошибки [3]. Специалисты пытаются выявить причины судебных ошибок в квалификации рассматриваемых преступлений и на этой основе предложить меры по их исключению. Главным образом они сводятся к выявлению и обоснованию недостатков регламентации ст. 166 УК РФ и предложениями по их устранению. Одни специалисты отмечают, что в следственной практике квалификация ст. 166 УК РФ «основывается на субъективном умысле преступника, а точнее, только на его собственных показаниях относительно цели завладения автотранспортом... Это приводит к неверной оценке имевших место деяний, когда кража оценивается как угон» [4]. Другие указывают, что задержание угонщика редко заканчивается вменением ему кражи из-за трудностей доказывания корыстной цели при завладения машиной, поэтому 90 % дел, направленных в суды, составляют угоны [5]. Анализ различных мнений специалистов по вопросу разграничения хищения и угона позволяет утверждать, что в уголовном праве сложились две основные концепции. Согласно первой — сближение конструкций ст. 166 УК РФ с хище-

ниями по основным признакам делает их разграничение лишь условным, единственный критерий различия — цель совершения деяния, который не всегда удается установить и доказать [6]. Согласно второй — предлагается совершенствовать конструкции ст. 166 УК РФ, ее уточнение, а также толкование ее отдельных признаков в постановлении Верховного Суда РФ. Авторы проводят разграничения рассматриваемых преступлений по различным признакам, но чаще — по моменту их окончания, умыслу виновного и цели совершения деяния [7].

Квалификация угонов и хищений требует тщательного анализа обстоятельств дела, поскольку факторы, такие как способ совершения преступления, наличие предварительного умысла и характер действий преступника, играют ключевую роль в определении правовой оценки. Уголовно-правовые аспекты данных преступлений также включают в себя рассмотрение мотивов преступников, что может влиять на тяжесть наказания и возможность применения смягчающих обстоятельств.

Таким образом, понимание различий между угоном и хищением транспортных средств не только важно для правоприменительной практики, но и для разработки эффективных методов профилактики данных преступлений. Разработка и внедрение новых технологий защиты транспортных средств, а также повышение правовой грамотности граждан могут существенно снизить уровень угонов и хищений. Кроме того, необходимо учитывать, что угон и хищение транспортных средств могут иметь серьезные социальные и экономические последствия. Эти преступления не только наносят ущерб владельцам автомобилей, но и влияют на общественную безопасность и доверие граждан к правоохранительным органам. Увеличение числа угонов может привести к росту страховых взносов и снижению инвестиционной привлекательности в сфере автопрома.

Современные технологии, такие как GPS-навигация и системы сигнализации, могут значительно повысить уровень защиты транспортных средств. Однако, несмотря на их распространение, преступники также адаптируются и находят новые способы обхода этих систем. Поэтому важно, чтобы правоохранительные органы и исследовательские учреждения совместно работали над разработкой инновационных решений для борьбы с угоном и хищением.

Важным аспектом в этом контексте является также работа с общественностью. Информирование граждан о методах защиты своих транспортных средств и о том, как действовать в случае угона, может сыграть решающую роль в снижении числа преступлений. Образовательные

программы и кампании по повышению осведомленности могут помочь создать более безопасную среду для владельцев автомобилей.

Таким образом, комплексный подход к проблеме угонов и хищений транспортных средств, включающий правоприменительные, технологические и образовательные меры, является необходимым для эффективной борьбы с этими преступлениями и защиты интересов граждан. В рамках теоретических аспектов угонов и хищений транспортных средств важно также рассмотреть правовые рамки, в которых эти преступления квалифицируются. Уголовный кодекс различных стран предлагает разные подходы к определению и наказанию за угон и хищение. В большинстве случаев угон транспортного средства рассматривается как преступление, связанное с нарушением прав собственности, однако его специфика требует особого внимания к обстоятельствам, при которых оно было совершено.

Кроме того, следует отметить, что угон может быть как временным, так и постоянным. Временный угон, когда транспортное средство используется без намерения его присвоить, может иметь свои особенности в правовой квалификации. Это подчеркивает необходимость четкой классификации таких преступлений и разработки соответствующих правовых норм.

Также важным аспектом является статистика угонов и хищений, которая позволяет выявить тенденции и причины роста этих преступлений. Анализ данных о совершенных преступлениях может помочь в разработке более эффективных стратегий по их предотвращению. Например, выявление «горячих точек» — мест с высоким уровнем угонов — может способствовать более целенаправленному патрулированию и установке камер видеонаблюдения.

В заключение, угон и хищение транспортных средств представляют собой сложные социальные явления, требующие комплексного подхода. Синергия правовых, технологических и образовательных инициатив может значительно снизить уровень этих преступлений и повысить безопасность граждан. Важным аспектом в исследовании угонов и хищений транспортных средств является также влияние социальных и экономических факторов на уровень преступности. Например, экономический кризис может способствовать увеличению числа угонов, так как люди могут прибегать к таким действиям в условиях нехватки финансовых ресурсов. Социальные исследования показывают, что в районах с высоким уровнем безработицы и бедности наблюдается рост преступлений, связанных с транспортными средствами.

Литература:

1. Обзор надзорной практики Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ за 1998г.// Бюллетень Верховного Суда РФ № 12.
2. Бюллетень Верховного Суда РФ 1996. № 5: 2000 № 2 и др.
3. Бюллетень Верховного Суда РФ 2000 № 2

4. Кудряшов А. В. Хищение автотранспорта: вопросы квалификации, уголовно-правовые и криминологические меры противодействия: автореф. дис.... канд. юрид. наук. Челябинск, 2005 С. 15,20
5. Школьный В. А. Криминологические исследования и предупреждения органами внутренних дел краж автотранспорта: автореф. дис.... канд. юрид. наук. М, 2010 С. 3
6. Складов С. В. Понятие хищения в уголовном законодательстве России: теоретический анализ// Государство и право. 1997 № 9 С.68 Бахарев А. В. Криминологическая характеристика и предупреждение краж и угонов автотранспорта органами внутренних дел: автореф. дис.... канд. юрид. наук. М, 2008 С. 12
7. Гусев О. Б. Завидов Б. Д. Слюсаренко М. И. Уголовно-правовой анализ хищения предметов, имеющих особую ценность, неправомерного завладения автомобилем и уничтожения или повреждения имущества по неосторожности// Адвокат 2002 № 8 С. 8–11 Панова Ю. Указ.соч. С. 28; Нагаев Е. Указ. соч. С. 45 и др.

Проблемы применения двусторонней реституции в современном гражданском праве

Зенин Евгений Федорович, студент

Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина

В статье рассматриваются проблемы применения двусторонней реституции как основного последствия недействительности сделки в российском гражданском праве. Автор указывает на риски, возникающие при асинхронном исполнении реституционных обязательств. В качестве решения предлагается внедрение модели «гарантированной синхронной реституции», предполагающей использование механизма синхронизации исполнительных производств, изменения в законодательстве и судебной практике для обеспечения одновременного исполнения таких обязательств.

Ключевые слова: двусторонняя реституция, недействительность сделки, исполнительное производство, синхронность исполнения, гарантированная реституция, Гражданский кодекс Российской Федерации, Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации, Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации, защита добросовестной стороны, судебная практика.

Институт недействительности сделок, являясь совокупностью соответствующих гражданско-правовых норм, определяет условия, при которых сделка не влечет желаемых сторонами юридических последствий из-за нарушений закона, пороков воли или формы. Они защищают права участников гражданского оборота, допуская возможность констатации ничтожности сделки, нарушающей явно выраженный запрет закона и посягающей на публичные интересы, или признания сделки недействительной в суде по иску указанного в законе лица (оспоримая сделка). В соответствии с нормами Гражданского кодекса Российской Федерации (далее — ГК РФ), общим и самым распространенным последствием недействительности сделки является так называемая двусторонняя реституция, цель которой — восстановление имущественного положения сторон, существовавшего до совершения сделки.

Пункт 2 статьи 167 ГК РФ закрепляет классическую модель реституции. При недействительности сделки каждая из сторон обязана возвратить другой все полученное по сделке, а в случае невозможности возвратить полученное в натуре (в том числе тогда, когда полученное выражается в пользовании имуществом, выполненной работе или предоставленной услуге) возместить его стоимость, если иные последствия недействительности сделки не предусмотрены законом [1].

На основании пункта 4 статьи 167 ГК РФ суд вправе не применять последствия недействительности сделки (пункт 2 настоящей статьи), если их применение будет противоречить основам правопорядка или нравственности.

Д. М. Генкин, использовал понятие реституция в учебнике гражданского права 1944 года. В нем данный термин не только использовался в указанном значении, но и служил основой для новой — весьма распространенной и сегодня классификации «последствий недействительности сделки» на двустороннюю реституцию, одностороннюю реституцию и недопущение реституции [2], [3].

Такая классификация основывалась не на видах реституции в зависимости от правовой природы соответствующих мер, а на ее допустимости и, что особенно важно, полноте.

Следует отметить, что в учебниках 1938 и 1940 гг. термин «реституция» применительно к недействительности сделок еще не употреблялся и какой-либо классификации «последствий недействительности» не давалось [4], [5].

В соответствии с этим высказывалось предложение предусмотреть в законе общую норму о реституции, неизвестную ГК РСФСР 1922 года. Это предложение было реализовано законодателем при составлении ГК РСФСР 1964 г., часть 2 статьи 48 которого установила для недей-

ствительных сделок в качестве общего правила единое последствие в виде реституции, не употребляя, впрочем, самого этого термина. Вместе с тем были исключены имевшиеся в ГК РСФСР 1922 г. отсылки к институту неосновательного обогащения (ст. 147, 149, 150).

Словом, сущность реституции в гражданском праве Г. Ф. Шершеневич выразил следующим образом: «Все, что на основании сделки было передано одним лицом другому, должно быть возвращено по принадлежности» [6]. Изначальное понятие реституции включает в себя только возвращение всего полученного (именно в этом смысле этот термин употребляется в международном праве). В этом отношении реституция является лишь одним из вариантов, поскольку вместо возврата имущества допускается компенсация его стоимости: в соответствии с п. 2 ст. 167 ГК РФ каждая из сторон обязана возвратить другой все полученное по сделке, а в случае невозможности возвратить полученное в натуре — возместить его стоимость в деньгах. Однако в современном гражданском законодательстве России термин «реституция» существенно модифицирован и утратил свое исконное значение.

Мы, в свою очередь, поговорим о двусторонней реституции, которая, по своей сути, является разновидностью взаимных синаллагматических обязательств (само понятие «синаллагма» в переводе с греческого означает обмен). Синаллагматические договоры, о реституции по которым и пойдет речь, как и любые двусторонние договоры, возлагают на обоих контрагентов взаимные обязательства. Как отмечал Г. Дернбург, «существенной чертой синаллагматических сделок является обмен обещания на обещание» [7].

В российском законодательстве ни правила § 2 гл. 9 ГК РФ о недействительных сделках, ни иные нормы гражданского законодательства РФ не содержат специальных предписаний относительно порядка исполнения взаимных реституционных обязательств, включая последовательность, сроки и условия осуществления данной процедуры.

Для регулирования таких отношений в силу подп. 2 п. 3 ст. 307.1 ГК РФ применяются общие положения обязательственного права, предусмотренные подразд. 1 разд. III ГК РФ, если иное не установлено ГК РФ, иными законами или не вытекает из существа соответствующих отношений. Такой законодательный прием позволяет, не вводя новых дублирующих правовых норм, применить уже существующий правовой инструментарий, содержащий необходимые правила, регулирующие порядок исполнения обязательств. Однако, порядок исполнения взаимных реституционных обязательств законом, к сожалению, не установлен.

Как известно, в настоящее время рынок недвижимости России захлестнули сделки по продаже квартир, известные в народе как «Бабушкины схемы». «Бабушкины схемы» — это сделки с недвижимостью, при которых пожилые люди под давлением или в целях банального обо-

гащения в будущем продают жилье, а затем через суд требуют признать сделку недействительной, возвращая квартиру, но не деньги. Добросовестные покупатели теряют недвижимость и средства, что создает серьезные риски на вторичном рынке жилья. В настоящей статье мы не будем затрагивать необходимость применения в таких случаях правила о двусторонней реституции.

Генеральная прокуратура Российской Федерации предложила обсудить введение «охлаждения» сделок на рынке недвижимости для борьбы с мошенничеством, например, «бабушкиной схемой». Поправки предлагается внести в закон «О государственной регистрации недвижимости». Речь идет о приостановке регистрации имущества при подозрительных сделках. В Генеральной прокуратуре считают, что это поможет пресечь сделки с продавцом, у которого есть «порок воли». Кроме того, представители Генеральной прокуратуры России предложили ввести обязательные требования для риелторов. Инициатива предусматривает допуск к профессиональной деятельности только лиц с высшим образованием и без судимости за экономические преступления. Кроме «периода охлаждения», предлагается также регулировать деятельность риелторов. Также на заседании круглого стола, проведенном комитетом Госдумы по строительству и жилищно-коммунальному хозяйству, предложили определить в ГК понятие «сделка под влиянием» и ввести уголовную ответственность за инсценировку влияния или фиктивное оспаривание сделки, отметили в ведомстве.

Росреестр, в свою очередь, рассматривает в качестве возможной меры против мошенничества при сделках с недвижимостью увеличение срока регистрации сделок с жильем пожилых людей. В ведомстве добавили, что ситуация с покупкой квартир на вторичном рынке, известная как «бабушкина схема», возникла из-за «неприменения в спорных ситуациях положений действующего законодательства».

25 ноября 2025 года депутаты Государственной думы Российской Федерации, от фракции «Справедливая Россия» предложили ввести недельный период охлаждения при сделках с недвижимостью. Согласно разработанному законопроекту, регистрация перехода права собственности станет возможной через семь дней после заключения договора купли-продажи. При этом средства продавцу будут зачисляться только на его банковский счет после государственной регистрации. Такой механизм предполагает использование защищенного счета и банковского аккредитива.

Одной из проблем в правоприменении, влияющих на возможность возврата сторон в первоначальное положение, является то, что в настоящее время, суд, применяя последствия недействительности сделки в виде двусторонней реституции, выдает два исполнительных листа — один для истца, зачастую о взыскании стоимости имущества по сделке с ответчика, второй для ответчика — об обязанности вернуть вещь, ну или наоборот, что встречается в практике судом немного реже.

Такой подход естественно соответствует закону, однако, в определенных случаях может игнорировать с позволения сказать встречный, а правильно — одно-временный или синхронный характер обязательств, возникающих из реституции.

Данная ситуация может иметь место в случае, когда одна сторона, добросовестно исполнившая свою обязанность, например, вернувшая недвижимое имущество (добровольно, либо в рамках исполнительного производства), может оказаться беззащитной перед недобросовестным контрагентом, уклоняющимся от своей обязанности по выплате денежных средств (так называемая «Бабушкина схема»). Более того, такая ситуация будет и в случае, когда исполнение со стороны контрагента становится объективно невозможным по независящим от его воли причинам. Такая ситуация возникает также и в сфере предпринимательской или иной экономической деятельности.

Поскольку, когда реституционные обязательства исполняются асинхронно и без гарантий соответствующих исполнений, это приводит к крайне негативным экономическим последствиям для одной из сторон, которая оказывается в ситуации, когда восстановление её прав значительно затягивается, либо вовсе становится объективно невозможным. Более того, другую сторону сделки это фактически приводит к получению необоснованной выгоды, что является недопустимым.

В тоже время, неисполнение или затруднительный характер исполнения судебного акта нарушает конституционные гарантии лиц на судебную защиту, что вместе с тем, является нарушением принципа обеспечения эффективности судебного решения, реального и своевременного восстановления нарушенного права. Это подрывает авторитет не только судебной власти, но и доверие граждан к государству в целом, что является куда более опасным явлением.

Между тем, исходя из «духа» и традиций гражданского законодательства, а также исходя из общих начал и смысла гражданского законодательства, а также требований добросовестности, разумности и справедливости, исполнению реституционных обязательств как представляется должен быть присущ принцип синхронности.

В тоже время, с позволения сказать по аналогии статьи 328 ГК РФ, одна сторона недействительной сделки, на которой лежит реституционное исполнение, вправе приостановить свое исполнение либо отказаться от него, если установленное судом обязательство другой стороны не исполнено или не предоставлены достаточные доказательства его исполнения, либо гарантии такого исполнения.

Данный подход, по моему мнению, имеет фундаментальное значение для обеспечения баланса интересов сторон и предотвращения недобросовестного поведения. Пленум Верховного Суда РФ в Постановлении № 25 от 23.06.2015 подчеркивает, что участники гражданских правоотношений должны действовать добросовестно, и никто не вправе извлекать преимущество из своего недобросовестного поведения (п.1) [8].

Следовательно, игнорирование синхронного характера реституционных обязательств будет противоречить не только духу, но и букве закона (статья 10 ГК РФ).

Главный недостаток этой системы заключается в том, что сторона, исполнившая свое обязательство первой, например, вернувшая недвижимое имущество, оказывается полностью зависимой от способности и возможности контрагента исполнить его денежное обязательство. При этом, проблема носит не только характер злоупотребления правом, но и объективный характер: вторая сторона может быть просто не в состоянии исполнить решение суда вследствие финансовой несостоятельности, либо принять меры по сокрытию имущества. В такой ситуации добросовестная сторона оказывается в незащищенном положении, где её формальное право не подкреплено каким-либо реальным механизмом его гарантированной реализации.

Выше отмечалось, что в случае применения двусторонней реституции суд выдает два исполнительных листа — один для истца, второй для ответчика.

Служба судебных приставов (далее — ФССП) осуществляет производство по каждому исполнительному листу как по самостоятельному и независимому друг от друга исполнительному документу. Отсутствие процессуального механизма, обязывающего пристава-исполнителя синхронизировать действия по двум взаимосвязанным, хотя и разным производствам, делает синхронное исполнение решения суда практически невозможным.

Таким образом, существующий механизм не только не обеспечивает достижение цели реституции, но и создает дополнительные риски для добросовестных участников оборота. Для преодоления указанных проблем необходима модификация подхода к исполнению судебных решений о применении последствий недействительности сделки в виде двусторонней реституции. Предлагается внедрить механизм, условно именуемый «гарантированной синхронной реституцией».

Ключевым элементом механизма является приостановление непосредственного возврата имущества или денежных средств между сторонами до момента полной готовности сторон к одновременному обмену.

Интересный с практической точки зрения подход рассматривался в английском праве как проблема встречной реституции. А именно, речь шла о защите от невозможности встречной реституции. Как отмечал Роберт Олдерсон Райт — выдающийся английский юрист, судья, лорд-судья апелляционного суда, один из самых значимых правоведов XX века в Великобритании, что изначально требование о реституции может быть заявлено только в случае, если истец мог вернуть ответчику имущество, которое он первоначально получил от него (*restitutio in integrum*), поскольку в противном случае на стороне истца образуется несправедливое обогащение (в российском праве — это именуется «неосновательным обогащением») [9]. Сначала суды с неохотой относились к увеличению получаемого истцом дохода и потому, по словам

Маккендрика, отказывали в реституции, когда встречная реституция невозможна [10].

Вместе с тем, корректное и одновременное исполнение двух исполнительных документов, выданных судом в рамках одного судебного дела, предусматривающих применение последствий недействительности сделки, требует и соответствующего процессуального уточнения. В этих целях в исполнительных листах подлежит указанию не только субъектный состав и предмет обязательства по возврату имущества и денежных средств, но и его правовая природа, а именно — возникновение этих обязательств по причине двусторонней реституции. Правильным в таком случае будет выглядеть, как вариант, выдача судами двух исполнительных листов идентичного содержания, в которых дословно воспроизводится резолютивная часть судебного решения, по аналогии с исполнительными документами о принудительном исполнении утвержденных судом мировых соглашений. В соответствующих графах исполнительных листов «Взыскатель» и «Должник» должны быть указаны как истец, так и ответчик по спору. Наличие исчерпывающих сведений о правовых основаниях взыскания и одномоментном исполнении соответствующих реституционных обязательств сторон должно возлагать на различные подразделения УФССП обязанность по обеспечению синхронности исполнения взаимосвязанных обязательств в рамках осуществления внутриведомственного взаимодействия.

Однако, для придания данному подходу системного характера и единообразного применения на всей территории Российской Федерации необходимо, на мой взгляд, внесение дополнений в действующее гражданское законодательство.

Наиболее эффективным и правильным с точки зрения юридической техники решением видится дополнение статьи 167 ГК РФ указанием на одновременный характер исполнения обязанностей сторон по возврату друг другу полученного по недействительной сделке.

В этом случае нормы статьи 167 ГК РФ необходимо дополнить пунктом 2.1 следующего содержания: «2.1 Возврат каждой из сторон другой всего полученного по недействительной сделке осуществляется одновременно».

Однако, если ограничиться внесением изменений только в данную норму, то на практике мы можем получить такую ситуацию, при которой решение суда о признании сделки недействительной и применении последствий недействительности сделки, может быть не исполнено приставами, потому что будет отсутствовать обеспечение синхронности, или же одновременности исполнения. Такая ситуация, может привести к выбытию спорного имущества на неопределенный срок или на вечно из оборота.

Это эволюционное, а не революционное изменение, которое, однако, способно кардинально повысить уровень защиты прав и предсказуемость гражданского оборота, вернув реституции её изначальный восстановительный и гарантированный смысл.

Другим альтернативным указанному выше способу решения данной проблемы, либо дополняющим его, на мой взгляд, могло бы стать дополнительное требование об обеспечительных мерах синхронного исполнения реституционных обязательств, подлежащее закреплению в соответствующем процессуальном законодательстве — Гражданском процессуальном кодексе Российской Федерации, далее — ГПК РФ и Арбитражном процессуальном кодексе Российской Федерации, далее — АПК РФ.

Для этого, в частности, в АПК РФ необходимо внести изменения, изложив статью 100 АПК РФ «Обеспечение исполнения судебных актов» следующим образом:

«Статья 100. Обеспечение исполнения судебных актов

1. Арбитражный суд, допуская возможность применения последствий недействительности сделки, когда каждая из сторон обязана возвратить другой все полученное по сделке, по ходатайству ответчика должен потребовать от истца предоставить обеспечение исполнения судебного акта, путем внесения на депозитный счет суда денежных средств, либо предоставления банковской гарантии, поручительства или иного финансового обеспечения в пределах его имущественных требований по спору.

2. Об обеспечении исполнения судебного акта о применении последствия недействительности сделки арбитражный суд выносит определение не позднее следующего дня после дня поступления в суд ходатайства ответчика.

В определении указываются размер и вид обеспечения, срок его предоставления истцом, который не может превышать один месяц со дня вынесения определения.

Копия определения направляется лицам, участвующим в деле, не позднее следующего дня после дня вынесения определения.

Определение об обеспечении исполнения судебного акта о применении последствия недействительности сделки может быть обжаловано.

3. В случае вынесения определения об обеспечении исполнения судебного акта о применении последствия недействительности сделки арбитражный суд не рассматривает вопрос о применении последствий недействительности сделки до представления в арбитражный суд документа, подтверждающего произведенное обеспечение.

4. Неисполнение истцом определения арбитражного суда об обеспечении исполнения судебного акта о применении последствия недействительности сделки в срок, указанный в определении, является основанием для оставления искового заявления без рассмотрения на основании части 2 статьи 148 настоящего Кодекса, если ответчик не требует рассмотрения спора по существу.

5. Правила об обеспечении иска, предусмотренные настоящей главой, применяются при обеспечении исполнения судебных актов».

Аналогичные изменения также должны быть внесены в соответствующую статью ГПК РФ.

Важно подчеркнуть, что такое обеспечение может быть внесено истцом в ходе рассмотрения спора в суде, на основании определения суда и только при наличии соответствующего ходатайства ответчика, в котором он указывает вид этого обеспечения (депозит, банковская гарантия и т. п.), в зависимости от предполагаемых рисков неисполнения решения суда в случае удовлетворения иска. При этом, неисполнение истцом определения суда о внесении обеспечения будет являться основанием для оставления иска без рассмотрения, что в свою очередь не ограничивает право истца на судебную защиту в будущем, поскольку в соответствии с частью 3 статьи 149 АПК РФ оставление искового заявления без рассмотрения не лишает истца права вновь обратиться в арбитражный суд с заявлением в общем порядке после устранения обстоятельств, послуживших основанием для оставления заявления без рассмотрения.

Схожий по своей сути правовой подход используется в отечественном процессуальном законодательстве в вопросах применения встречных обеспечительных мер.

Подобный механизм, с одной стороны, будет служить обеспечением будущих обязательств истца, защищая ответчика от его недобросовестного поведения, а с другой стороны — дисциплинировать истца, заставляя его тщательно оценивать правовые перспективы иска и серьезность своих намерений.

Проведенный анализ позволяет сделать однозначный вывод о том, что действующий механизм реализации двусторонней реституции, в настоящее время является несовершенным, поскольку по изложенным выше причинам зачастую может не отвечать своей основной цели — восстановлению реально исходного положения сторон. При таком подходе, возможность возникновения непреодолимых рисков для стороны, которая исполнила свое обязательство, однако, в дальнейшем столкнулась с уклонением, либо с невозможностью исполнения обязательства стороной контрагента, крайне велика.

Предлагаемые изменения в ГК РФ, ГПК РФ и АПК РФ позволят минимизировать риски на рынке недвижимости. В этой связи особые надежды возлагаются на роль Верховного Суда Российской Федерации в **обеспечении единообразного применения законодательства** через дачу разъяснений судам по вопросам судебной практики. Хочется верить, что в скором времени Пленум ВС РФ примет специальное постановление, посвященное проблемам применения последствий недействительности сделок. Подобное разъяснение высшей судебной инстанции стало бы мощным инструментом для формирования единообразной и отвечающей современным реалиям практики, эффективно защищающей права участников гражданского оборота от злоупотреблений и минимизирующей риски, особенно в такой чувствительной сфере, как рынок недвижимости.

Литература:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 01.08.2025) <https://base.garant.ru/10164072/>
2. Гражданское право / Под ред. М. М. Агаркова и Д. М. Генкина. Т. I. М.: Юрид. изд-во НКЮ СССР, 1944. С. 102 и сл.;
3. Вильнянский С. И. Лекции по советскому гражданскому праву. Ч. I. Харьков, 1958. С. 168 и сл.
4. Гражданское право. Ч. I. М.: Юриздат, 1938. С. 140 и сл.
5. Советское гражданское право: Краткий учебник для юрид. школ. М.: Юриздат, 1940.
6. Шершеневич Г. Ф. Учебник русского гражданского права (по изд. 1907 г.). М., 1995. С. 126.
7. Дернбург Г. Пандекты. Т. 2: Обязательственное право. СПб., 1911. С. 53.
8. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_181602/
9. Spence v. Crawford, 3 All E. R. 271, esp. 288 (1939). (Lord Wright); Adam v. Newbigging, 13 App. Cas. 308 (1888).
10. McKendrick. Total Failure of Consideration and Counter-Restitution: Two Issues or One? // *Laundering and Tracing* 217 (Birks ed., Clarendon Press, 1995).

Коллизия конституционных и законодательных требований к образовательному цензу судьи в Российской Федерации

Зенин Евгений Федорович, студент

Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина

Вопросы формирования судейского корпуса относятся к числу ключевых в любом правовом государстве. От качественного состава судей напрямую зависят эффек-

тивность правосудия, уровень защиты прав и свобод граждан, а в конечном счете — авторитет судебной власти. Одним из фундаментальных требований, предъявляемых

к кандидату на должность судьи, является наличие высшего юридического образования. Данное требование, закрепленное в статье 119 Конституции Российской Федерации [1], получает свою детализацию в отраслевом законодательстве, а именно в Законе Российской Федерации от 26 июня 1992 года № 3132-1 «О статусе судей в Российской Федерации» [2]. Однако процесс этой законодательной конкретизации выявил системные проблемы и коллизии, требующие глубокого научного осмысления и разрешения.

Конституционная норма сформулирована максимально широко: судьей может быть гражданин, «имеющий высшее юридическое образование»¹. Это бланкетная норма, которая не содержит каких-либо уточнений относительно специализации, направления подготовки или формы получения образования. Законодатель, реализуя свои полномочия по конкретизации конституционных положений, должен исходить из духа и буквы Основного закона, не устанавливая избыточных ограничений, которые могли бы исказить конституционный смысл. Изначальная редакция Закона «О статусе судей» также придерживалась этого подхода, однако с реформой системы высшего образования и переходом на уровневую систему (бакалавриат, магистратура, специалитет) возникла необходимость в более точных формулировках.

Считаю, что действующая редакция подпункта 1 пункта 1 статьи 4 Закона «О статусе судей в Российской Федерации», устанавливающая требование о наличии «высшего юридического образования по специальности «Юриспруденция»» или «высшего образования по направлению подготовки «Юриспруденция» квалификации (степени) «магистр» при наличии диплома бакалавра по направлению подготовки «Юриспруденция»», действительно создает неоправданную правовую коллизию. Не могу не согласиться с авторами пояснительной записки к законопроекту № 665838–8 в том, что такая узкая формулировка «исключает из числа потенциальных кандидатов в судьи лиц, получивших высшее юридическое образование по смежным специальностям, входящим в общую укрупненную группу «Юриспруденция» [3]. Таким образом, законодатель, вместо детализации конституционной нормы, установил излишнее ограничение, сузив конституционное понятие «высшего юридического образования».

В этой связи целесообразно поддержать ключевую идею законопроекта, внесенного депутатом И. А. Антропенко, которая заключается в замене узких категорий на более широкие — «группа специальностей «Юриспруденция»» и «группа направлений подготовки «Юриспруденция»». Такой подход, как справедливо отмечено в пояснительной записке, является логичным и конституционно обоснованным, поскольку «позволяет признать наличие высшего юридического образования у всех выпускников, чьи образовательные программы относятся к юридическому профилю в целом», снимая искусственные барьеры.

Однако стоит разделить серьезные опасения, высказанные Правовым управлением Государственной Думы относительно технико-юридического качества данного законопроекта. В своем заключении [4] Управление указывает на существенные недоработки. Во-первых, в тексте использованы устаревшие термины «группы специальностей» и «группы направлений подготовки», в то время как действующее законодательство оперирует понятиями «укрупненные группы специальностей» и «укрупненные группы направлений подготовки», что порождает правовую неопределенность. Во-вторых, что еще более важно, Правовое управление обращает внимание на динамику образовательного законодательства: «планируемый к вводу с 1 сентября 2026 года новый перечень специальностей исключает из укрупненной группы «Юриспруденция» специальность «Правоохранительная деятельность»». Следовательно, предлагаемая формулировка, не учитывающая эту грядущую реформу, рискует устареть уже в момент вступления в силу, что свидетельствует о недостаточной проработанности законопроекта.

Отдельного внимания заслуживает предложенная законопроектом новация, касающаяся лиц, имеющих ученую степень доктора юридических наук. Законопроект предлагает установить, что для занятия должности судьи достаточно наличия степени доктора юридических наук, альтернативно высшему юридическому образованию [3]. Очевидно, что данное предложение является логически ошибочным и вступает в противоречие с действующей системой аттестации научных кадров. В Российской Федерации невозможно получить ученую степень доктора юридических наук, не имея высшего юридического образования, что делает такое законодательное «освобождение» избыточным и бессмысленным. Данная позиция находит полное подтверждение в критике как Правового управления Государственной Думы, так и Верховного Суда РФ.

Как указано в заключении Правового управления, «наличие ученой степени доктора юридических наук не отменяет конституционного требования о наличии высшего юридического образования; это требование является самостоятельным и безусловным». Ученая степень свидетельствует о высоком уровне научной квалификации в определенной области, но «не подменяет собой документа о высшем образовании, который подтверждает прохождение полного курса фундаментальной юридической подготовки». Более того, Правовое управление указывает на внутреннюю юридическую коллизию, которую порождает такая редакция: она «вступает в противоречие с пунктом 5 статьи 5 Закона «О статусе судей в Российской Федерации», который освобождает докторов наук от сдачи квалификационного экзамена, но не от требования иметь высшее юридическое образование» [4].

Аналогичную принципиальную позицию занимает Верховный Суд Российской Федерации. В своем отзыве Суд также не поддержал эту инициативу, подчеркнув, что «требование о наличии высшего юридического образо-

вания, установленное Конституцией Российской Федерации, является обязательным и не может быть заменено наличием ученой степени» [5]. Таким образом, два ключевых органа, ответственных за законодательную технику и судебную практику, единодушно указывают на конституционно-правовую несостоятельность предложения об уравнивании ученой степени с высшим образованием для целей занятия должности судьи.

Проведенный анализ позволяет определить дальнейшие стратегии устранения сложившейся проблемы. В качестве решения представляется целесообразным не просто заменить в законе одни термины на другие, а разработать более гибкий и устойчивый механизм. Таким механизмом могло бы стать делегирование полномочий по определению конкретного перечня специальностей и направлений, соответствующих требованию о высшем юридическом образовании для целей занятия должности судьи, Министерству науки и высшего образования совместно с Верховным Судом РФ. Это позволило бы оперативно реагировать на изменения в образовательных стандартах, учитывать как формальные критерии (принадлежность к укрупненной группе), так и содержательные (профиль и качество программы), и тем самым обеспечивать соблюдение баланса между конституционным правом граждан на доступ к государственной

службе и объективной необходимостью поддержания высоких профессиональных стандартов в судебном сообществе. Таким образом, разрешение обозначенной проблемы лежит не в плоскости частных поправок, а в выработке системного подхода к интерпретации и реализации конституционного образовательного ценза для судей.

В завершение следует подчеркнуть, что решение выявленной коллизии между конституционной нормой и законодательной конкретизацией имеет не только теоретическое, но и важнейшее практическое значение. Устранение неоправданно узкой трактовки требования о «высшем юридическом образовании» и установление четких, гибких критериев откроет доступ к судебской должности для значительного числа выпускников юридических вузов по смежным специальностям. Это может стать одним из системных шагов для преодоления кадрового дефицита в судах, острой проблеме, на которую прямо указал Председатель Верховного Суда РФ Игорь Краснов, говоря о чрезмерной нагрузке и «кадровом голоде» в ряде регионов [6]. Таким образом, создание прозрачного и соответствующего конституционному смыслу механизма признания образовательного ценза будет способствовать не только укреплению законности, но и решению актуальной задачи обеспечения судов квалифицированными кадрами.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации» (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/f3b69b1a8f9081e482b66701143c8b06a32bae3e/
2. Закон РФ от 26.06.1992 N 3132-1 (ред. от 10.07.2023, с изм. от 27.11.2023) «О статусе судей в Российской Федерации» https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_648/efa6329a5506a579e3b9d2c9280b7b8f093922a9/
3. Текст законопроекта № 665838-8 «О внесении изменений в Закон Российской Федерации «О статусе судей в Российской Федерации»» (из документов «1. ПФЗ.docx», «251437215-255358997.pdf») <https://sozd.duma.gov.ru/bill/665838-8>
4. Заключение Правового управления Государственной Думы на проект федерального закона № 665838-8 (первое чтение) от 24.10.2024 № вн2.2-1/4013 («Заключение 1 чт.pdf») <https://sozd.duma.gov.ru/bill/665838-8>
5. Отзыв Верховного Суда Российской Федерации на проект федерального закона № 665838-8 (из документа «251437215-255358997.pdf», стр. 7-8) <https://sozd.duma.gov.ru/bill/665838-8>
6. О. Дементьева, «Агентство социально-правовой информации «Ведомости Урал» от 03.12.2025 г. <https://vedomostiural.ru/stati/igor-krasnov-reakciya-na-sudebnye-resheniya-v-ugodu-vlastyam/>

Правовое регулирование интернет-рекламы финансовых услуг в условиях цифровой трансформации

Зимин Кирилл Олегович, студент магистратуры
Государственный университет управления (г. Москва)

В статье рассматриваются актуальные проблемы и перспективы правового регулирования рекламы финансовых услуг в сети Интернет в условиях цифровизации экономики. Проанализированы последние изменения в Федеральный закон «О рекламе», вступившие в силу с 2025 года, включая ужесточение требований к содержанию рекламных сообщений и обязательную маркировку. Выявлены ключевые коллизии правоприменительной практики, связанные с иден-

тификацией рекламы в цифровой среде. Обоснована необходимость дальнейшего совершенствования законодательства с учетом появления новых форм цифрового маркетинга и развития технологий искусственного интеллекта.

Ключевые слова: интернет-реклама, финансовые услуги, цифровое право, Федеральный закон О рекламе, Единый реестр интернет-рекламы ЕРИР, защита прав потребителей, цифровая трансформация, правовое регулирование, ФАС России.

Legal regulation of online advertising of financial services in the context of digital transformation

Zimin Kirill Olegovich, master's student
State University of Management (Moscow)

The article discusses current problems and prospects of legal regulation of advertising of financial services on the Internet in the context of digitalization of the economy. The latest amendments to the Federal Law «On Advertising», effective from 2025, are analyzed, including the tightening of requirements for the content of advertising messages and mandatory labeling. Key conflicts of law enforcement practice related to the identification of advertising in the digital environment are identified. The necessity of further improvement of legislation is substantiated, taking into account the emergence of new forms of digital marketing and the development of artificial intelligence technologies.

Keywords: Internet advertising, financial services, digital law, Federal Law On Advertising, Unified Register of Internet Advertising, ERIR, consumer protection, digital transformation, legal regulation, FAS Russia.

Цифровая трансформация экономики заметно изменила способы распространения рекламы, особенно в сфере финансовых услуг. Раньше реклама банковских, страховых и инвестиционных продуктов в основном размещалась в традиционных СМИ. Теперь она все чаще уходит в цифровые экосистемы и социальные сети. И. М. Расолов отмечает: развитие киберпространства вынуждает пересматривать подходы к правовому регулированию, поскольку привычные правовые инструменты часто не справляются с вызовами информационного общества [1, с. 28].

Теория правового регулирования информационных отношений, включая рекламную деятельность в цифровой среде, подробно изложена в учебнике «Информационное право» под редакцией М. А. Федотова. Авторы указывают: цифровая среда создает новые формы информационных отношений, которые не укладываются в устоявшиеся классификации. Для рекламы финансовых услуг это особенно заметно. Здесь регулирование идет на пересечении разных правовых институтов, из-за чего возникают коллизии и в законотворчестве, и в правоприменении [2, с. 40].

Законодательство в этой области меняется быстро. Основным нормативным актом остается Федеральный закон от 13 марта 2006 г. № 38-ФЗ «О рекламе» [3]. Его дополняют отраслевые законы, например, Федеральный закон от 21 декабря 2013 г. № 353-ФЗ «О потребительском кредите (займе)», а также подзаконные акты ФАС России и Банка России. В конце 2024, начале 2025 года произошли важные изменения. Закон № 479-ФЗ от 26 декабря 2024 г. Внес поправки в статью 28 закона «О рекламе», усилив требования к рекламе потребительских кредитов и ипотечных займов [4]. Теперь если в рекламе есть хотя бы одно условие, влияющее на полную стоимость кредита, в ней обязательно должно быть предупреждение: «Изучите все условия кредита (займа)» и ссылка на соответствующий

раздел сайта кредитора. Если разместить ссылку невозможно, все условия, влияющие на стоимость, нужно указывать прямо в тексте объявления. Реклама кредитных продуктов теперь должна сопровождаться фразой: «Оцените свои финансовые возможности и риски» [5]. С 1 сентября 2022 года в России действует обязательная маркировка интернет-рекламы через Единый реестр интернет-рекламы (ЕРИР). Это правило распространяется и на рекламу финансовых услуг. Каждый рекламный материал должен получать уникальный идентификатор *erid*, а рекламодатели и операторы обязаны заранее сообщать в Роскомнадзор сведения о кампаниях и ежемесячно предоставлять отчеты по показам и актам [6, с. 22]. Еще одно нововведение: с 1 апреля 2025 года введен обязательный сбор за распространение интернет-рекламы, 3 % от квартального дохода рекламораспространителей [7]. Эта мера затрагивает и финансовый сектор, который занимает значительную часть рынка онлайн-рекламы.

Правоприменительная практика показывает: несмотря на обновления в законодательстве, нарушения в интернет-рекламе финансовых услуг по-прежнему встречаются часто и носят системный характер. По данным ФАС России, в 2024 году на такие случаи пришлось 15,11 % всех выявленных нарушений, уступая только нарушениям при рекламе через сети электросвязи [8].

Теоретическую базу для анализа информационных правоотношений в рекламе формирует учебник В. А. Копылова. В нем подробно разбираются ключевые понятия и институты российского информационного права, а также основы регулирования таких отношений. Копылов выделяет главную сложность: трудно отделить рекламу от справочно-информационного контента. В традиционных СМИ реклама обычно легко узнается, но в интернете часто возникают пограничные случаи, например, обзоры

финансовых продуктов, партнерские публикации блогеров, посты в соцсетях. Новые технологии, особенно искусственный интеллект, только усложняют ситуацию: становится проще создавать персонализированный контент, балансирующий между рекламой и информированием [9, с. 48]. В феврале 2025 года ФАС России рассматривала дело по рекламе финансовых услуг АО «Альфа-Банк» (постановление № 08/04/14.3–8/2025). Рекламу признали ненадлежащей из-за нарушения п. 1 ч. 2 и ч. 7 ст. 5 закона «О рекламе». Причина, важная информация о продукте была указана мелким шрифтом и показывалась в ролике всего 3 секунды. Для потребителей эти сведения оказались недоступны [10]. В ноябре 2025 года похожая ситуация произошла с тем же банком: УФАС по Московской области признало рекламу в интернете ненадлежащей, выдало предписание устранить нарушение и начало рассматривать вопрос о привлечении банка к ответственности по ст. 14.3 КоАП РФ [11]. Такие случаи иллюстрируют: даже крупные игроки рынка регулярно допускают нарушения при распространении рекламы в цифровых каналах.

Есть и другой аспект, реклама через инфлюенсеров и блогеров. В научной литературе отмечается: заказные публикации с положительными отзывами о финансовых продуктах часто не помечаются как реклама, из-за чего потребители считают их объективной информацией. Это усложняет ситуацию и поднимает вопрос о необходимости более четких правовых механизмов, которые обеспечили бы прозрачность рекламных интеграций в соцсетях [12, с. 44]. Проблема мисселинга стоит особенно остро. Это ситуация, когда продавцы намеренно искажают информацию о финансовом продукте и вводят клиента в заблуждение по поводу реальных свойств и рисков. По определению Банка России, мисселинг нарушает базовое право потребителя финансовых услуг, право получать полные и достоверные сведения. Под видом вкладов

людям часто предлагают накопительное и инвестиционное страхование жизни, брокерские услуги или продукты негосударственных пенсионных фондов. Такие продукты выдают за аналоги вкладов и обещают высокий доход [13]. В интернете мисселинг встречается в разных вариантах: скрывают информацию о рисках, навязывают сложные финансовые инструменты, представляя их как обычные вклады. Механизмы привлечения к ответственности напрямую влияют на эффективность регулирования интернет-рекламы финансовых услуг. Здесь основной статьей выступает ст. 14.3 КоАП РФ, которая устанавливает административную ответственность за нарушение рекламного законодательства [14]. На практике штрафы часто оказываются недостаточными для крупных финансовых компаний. Это заставляет искать новые способы контроля за соблюдением правил в цифровой среде. Руководство по обязательным требованиям к рекламе финансовых услуг, утвержденное приказом ФАС России от 21 июня 2024 г. № 412/24, систематизирует ключевые требования к содержанию рекламы в финансовой сфере [15].

Сейчас регулирование интернет-рекламы финансовых услуг быстро меняется, причина в цифровой трансформации. Новые законы, принятые в 2024, 2025 годах, заметно повысили прозрачность рынка рекламы и усилили защиту потребителей.

В ближайшей перспективе стоит работать над несколькими задачами: установить четкие критерии различия между рекламой и информационными материалами в интернете, разработать специальные механизмы контроля за инфлюенсерами, которые продвигают финансовые продукты, обновить рекламное законодательство с учетом технологий искусственного интеллекта и больших данных, а также согласовать российские правила с международными стандартами в рамках евразийской интеграции.

Литература:

1. Рассолов И. М. Право и Интернет: Теория кибернетического права. — 3-е изд., доп. — М.: НОРМА: ИНФРА-М, 2021. — 303 с.
2. Информационное право: учебник для вузов / под редакцией М. А. Федотова. — 2-е изд., перераб. и доп. — М.: Издательство Юрайт, 2023. — 868 с. — ISBN 978-5-534-16021-5
3. Федеральный закон от 13.03.2006 № 38-ФЗ «О рекламе» (ред. от 26.12.2024 № 479-ФЗ) // Собрание законодательства РФ. — 2006. — № 12. — Ст. 1232
4. Федеральный закон от 26.12.2024 № 479-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О рекламе» и отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. — 2024. — № 53 (ч. I). — Ст. 9876
5. О требованиях к рекламе потребительского кредита (займа) с 01.03.2025: разъяснения прокурора Краснокутского района Локтионова А. В. // Официальный сайт Прокуратуры Саратовской области [Электронный ресурс]. — URL: https://epp.genproc.gov.ru/ru/web/proc_64/activity/legal-education/explain?item=5878150 (дата обращения: 24.05.2026)
6. Крайнева Р. К., Подгорнова Д. С. Применение интернет-рекламы в условиях законодательного регулирования цифровой среды // Азимут научных исследований: экономика и управление. — 2024. — № 1. — С. 21–25
7. О рекламе в 2025 году: обзор изменений законодательства // Информационно-аналитический портал «Дело-проф» [Электронный ресурс]. — URL: <https://delprof.ru/download/pub/reklamnyj-rynok-rossii/> (дата обращения: 24.05.2026)

8. Итоги контрольно-надзорной деятельности ФАС России в сфере рекламы за 2024 год // Официальный сайт ФАС России [Электронный ресурс]. — URL: <https://fas.gov.ru> (дата обращения: 24.05.2026)
9. Копылов В. А. Информационное право: учебник. — М.: Юрист, 2005. — 512 с. — ISBN 5-7975-0472-3
10. Постановление ФАС России от 14.02.2025 № 08/04/14.3-8/2025 о назначении административного наказания в отношении АО «Альфа-Банк» [Электронный ресурс]. — Доступ из СПС «Гарант»
11. Подмосковное УФАС оштрафовало АО «Альфа-Банк» за нарушение закона о рекламе // РИАМО [Электронный ресурс]. — URL: <https://riamo.ru> (дата обращения: 24.05.2026)
12. Социальная реклама. Теория и практика: учебное пособие / П. А. Кузнецов. — М.: ИНФРА-М, 2022. — 260 с. — ISBN 978-5-16-017233-0
13. Банк России выявил продажу новосибирцам страховых и инвестиционных продуктов под видом вклада: пресс-релиз от 17.11.2025 // Официальный сайт Банка России [Электронный ресурс]. — URL: <https://cbr.ru/press/regevent/?id=63031> (дата обращения: 24.05.2026)
14. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 01.05.2025) // Собрание законодательства РФ. — 2002. — № 1 (ч. I). — Ст. 1
15. Приказ ФАС России от 21.06.2024 № 412/24 «Об утверждении Руководства по соблюдению обязательных требований к рекламе отдельных видов товаров (реклама финансовых услуг и финансовой деятельности)» [Электронный ресурс]. — Доступ из СПС «КонсультантПлюс»

Институт соучастия в уголовном праве зарубежных стран: сравнительно-правовой анализ континентальной и англосаксонской системе

Ильина Дарья Даниловна, студент;

Забиран Виктория Александровна, студент

Научный руководитель: Малышева Юлия Юрьевна, кандидат юридических наук, доцент
Казанский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России)

Институт соучастия в преступлении занимает центральное место в уголовном праве, поскольку преступления, совершаемые в соучастии, особенно в составе организованных групп и преступных сообществ, представляют повышенную общественную опасность. Эффективность противодействия такой преступности зависит от точности законодательного определения оснований и пределов ответственности лиц, совместно участвующих в совершении преступления.

Ключевые слова: соучастие, континентальная правовая система, англосаксонская правовая система, исполнитель, организатор, подстрекатель, пособник, формы соучастия, группа лиц, организованная группа, преступное сообщество, эксцесс исполнителя, добровольный отказ, доктрина естественных и вероятных последствий, закон RICO, совершенствование уголовного законодательства.

Актуальность темы обусловлена следующими факторами. Во-первых, процессы глобализации и цифровизации привели к транснационализации преступности, что требует унификации подходов к квалификации действий соучастников. Во-вторых, российское уголовное право, исторически принадлежащее к континентальной правовой семье, нуждается в сравнительном анализе с англосаксонской системой для выявления направлений совершенствования. В-третьих, судебная практика России и зарубежных стран сталкивается со схожими проблемами: разграничение видов соучастников, определение пределов ответственности за эксцесс исполнителя, доказывание предварительного сговора. В-четвертых, доктрина уголовного права зарубежных стран содержит концепции, не имеющие прямых аналогов в российском праве (сговор как самостоятельное

преступление, доктрина естественных и вероятных последствий, закон RICO). Континентальная правовая система берет начало в римском праве, содержащем элементы учения о соучастии (различение пособничества и подстрекательства). Полноценное развитие институт получил в эпоху кодификации уголовного права в XIX веке, прежде всего в Уголовном кодексе Франции 1810 года и Уголовном уложении Германской империи 1871 года. Основные черты континентальной модели включают в себя:

1) Материальное понятие соучастия — соучастие определяется через объективный вклад каждого участника в совершение преступления.

2) Кодифицированное регулирование — все ключевые положения о соучастии содержатся в едином уголовном кодексе (УК ФРГ, УК Франции, УК РФ).

3) Принцип субъективного вменения — требуется установление вины каждого соучастника в отношении всех признаков преступления; эксцесс исполнителя исключает ответственность остальных соучастников.

4) Теоретическая разработанность — в доктрине выделяются объективная теория (соучастие через объективный вклад), субъективная теория (акцент на волевом отношении) и теория доминирования над деянием К. Рок-сина, согласно которой исполнитель — лицо, контролирующее ход совершения преступления [2, с. 45–48].

Континентальная модель оказала значительное влияние на уголовное право России (Уложение о наказаниях 1845 года, Уголовное уложение 1903 года, УК РСФСР 1922–1960 годов, УК РФ 1996 года), а также на законодательство большинства стран Европы, Латинской Америки и Азии [13, с. 210–215]. Англосаксонская правовая система формировалась в Англии начиная с XI века в рамках деятельности королевских судов, вырабатывавших общее право (common law) на основе прецедентов. Институт соучастия развивался через судебные решения. Среди основных черт англосаксонской модели можно выделить:

1) Формальное понятие соучастия — в классическом общем праве существовало разделение на:

- *principal in the first degree* (непосредственный исполнитель);
- *principal in the second degree* (лицо, присутствующее на месте и оказывающее помощь);
- *accessory before the fact* (лицо, подстрекающее или помогающее до совершения преступления);
- *accessory after the fact* (лицо, укрывающее преступника после совершения преступления) [4, §2.06].

2) Прецедентный характер регулирования — отсутствие единого кодифицированного акта приводило к казуистичности; в XX веке началась статутная кодификация (Criminal Law Act 1967 в Великобритании, Model Penal Code 1962 в США) [11].

3) Акцент на соглашении (сговоре) — институт сговора (conspiracy) возник в XV веке и был окончательно оформлен как самостоятельное преступление, позволяющее привлекать к ответственности за сам факт соглашения на совершение преступления [10].

4) Доктрина естественных и вероятных последствий — соучастник может быть признан ответственным за все преступления, которые были естественным и вероятным результатом выполнения совместного плана, даже если они не входили в его первоначальный умысел.

5) Специальные законы для борьбы с организованной преступностью — в США действует Закон о рэкете и коррумпированных организациях (RICO Act, 1970), позволяющий привлекать к ответственности лидеров преступных организаций за деятельность всей организации в целом [5].

Англосаксонская модель распространена в Великобритании, США, Канаде, Австралии, Новой Зеландии и других странах, входивших в Британскую империю. Что касается понятия и признаков соучастия, то они имеют различия в рассматриваемых правовых семьях. В континентальной

правовой семье соучастие традиционно понимается как умышленное совместное участие двух или более лиц в совершении умышленного преступления (ст. 32 УК РФ, § 25–27 УК ФРГ, ст. 121–6–121–7 УК Франции) [1].

Объективные признаки: участие двух и более лиц (каждый обладает признаками субъекта преступления); совместность деятельности (объективная взаимосвязь действий, единый преступный результат). Субъективные признаки: умышленный характер (прямой умысел, взаимосогласованность, охват всех признаков преступления); принцип акцессорности (ответственность соучастников производна от ответственности исполнителя). Континентальная доктрина выработала понятие посредственного исполнения: лицо, использующее для совершения преступления невменяемого или малолетнего, признается единственным исполнителем [14, с. 102–105].

В системе общего права соучастие развивалось через судебные прецеденты. Современное регулирование базируется на статутных актах. Model Penal Code (США, § 2.06) ввел унифицированное понятие соучастника: лицо признается соучастником, если оно с намерением содействовать совершению преступления помогает, советует, подстрекает, соглашается на его совершение либо оказывает фактическое содействие. Объективная сторона трактуется шире, чем в континентальной системе: достаточно минимальной помощи, если она оказана с намерением содействовать. Субъективный признак — намерение (purpose) как основной критерий; простое знание о помощи преступлению не всегда достаточно. Виды соучастников в правовых системах различны. В странах континентальной правовой семьи сложилась четырехзвенная классификация, закрепленная в уголовном законе:

– Исполнитель — лицо, непосредственно совершающее преступление либо участвующее в его совершении совместно с другими (соисполнительство), а также лицо, совершившее преступление посредством использования других лиц, не подлежащих уголовной ответственности (посредственное исполнение). В германской доктрине исполнитель определяется через теорию доминирования над деянием (контроль над ходом совершения преступления).

– Организатор — выделяется в самостоятельный вид соучастника в постсоветском праве (ст. 33 УК РФ). В классических европейских кодексах (ФРГ, Франция, Италия) организатор как отдельный вид не выделяется; его функции распределяются между исполнителем, подстрекателем и пособником [2, с. 63–65].

– Подстрекатель — лицо, склоняющее другого к совершению преступления (угovor, подкуп, угроза). Ответственность наступает и при неудавшемся подстрекательстве.

– Пособник — лицо, оказывающее содействие совершению преступления, но не участвующее в выполнении объективной стороны. Пособничество делится на физическое (предоставление средств, устранение препятствий) и интеллектуальное (советы, указания, заранее обещанное укрывательство).

В системе общего права исторически сложилась бинарная классификация. В XX веке под влиянием статутного права произошло упрощение: главный преступник (*principal offender*) — лицо, которое само совершает преступление или руководит его совершением (объединяет традиционные *principal in the first degree* и *principal in the second degree*). Соучастник (*accomplice*) — лицо, которое содействует совершению преступления, но не является главным исполнителем (включает *accessory before the fact*). Вспомогательное лицо после события (*accessory after the fact*) — часто выделяется в самостоятельное преступление.

Model Penal Code ввел унифицированное понятие соучастника без различения главного и вспомогательного лица до факта. Соучастник несет ту же ответственность, что и главный преступник. Организатор как отдельный вид не выделяется; его функции реализуются через институт сговора и закон RICO.

В российском уголовном праве (ст. 35 УК РФ) выделяются четыре формы соучастия:

1. Группа лиц без предварительного сговора — два и более исполнителя совместно участвуют в преступлении, но не договаривались заранее; сговор возникает спонтанно.

2. Группа лиц по предварительному сговору — лица заранее договорились о совместном совершении преступления.

3. Организованная группа — устойчивая группа лиц, заранее объединившихся для совершения одного или нескольких преступлений (признак устойчивости).

4. Преступное сообщество (преступная организация) — структурированная организованная группа или объединение организованных групп, действующих под единым руководством, созданное для совершения тяжких или особо тяжких преступлений в целях получения материальной выгоды.

В Германии УК ФРГ выделяет соисполнительство (*Mittäterschaft*) и специальные формы, например, кражу бандой (*Bandendiebstahl*). Во Франции уголовный закон использует понятие организованной банды (*bande organisée*) как отягчающее обстоятельство [3, с. 138–140]. Англосаксонское право не использует иерархическую классификацию форм соучастия. Ключевыми инструментами являются: сговор (*conspiracy*) — самостоятельный состав преступления, заключающийся в соглашении двух или более лиц совершить преступление. Признаки: соглашение, намерение, овертный акт (в федеральном праве США). Сговор позволяет привлекать к ответственности на стадии планирования, независимо от совершения основного преступления. В деле *Pinkerton v. United States* (1946) Верховный суд США установил, что участник сговора отвечает за все преступления, совершенные другим участником в рамках сговора, если они были естественным и вероятным последствием его реализации [15, р. 725–730].

Пособничество и подстрекательство (*aiding and abetting*) охватывает оба вида содействия. Закон RICO —

федеральный закон США 1970 года, запрещающий приобретение или управление предприятием за счет доходов от рэкета. Понятие «предприятие» трактуется широко как любое объединение лиц. Закон позволяет привлекать лидеров преступных организаций за деятельность всей организации, предусматривает уголовную и гражданскую ответственность, конфискацию имущества.

Особенности ответственности соучастников дифференцированы. В континентальной системе эксцесс исполнителя (совершение преступления, не охватывающегося умыслом других соучастников) полностью исключает их ответственность (ст. 36 УК РФ, § 29 УК ФРГ). Виды эксцесса: количественный (те же последствия, но более тяжкие) и качественный (иное преступление). В англосаксонской системе действует доктрина естественных и вероятных последствий, установленная в деле *Pinkerton*. Соучастник может быть признан ответственным за преступления, которые были естественным и вероятным результатом выполнения совместного плана, даже если они не входили в его умысел. Эта доктрина подвергается критике за расширение пределов ответственности.

В континентальной системе (ст. 31 УК РФ, § 24, 30 УК ФРГ) добровольный отказ дифференцирован: исполнитель освобождается при пассивном прекращении действий на стадиях приготовления или покушения. Организатор и подстрекатель освобождаются только при активном предотвращении преступления (сообщение властям или иные меры). Пособник освобождается при отказе от содействия или устранении результатов помощи. В англосаксонской системе требования более строгие: отказ должен быть полным, добровольным и сопровождаться активными мерами предотвращения, включая сообщение властям. В части судебной практики правовые системы разнообразны. В континентальной системе разъяснения высших судов унифицируют правоприменение.

Постановления Пленума Верховного Суда РФ (от 22.12.2015 № 58, от 27.12.2002 № 29, от 27.01.1999 № 1, от 10.06.2010 № 12) разъясняют критерии разграничения соучастников, понятие группы лиц, признаки преступного сообщества [6]; [7]; [8]; [9]. В англосаксонской системе ключевое значение имеют судебные прецеденты. В деле *R v. Jogee* (Великобритания, 2016) Верховный суд пересмотрел доктрину совместного предприятия, постановив, что для ответственности соучастника требуется доказательство намерения, а не просто предвидения последствий, что существенно сузило пределы ответственности [11].

Сравнительно-правовой анализ института соучастия в континентальной и англосаксонской правовых системах позволяет выделить сильные и слабые стороны каждой модели, а также сформулировать предложения по возможному совершенствованию российского уголовного законодательства с учетом зарубежного опыта. Среди преимуществ континентальной системы выделяются:

- 1) Детальная законодательная регламентация видов соучастников и форм соучастия обеспечивает определен-

ность, единообразие судебной практики и соблюдение принципа законности.

2) Дифференциация ответственности позволяет индивидуализировать наказание в зависимости от роли соучастника и степени организованности группы.

3) Принцип субъективного вменения (ст. 5 УК РФ) исключает объективное вменение.

4) Институт организатора как самостоятельного вида соучастника акцентирует повышенную опасность лидеров преступных групп. 5) Развитый институт освобождения от ответственности (добровольный отказ, деятельное раскаяние) стимулирует отказ от преступной деятельности.

Преимущества англосаксонской модели включают в себя:

1) Институт сговора как самостоятельное преступление позволяет привлекать к ответственности на ранних стадиях, бороться с организованной преступностью при сложности доказывания конкретных эпизодов.

2) Закон RICO предоставляет комплексные инструменты: ответственность лидеров за деятельность всей организации, конфискация имущества, гражданско-правовые иски.

3) Гибкость и адаптивность к новым видам преступности (киберпреступность, транснациональные группы).

4) Эффективные механизмы сотрудничества с правосудием (соглашение о признании вины, защита свидетелей).

5) Развитое прецедентное право позволяет оперативно реагировать на новые вызовы.

Направления совершенствования российского законодательства предусматривают: введение общей нормы о сговоре для тяжких и особо тяжких преступлений [13, с. 270–275]. Такая норма позволила бы привлекать организаторов на стадии планирования, упростить доказывание по делам о терроризме, наркотрафике, коррупции. Возможная формулировка: «Сговором признается достигнутое между двумя или более лицами соглашение о совершении тяжкого или особо тяжкого преступления. Лицо, вступившее в сговор, подлежит уголовной ответственности независимо от того, было ли совершено преступление, предусмотренное соглашением».

Затем совершенствование ст. 210 УК РФ с учетом опыта закона RICO: расширение понятия преступного сообщества (включение объединений без четкой иерархии, действующих под единым руководством), введение гражданско-правовых механизмов возмещения ущерба с возможностью увеличения суммы, расширение оснований конфискации активов. Кроме этого, будут перспективны гибкие формы добровольного отказа для организаторов — освобождение от ответственности при активном предотвращении преступления иными способами (не только сообщение властям), а также при способствовании раскрытию преступлений сообщества по аналогии с примечанием к ст. 210 УК РФ. Следует уточнять критерии разграничения соучастия и самостоятельной преступной деятельности (пособничество и заранее не обещанное

укрывательство, соисполнительство и пособничество, организованная группа и преступное сообщество) с использованием прецедентного опыта. С другой стороны при заимствовании англосаксонских институтов необходимо учитывать:

- системные различия — прямое перенесение института сговора может вступить в противоречие с принципом субъективного вменения;

- риск расширительного толкования — институты, подобные RICO, требуют высокой правовой культуры и развитой судебной практики;

- необходимость процессуального обеспечения — эффективность заимствованных институтов зависит от развития уголовно-процессуального законодательства.

Проведенное исследование института соучастия в уголовном праве стран континентальной и англосаксонской правовых систем позволяет сделать следующие обобщающие выводы:

1. Исторически сложившиеся различия в правовых семьях предопределили современные подходы к регулированию соучастия. Континентальная система, основанная на кодификации и доктринальной разработанности, отличается детальной законодательной регламентацией. Англосаксонская система, базирующаяся на судебном прецеденте, делает акцент на гибких инструментах (сговор, закон RICO) и расширенных пределах ответственности.

2. Континентальная модель обеспечивает высокую степень определенности, строгое соблюдение принципа субъективного вменения и дифференциацию ответственности. Ее преимущества значимы для обеспечения прав участников уголовного судопроизводства.

3. Англосаксонская модель обладает высокой эффективностью в борьбе с организованной преступностью: институт сговора позволяет пресекать преступную деятельность на ранних стадиях, а закон RICO предоставляет комплексные инструменты для привлечения лидеров преступных организаций и конфискации незаконно нажитого имущества.

4. Для российского законодательства наиболее перспективным представляется точечное заимствование отдельных англосаксонских инструментов при сохранении основ континентальной модели. Введение института сговора для тяжких и особо тяжких преступлений, совершенствование ст. 210 УК РФ с учетом опыта закона RICO, развитие механизмов сотрудничества с правосудием и защиты свидетелей могут повысить эффективность борьбы с организованной преступностью без ущерба для принципов законности и справедливости [12].

5. В условиях глобализации преступности гармонизация подходов к соучастию становится объективной необходимостью. Российское уголовное право, сохраняя свою системную идентичность, должно учитывать международные стандарты и передовой зарубежный опыт для совершенствования правового регулирования и правоприменительной практики.

Литература:

1. Уголовный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 13.06.1996 № 63ФЗ (ред. от 28.02.2025). — Текст: непосредственный.
2. Уголовный кодекс Федеративной Республики Германия: пер. с нем. / под ред. А. В. Серебренниковой. — М.: Проспект, 2023. — 352 с. — Текст: непосредственный.
3. Уголовный кодекс Франции: пер. с фр. / под ред. Н. Е. Крыловой. — М.: Норма, 2022. — 416 с. — Текст: непосредственный.
4. American Law Institute. Model Penal Code: official draft and explanatory notes. — Philadelphia: ALI, 1962. — 346 p. — Text: unmediated.
5. Racketeer Influenced and Corrupt Organizations Act (RICO): 18 U. S. C. §§ 1961–1968. — Текст: электронный // United States Code. — URL: <https://www.law.cornell.edu/uscode/text/18/part-I/chapter-96> (дата обращения: 01.04.2026).
6. О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22.12.2015 № 58. — Текст: электронный // КонсультантПлюс. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_190932/ (дата обращения: 01.04.2026).
7. О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.12.2002 № 29. — Текст: электронный // КонсультантПлюс. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_40412/ (дата обращения: 01.04.2026).
8. О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ): постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.01.1999 № 1. — Текст: электронный // КонсультантПлюс. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_21893/ (дата обращения: 01.04.2026).
9. О судебной практике рассмотрения уголовных дел об организации преступного сообщества (преступной организации) или участия в нем (ней): постановление Пленума Верховного Суда РФ от 10.06.2010 № 12. — Текст: электронный // КонсультантПлюс. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_101362/ (дата обращения: 01.04.2026).
10. Pinkerton v. United States, 328 U.S. 640 (1946). — Текст: электронный // United States Supreme Court. — URL: <https://supreme.justia.com/cases/federal/us/328/640/> (дата обращения: 01.04.2026).
11. R v. Jogee [2016] UKSC 8. — Текст: электронный // The Supreme Court of the United Kingdom. — URL: <https://www.lawteacher.net/cases/r-v-jogee.php> (дата обращения: 01.04.2026).
12. Конвенция Организации Объединенных Наций против транснациональной организованной преступности (принята в г. Палермо 15.11.2000, ратифицирована РФ 26.04.2004). — Текст: электронный // United Nations. — URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/orgcrime.shtml (дата обращения: 01.04.2026).
13. Рапог, А. И. Уголовное право России. Общая часть: учебник / А. И. Рапог. — М.: Проспект, 2024. — 528 с. — Текст: непосредственный.
14. Fletcher, G. P. Rethinking Criminal Law / G. P. Fletcher. — Oxford: Oxford University Press, 2000. — 952 p. — Text: unmediated.

Виды и основные направления профилактики экологических преступлений в Российской Федерации

Ионова Юлия Сергеевна, студент магистратуры
Волгоградский государственный университет

В статье рассматриваются основные виды профилактики экологических преступлений в Российской Федерации и их значение для обеспечения экологической безопасности.

Ключевые слова: экологические преступления, профилактика преступлений, экологическая безопасность.

В условиях глобализации и активного влияния человека на природу становится всё более важным сохранять природные ресурсы и поддерживать экологическое равновесие. Антропогенное воздействие на окружающую среду приводит к деградации экосистем, что, в свою оче-

редь, негативно сказывается на качестве жизни населения и глобальной экологической стабильности.

Для предотвращения катастрофических последствий необходимо внедрять комплексные меры превентивного характера, направленные на минимизацию негативного

влияния человеческой деятельности на биогеохимические циклы и экосистемные функции. Профилактические стратегии должны включать мониторинг состояния природных объектов, разработку и внедрение экологически безопасных технологий, а также образовательные программы, направленные на формирование экологически ответственного поведения у населения.

Профилактика экологических преступлений и проступков, объектом которых является окружающая среда. В ФЗ «об охране окружающей среды», закреплены такие понятия как окружающая среда, охрана окружающей среды, экологической безопасности, что дает единообразное толкование для дальнейшего применения и реализации деятельности специализированных органов и лиц.

Целью профилактики является предотвращение ситуаций экологического риска, повышение права осознанности граждан в экологической сфере.

Пропаганда экологически ответственного поведения также играет важную роль. Гражданам демонстрируются примеры успешного внедрения принципов «зеленой» жизни, таких как раздельный сбор отходов, использование многоразовой тары и экономия водных ресурсов.

Деятельность правоохранительных и природоохранных органов по профилактике экологических преступлений, ведется на основании и в рамках законов и соответствующих им подзаконных актов. В них детально излагается порядок действий, адресованных на предупреждение экологических преступлений, инструкции по проведению первостепенных мероприятий, направленных на обеспечение мер экологической безопасности, устанавливают порядок передачи по подведомственности дел с признаками экологического преступления.

Самыми частыми по применению формами работы со стороны внутренних дел природоохранными органами являются: участие в выявлении и задержании правонарушителей, установление личности правонарушителя, осмотр добытых животных и рыб, обследование орудий и способов охоты и рыболовства, организация и проведение патрулирования, рейдов и засад, изъятию у правонарушителей орудий незаконной охоты и рыболовства, получение от должностных лиц и граждан объяснения по поводу нарушений ими природоохранительного законодательства, составление протоколов [1]

Для более полного понимания, необходимо рассмотреть специализированный орган — природоохранные прокуратуры, и орган «общего надзора» — федеральная таможенная служба.

С. В. Ермаченко, «природоохранный прокурор, в отличие от территориального, у которого десятки и других направлений деятельности, занимается проблемами защиты природы более предметно и эффективно. Анализ

практики работы природоохранных прокуратур межрегионального уровня свидетельствует о достаточной эффективности надзорной деятельности данных прокуратур, так как позволяет посредством принятия мер прокурорского реагирования и обеспечения взаимодействия с различными органами власти регионального и федерального уровня, а также правоохранительными и контролирующими органами добиваться реального устранения нарушений и обеспечения экологической безопасности» [2] Проведя анализ сайта генеральной прокуратуры в 2025 году, выявлены следующие факты: создано 73 специализированные природоохранные прокуратуры, из них 42 при прокуратурах субъектов РФ

Схема природоохранных прокуратур состоит из 3 межрегиональные прокуратуры, приравненные к прокуратурам субъектов РФ, и межрайонные прокуратуры.

Федеральная таможенная служба. «Федеральный орган исполнительной власти, осуществляющим в соответствии с законодательством Российской Федерации функции по контролю и надзору в области таможенного дела (таможенный контроль), и т. д». [3]. По правоприменительной практике ФТС мы можем выделить ряд его эколого-ориентированных функций. Во-первых, предотвращение распространения экологически опасных товаров на территорию страны. Во-вторых, нелегальное пересечение границ с особо охраняемыми объектами флоры и фауны, поскольку уменьшение их численности непосредственно влияет на популяцию и может грозить исчезновением вида. В связи с масштабом данной проблемы и необходимостью ее комплексного — международного решения, например действует Конвенции о международной торговле видами дикой фауны и флоры, находящимися под угрозой исчезновения (СИТЕС), участницей которой Россия является с 1992 года [4]. В-третьих, международное экологическое сотрудничество.

На исследуемых примерах можно сделать следующий вывод, профилактика экологических проблем представляет собой комплексный процесс, включающий просветительскую, законодательную, техническую и социальную деятельность. Каждый из этих видов профилактики играет важную роль в формировании условий для ответственного взаимодействия человека с окружающей средой.

Перспективы развития профилактической деятельности связаны с необходимостью постоянного совершенствования методов защиты природы. Особое значение приобретает внедрение инновационных технологий и расширение участия общества в решении экологических задач. Призыв к каждому человеку внести свой вклад в сохранение природы остается актуальным, поскольку только совместные усилия способны обеспечить устойчивое развитие общества и защиту окружающей среды.

Литература:

1. Куджева, Е. К. Деятельность правоохранительных и природоохранных органов в вопросах недопущения экологических преступлений / Е. К. Куджева / Аграрное и земельное право. — 2019. — № 1 (169). — С. 87–91.

2. Орловская И. В. Система специализированных природоохранных прокуратур Российской Федерации: исторические, организационно-правовые аспекты и принципы ее формирования / Вестник Костромского государственного университета. 2022. Т. 28, № 1. С. 180–192. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2022-28-1-180-192>

3. Федеральный закон от 29 июля 2018 г. № 271-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части совершенствования лицензирования деятельности по перевозкам пассажиров и иных лиц автобусами»

4. Конвенция о международной торговле видами дикой фауны и флоры, находящимися под угрозой исчезновения

Прокурорский надзор за предпринимательской деятельностью:
проблемы и перспективы оптимизации

Истомин Валерий Васильевич, студент
Сибирский институт управления — филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации (г. Новосибирск)

В статье автор исследует правовые и организационные основы прокурорского надзора в сфере предпринимательства, выявляет ключевые проблемы и предлагает направления оптимизации надзорной деятельности.

Ключевые слова: прокурорский надзор, предпринимательская деятельность, публичный интерес, риск-ориентированный подход, правовосстановительная функция.

Прокурорский надзор за осуществлением предпринимательской деятельности представляет собой сложный правовой институт, находящийся на стыке конституционного, административного и предпринимательского права. Как обоснованно отмечает В. С. Белых, регулирование предпринимательской деятельности носит комплексный характер, что позволяет выделить в качестве самостоятельного объекта надзора совокупность обязанностей предпринимателя перед государством и обществом [2, с. 165]. При этом, как подчеркивает Ю. А. Тихомиров, любое государственное вмешательство, включая прокурорское, должно быть соразмерным защищаемому публичному интересу [4].

Ключевая проблема современной модели прокурорского надзора, по справедливому замечанию М. В. Барановой, заключается в сохранении рисков избыточного усмотрения при проведении проверок субъектов предпринимательства [1]. Данный тезис подтверждается и зарубежными исследователями: Р. Н. Solomon Jr. и К. Gadowska характеризуют российскую надзорную функцию как наследие советской эпохи, создающее потенциал для произвольного вмешательства в бизнес [5]. В этой связи особую актуальность приобретает поиск баланса между необходимостью защиты публичных интересов и требованием минимизации административного давления на предпринимателей.

Обобщая результаты анализа отечественной и зарубежной литературы, выделим три ключевых вектора оптимизации прокурорского надзора за предпринимательской деятельностью (таблица 1).

Таблица 1. Направления оптимизации прокурорского надзора за предпринимательской деятельностью

Направление оптимизации	Содержание	Ожидаемый результат
Внедрение риск-ориентированного подхода	Дифференциация интенсивности надзорных мероприятий в зависимости от категории риска, отрасли и истории нарушений предпринимателя	Снижение избыточной нагрузки на добросовестный бизнес
Смещение акцента на правовосстановительные формы реагирования	Приоритет исковой защиты публичных интересов перед карательными мерами (представления, предостережения)	Реальное восстановление нарушенных прав, а не формальное «наказание»
Развитие координационных механизмов	Четкое разграничение компетенции прокуратуры и контрольно-надзорных органов (ФАС, Роспотребнадзор и др.)	Исключение дублирования и «двойного» контроля

Наиболее перспективным представляется смещение акцента на исковую форму прокурорского реагирования. Как обоснованно утверждает О. С. Капинус, именно иск прокурора в защиту публичных интересов позволяет не только констатировать нарушение, но и добиться реального восстановления законности в экономической сфере [3, с. 194]. Иллюстративно данная трансформация представлена на рисунке 1.

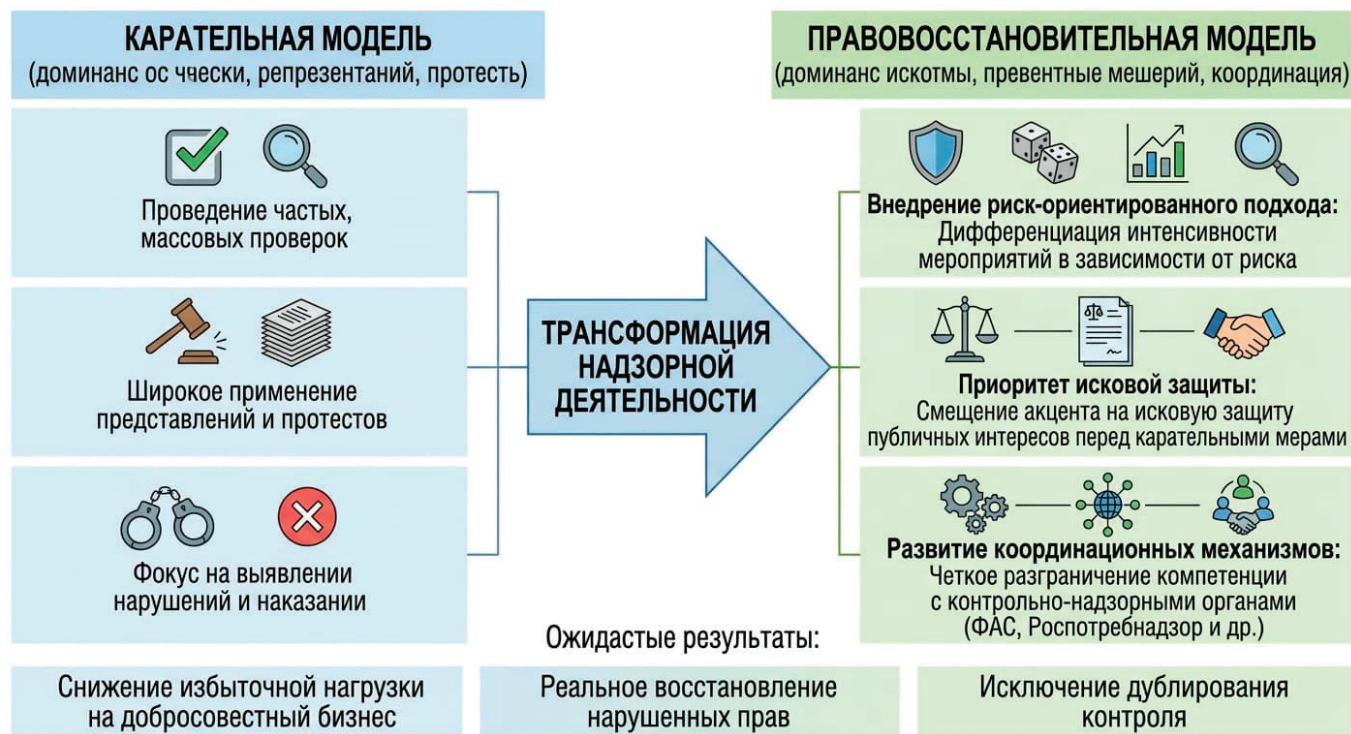

Рис. 1. Трансформация модели прокурорского надзора (составлено автором)

Опираясь на данные рисунка 1, следует отметить, что представленная на нем схема условно отображает переход от «карательной» модели (доминирование проверок, представлений, протестов) к «правовосстановительной» (доминирование исков, превентивных мер, координации).

Проведенное исследование позволяет сформулировать следующие выводы. Во-первых, действующая модель прокурорского надзора за предпринимательской деятельностью содержит внутреннее противоречие между широкими надзорными полномочиями и требованием минимизации вмешательства в хозяйственную деятельность. Во-вторых, повышение эффективности надзора связано не с экстенсивным расширением полномочий, а с их специализацией, внедрением риск-ориентированного подхода и смещением акцента на правовосстановительные формы реагирования. В-третьих, дальнейшее развитие института должно идти по пути формирования «надзора за законностью» в ключевых секторах экономики, основанного на стратегическом планировании и глубоком анализе системных проблем.

Таким образом, оптимизация прокурорского надзора за предпринимательской деятельностью требует комплексного подхода, учитывающего как необходимость защиты публичных интересов, так и потребность в создании благоприятной среды для развития легального бизнеса.

Литература:

1. Баранова М. В. Пределы прокурорского усмотрения при проверке субъектов предпринимательства // Предпринимательское право. — 2019. — № 4. — С. 39–44.
2. Белых В. С. Правовое регулирование предпринимательской деятельности в России: монография. — М.: Проспект, 2021. — 368 с.
3. Капинус О. С. Прокурорский надзор. Особенная и Специальная части: учебник для вузов. — М.: Юрайт, 2022. — 462 с.
4. Тихомиров Ю. А. Правовое обеспечение баланса публичных и частных интересов // Государство и право. — 2020. — № 8. — С. 5–16.
5. Solomon Jr. Legal change in post-communist states: progress, reversions, explanations / Peter H. Solomon Jr., Kaja Gadowska (eds.). — Stuttgart: Ibidem, cop. 2019. — 330 с.

Социальная справедливость и равноправие сторон в уголовном судопроизводстве

Киргинцева Кристина Витальевна, студент магистратуры
Московский гуманитарный университет

В данной публикации исследуются особенности уголовного судопроизводства в контексте социальной справедливости и равноправия сторон. Обосновывается суждение о необходимости соблюдения баланса прав сторон обвинения и защиты, что возможно благодаря участию в деле защитника, оказывающего профессиональную юридическую помощь своему доверителю (обвиняемому). Определяются задачи уголовного судопроизводства. Исследуется проблема равноправия сторон при сборе доказательств и их последующего вовлечения в уголовный процесс.

Ключевые слова: социальная справедливость, равноправие, уголовное судопроизводство, следовательно, обвиняемый, защитник.

Уголовное судопроизводство представляет собой особую сферу правоприменения, в рамках которой реализуется уголовное преследование в отношении лица, подозреваемого (обвиняемого) в совершении преступления. Безусловно, данная правовая отрасль несет в себе повышенную ответственность для всех должностных лиц ее реализующих, так как в ней непосредственно реализуется государственное принуждение при задержании лица и применении к нему меры пресечения, а также выносится приговор с назначением уголовного наказания. Важнейшим видится вопрос о соблюдении прав и законных интересов обвиняемого, возможности реализации им своих процессуальных прав, разумном балансе сторон защиты и обвинения.

В Уголовно-процессуальном кодексе РФ [2] (далее — УПК РФ) в соответствии со ст. 15 предусмотрено, что судопроизводство реализуется в соответствии с принципом состязательности, который предполагает двухстороннее доказывание по каждому фактическому обстоятельству дела, возможность сбора доказательств, заявления жалоб.

Состязательность также выражается в равноправии сторон. Данный принцип уголовного судопроизводства закреплен в ст. 244 УПК РФ и предполагает для сторон обвинения и защиты равные возможности в части сбора, исследования доказательств и их предоставления для суда. Также равные права для обвинения и защиты предусмотрены для заявления отводов, ходисов, жалоб, возражения, участия в прениях сторон.

Вышеприведенные нормы в полной мере соответствуют принципу социальной справедливости, то есть равноправие для каждого участника уголовного судопроизводства в реализации своих прав и законных интересов.

Социальная справедливость в отношении обвиняемого имеет безусловный характер ввиду действия презумпции невиновности, что прямо закреплено в ст. 14 УПК РФ:

— виновность признается только решением суда, до этого момента обвиняемый не является виновным, соответственно, его права и свободы должны соблюдаться в полном объеме (с учетом законодательных положений уголовного процесса);

— все сомнения, недоказанность, ошибки следствия трактуются в пользу обвиняемого;

— обвиняемый имеет право не свидетельствовать против себя самого, что также относится и родственника обвиняемого, которые также в силу ст. 51 Конституции РФ [1] имеют право отказаться от дачи показаний против обвиняемого. Бремя доказывания вины обвиняемого в полном объеме возложено на сторону обвинения;

— приговор суда, выносимый в отношении подсудимого, должен быть основан на фактических доказательствах его вины; недопустимы предположения, которые не были подтверждены или опровергнуты судом в ходе судебного следствия.

Социальная справедливость и равноправие сторон в уголовном судопроизводстве также обусловлены наличием в уголовном процессе такого участника, как защитник. В соответствии с ч.1 ст. 49 УПК РФ «Защитник — лицо, осуществляющее в установленном порядке защиту прав и интересов подозреваемых и обвиняемых и оказывающее им юридическую помощь при производстве по уголовному делу».

Социальная роль участия защитника в уголовном судопроизводстве заключается в необходимости профессионального сопровождения для подозреваемого (обвиняемого) на всех его этапах. Данная необходимость обусловлена нормами социальной справедливости: следовательно, прокурор, выступая участниками уголовного судопроизводства со стороны обвинения, безусловно, являются профессиональными юристами с огромным опытом практической работы в сфере уголовно-процессуальной деятельности; с другой стороны — подозреваемый (обвиняемый), который в подавляющем большинстве случаев даже не имеет юридического образования, не говоря уже про опыт его применения. К тому же необходимо учитывать и фактор того, что обвиняемый находится в длительном стрессовом состоянии, обусловленным внезапностью его задержания, применения меры пресечения и неопределенностью в его дальнейшей судьбе — ведь уголовное судопроизводство предполагает уголовное наказание, в том числе связанное с лишением свободы.

В сухом остатке на «чаше весов» имеем очевидный дисбаланс с уклоном в пользу стороны обвинения. Для того, чтобы восстановить равноправие сторон для обвиняемого необходима профессиональная помощь, которая по-

зволит ему реализовать свои права на защиту, отстоять свои интересы, доказать истинность конкретных фактов и событий, указывающих на его невиновность. Это и есть реализация принципа социальной справедливости и равноправия в уголовном судопроизводстве.

Еще в 19 веке известный отечественный деятель в сфере уголовного процесса Иван Яковлевич Фойницкий писал, что «задача уголовного правосудия состоит не в наказании во что бы то ни стало, а только в наказании виновного. Осуждение невинного противоречит ему столько же, и даже более, чем оправдание виновного» [4, с. 12].

В п.2 ч.1 ст. 6 УПК РФ также закреплено положение, которым в качестве назначения уголовного судопроизводства предусмотрена государственная обязанность защиты обвиняемого от незаконного и необоснованного обвинения. Ее реализация становится возможной (в большей степени) благодаря участию защитника.

В целях реализации принципа социальной справедливости и равноправия сторон в уголовном судопроизводстве УПК РФ (п.2, 3 ч.1 ст. 55, ч.2, 3 ст. 86 УПК РФ) предоставил защитнику важнейшее право на сбор доказательств и их предоставление следователю для приобщения к уголовному делу. Доказательства по уголовному делу — важнейший элемент уголовного судопроизводства, без которого попросту невозможно привлечь лицо, виновное в совершении преступления, к уголовной ответственности.

Однако защитник фактически не обеспечивает сбор доказательств по делу, статус которых определен УПК РФ, а собирает информацию, которая в дальнейшем с определенной долей вероятности может приобрести статус доказательства, так как решение о том, будет ли приобщено к уголовному делу по ходатайству защитника какое-либо доказательство или нет, принимает следователь, вынося соответствующее постановление. А учитывая, что следователь — это участник уголовного судопроизводства со стороны обвинения и он прямым образом заинтересован, чтобы возбужденное уголовное дело было передано в суд, и в конечном итоге чтобы обвиняемый был осужден, то вопрос об объективности его оценки представленного защитником доказательства является риторическим [3, с. 191].

На практике при производстве по уголовному делу сторона обвинения, в частности следователь, собирает

доказательства по делу, которые указывают на виновность подозреваемого (обвиняемого) в совершении преступления. Доказательства обратного порядка, которые, наоборот, трактуются в пользу лица, в отношении которого ведется уголовное преследование, приобщаются к материалам уголовного дела крайне неохотно, несмотря даже на наличие соответствующего ходатайства со стороны защиты.

Следователь (дознатель) наделен гораздо более широким и эффективным инструментарием, и что немаловажно, все его требования, в том числе направленные на получение доказательств, имеют обязательный для исполнения характер, который гарантируется силой государственного принуждения.

Таким образом, кардинальное отличие в полномочиях следователя и защитника по сбору доказательств препятствует реализации принципа равноправия сторон уголовного судопроизводства и ущемляет конституционные права подозреваемого (обвиняемого). Об этом также свидетельствует отсутствие единообразия судебной практики, где в одном случае суд поддерживает сторону защиты и принимает полученные ей доказательства, а в другой ситуации — игнорирует ходатайство адвоката-защитника, оставляя неизменным решение следователя об отказе в удовлетворении ходатайства защитника о приобщении доказательств по делу.

В завершение данного исследования сделаем вывод о том, что социальная справедливость и равноправие сторон в уголовном судопроизводстве являются взаимообусловленными категориями, посредством реализации которых подозреваемый (обвиняемый) имеет возможность на должном уровне обеспечить защиту своих прав и законных интересов посредством вовлечения в уголовный процесс защитника — профессионального юриста (адвоката), который действует в интересах доверителя, оказывает полное процессуальное сопровождение на всех этапах уголовного судопроизводства. Однако, несмотря на закрепленные в УПК РФ положения, свидетельствующие о равных возможностях сторон обвинения и защиты, фактически наблюдается очевидная диспропорция в процессуальных полномочиях указанных субъектов, что было показано на примере сбора защитником доказательств и сложностями признания их таковыми применительно к конкретным уголовным делам.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>, 04.07.2020.
2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 29.12.2025) // Собрание законодательства РФ, 24.12.2001, N 52 (ч. I), ст. 4921.
3. Актуальные проблемы деятельности правоохранительных органов: учебное пособие / Ю. В. Трунцевский, Е. И. Сейфетдинова, Н. В. Григорьева и др.; под общ. ред. Ю. В. Трунцевского. — Москва: Издательство Московского гуманитарного университета, 2025. С. 191.
4. Фойницкий И. Я. Защита в уголовном процессе как служение общественное. СПб., 1885. С. 12.

Проблемы правового регулирования государственно-частного партнёрства в области охраны окружающей среды

Кобцева Арина Евгеньевна, студент магистратуры
Алтайский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации (г. Барнаул)

Взаимодействие органов государственной власти и субъектов предпринимательской деятельности в Российской Федерации является эффективным механизмом для достижения социально-экономического развития государства и повышение качества жизни населения.

Решение проблем, связанных с состоянием окружающей среды, способствует сохранению благоприятной экологической обстановки для населения и будущих поколений, тем самым обеспечивая безопасность жизни и социально-экономическое благополучие граждан. Важным инструментом охраны окружающей среды является государственно-частное партнерство (ГЧП) в этой сфере.

Для частного партнера такое взаимодействие открывает доступ к государственным ресурсам, создает условия для тесного инвестиционного планирования, получения прибыли и государственных льгот.

Государство, в свою очередь, получает возможность модернизировать инфраструктуру, стимулировать экономический рост, создавать новые рабочие места и выполнять национальные экологические обязательства без значительного расходования бюджетных средств.

По оценкам экспертов, за последнее пятилетие сфера обращения с отходами стала самой популярной для государственно-частного партнерства [4]. Вместе с тем, в данной отрасли существует большое количество нерешенных проблем правового регулирования.

Так, несмотря на формальное включение отдельных экологических объектов в перечень объектов соглашений, предусмотренных статьей 7 Федерального закона от 13 июля 2015 г. № 224-ФЗ «О государственно-частном партнерстве, муниципально-частном партнерстве в Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (далее — Закон о ГЧП), источники правового регулирования государственно-частного партнерства в полной мере не учитывают многообразия экологических объектов.

В частности, статья 7 Закона о ГЧП содержит ограниченный перечень экологических объектов, по которым могут заключаться соглашения. Законодатель не включает в него особо охраняемые природные территории, объекты рекультивации земель, системы экологического мониторинга. Такая фрагментарность в выборе объектов соглашений создает искусственные барьеры для реализации проектов, нацеленных на охрану окружающей среды и сохранение природных ресурсов.

Кроме того, ни Закон о ГЧП, ни иные нормативно-правовые акты, регулирующие государственно-частное парт-

нерство, не учитывают специфику реализации экологических проектов. В частности, законодатель не дает решения проблем «исторического загрязнения», или накопленного вреда окружающей среде от прошлой хозяйственной деятельности.

Основная проблема на практике состоит в том, что частный партнер, принимая на себя обязательства по очищению и модернизации загрязненного объекта, прежний собственник которого не был привлечен к ответственности за нарушения, сразу же сталкивается с внушительными штрафами от уполномоченных государственных органов за нарушение экологического законодательства.

Также, правовое регулирование данной сферы не приведено в соответствие с её экономическими особенностями. Так, экологические бизнес-проекты характеризуются долгим сроком окупаемости и низкой финансовой отдачей. Зарубежный опыт показывает, что указанные недостатки таких проектов компенсируются за счет минимальных государственных гарантий [3].

Механизм минимального гарантированного дохода в российском законодательстве о ГЧП представлен в пункте 3 статьи 10.1 Федерального закона от 21 июля 2005 года № 115-ФЗ «О концессионных соглашениях» и описывается как «возмещение недополученных концессионером доходов от использования (эксплуатации) объекта концессионного соглашения в целях обеспечения минимального гарантированного дохода концессионера от использования (эксплуатации) объекта концессионного соглашения, определенного в концессионном соглашении».

Несмотря на формальное наличие возможности получить денежную поддержку в такой форме, на практике данный механизм не реализуется, поскольку отсутствует системное регулирование порядка возмещения доходов, основания такого возмещения, не раскрывается содержание понятия «минимального гарантированного дохода».

Исходя из вышеизложенных проблем следует, что действующее правовое регулирование государственно-частного партнерства в сфере охраны окружающей среды является несовершенным и не учитывает специфики экологических проектов. Федеральные законы № 224-ФЗ и № 115-ФЗ не учитывают ключевых особенностей природоохранной деятельности, что становится серьезной проблемой при возрастающем спросе со стороны частного бизнеса на участие в экологических проектах и требует систематизации и актуализации законодательства.

Литература:

1. О концессионных соглашениях: Федеральный закон от 21 июля 2005 года. — Текст: электронный // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_54572/ (дата обращения: 23.05.2026).
2. Об участии в государственно-частном партнерстве, муниципально-частном партнерстве в Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон № 224-ФЗ от 08 июля 2015 года. — Текст: электронный // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_182660/ (дата обращения: 23.05.2026).
3. Полтораднева Н. Л., Латыпова М. В. Проблемы финансирования экологической безопасности России и пути их решения посредством государственно-частного партнерства // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2016. № 11 (344). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-finansirovaniya-ekologicheskoy-bezopasnosti-rossii-i-puti-ih-resheniya-posredstvom-gosudarstvenno-chastnogo-partnerstva> (дата обращения: 21.03.2026).
4. Капанса М. Ж. Зарубежный опыт применения государственно-частного партнерства в сфере обращения с производственными отходами // Экономические отношения. 2019. № 1 (9).
5. Сфера обращения с отходами стала самой популярной для государственно-частного партнерства в 2022–2023 годах [Электронный ресурс] // Российский экологический оператор: официальный сайт. — 2024. — URL: <https://reo.ru/tpost/n0cc325u91-sfera-obrascheniya-s-othodami-stala-samo> (дата обращения: 25.05.2026).

Совершенствование прокурорского надзора в сфере профилактики преступлений несовершеннолетних

Ковалева Александра Александровна, студент
Челябинский государственный университет

В статье предлагается комплекс мер, направленных на совершенствование прокурорского надзора: разработка и принятие Федерального закона об основах ювенальной юстиции, введение обязательной специализации прокуроров по защите прав несовершеннолетних, включение специализированных дисциплинарных модулей в программы профессиональной подготовки, утверждение стандартов взаимодействия с несовершеннолетними, а также расширение полномочий прокурора в системе профилактики. Реализация предложенных мер позволит сформировать более эффективный, системный и превентивный механизм прокурорского надзора, ориентированный на выявление и устранение причин и условий противоправного поведения несовершеннолетних.

Ключевые слова: прокурорский надзор, несовершеннолетние, профилактика преступлений, ювенальная юстиция, специализация прокуроров.

Профилактика преступности среди несовершеннолетних является одним из приоритетных направлений государственной политики России, в реализации которого ключевая роль отведена органам прокуратуры. Обладая уникальным правозащитным и надзорным потенциалом, прокуратура призвана обеспечивать скоординированную и законную деятельность всех субъектов системы превенции. Однако на сегодняшний день эффективность прокурорского надзора в этой сфере существенно снижается из-за фрагментарности нормативно-правового регулирования ювенальных технологий, отсутствия единой законодательной базы и дефицита у прокурорских работников профильных психолого-педагогических компетенций.

Рассмотрим пути совершенствования надзора в сфере профилактики преступлений несовершеннолетних. Центральным и наиболее дискуссионным в отечественной

правовой науке вопросом остаётся отсутствие в Российской Федерации кодифицированного законодательного акта, системно регулирующего правовое положение несовершеннолетнего как особого субъекта права в сфере правосудия и профилактики. Нормы, регламентирующие обращение с несовершеннолетними правонарушителями и лицами, находящимися в социально опасном положении, рассредоточены по многочисленным отраслевым актам, а также подзаконным актам ведомственного характера. Фрагментарность правового регулирования существенно затрудняет формирование единообразной правоприменительной практики и создаёт объективные препятствия для осуществления полноценного прокурорского надзора.

В доктрине уголовного процесса и прокурорского надзора данная проблема неоднократно ставилась исследователями. Так, ряд правоведов обоснованно указывает, что

«отсутствие в России специализированного закона о ювенальном судопроизводстве порождает пробельность правовых механизмов защиты несовершеннолетних на всех стадиях уголовного процесса» [5; с. 68]. Другие справедливо констатируют, что разрозненность норм о несовершеннолетних «является одним из факторов, снижающих превентивный потенциал системы уголовной юстиции в отношении подростков» [6; с. 166].

В этой связи нами предлагается разработка и принятие Федерального закона «Об основах ювенальной юстиции в Российской Федерации», в котором необходимо закрепить:

- понятийный аппарат ювенальной юстиции (в том числе определения понятий «ювенальная юстиция», «несовершеннолетний правонарушитель», «восстановительное правосудие», «профилактическое сопровождение»);

- принципы приоритета воспитательного воздействия над карательным, индивидуализации профилактических мер, непрерывности сопровождения, конфиденциальности сведений о несовершеннолетнем;

- систему специализированных субъектов ювенальной юрисдикции, включая специализированные составы судей по делам несовершеннолетних, специализированных следователей и прокуроров;

- чёткое разграничение полномочий прокурора в системе ювенальной юстиции как самостоятельного субъекта надзора, выходящего за пределы роли государственного обвинителя в уголовном судопроизводстве.

Принятие указанного закона потребует внесения корреспондирующих изменений в Федеральный закон от 17 января 1992 года № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» [1]. Представляется обоснованным дополнить статью 26 данного закона, посвящённую надзору за соблюдением прав и свобод человека и гражданина, новой частью следующего содержания: «Прокурор осуществляет специализированный надзор за соблюдением прав и законных интересов несовершеннолетних в рамках системы ювенальной юстиции, за исполнением органами и учреждениями системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних требований законодательства о защите прав детей, а также за законностью применения мер воспитательного воздействия в отношении несовершеннолетних».

Данное дополнение позволит нормативно обособить ювенальное направление прокурорского надзора в качестве самостоятельной подотрасли, наделив прокурора устойчивой законодательной основой для осуществления надзора за всеми субъектами профилактической системы вне зависимости от возбуждения уголовного дела. И уже потом можно будет доктринально (а после и нормативно) разрабатывать направление прокурорского надзора в сфере профилактики правонарушений несовершеннолетних.

Представляется целесообразным рассмотреть возможность внесения конкретных поправок в нормативные пра-

вовые акты, а также поправок в методологическую составляющую прокурорского надзора. Действующая редакция Федерального закона от 24 июня 1999 года № 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» [2] не предоставляет прокурору полномочий по вынесению обязательных для исполнения требований организационно-профилактического характера в адрес конкретных субъектов системы профилактики. Имеющийся инструментарий, а именно представление об устранении нарушений закона, является актом реагирования после выявленного нарушения и в практике прокурорского надзора нередко воспринимается руководителями образовательных учреждений, органов опеки и попечительства, комиссий по делам несовершеннолетних как формальный документ, не требующий реального пересмотра системы профилактической работы. В целях устранения указанного пробела предлагается дополнить статью 10 Федерального закона № 120-ФЗ пунктом 5 следующего содержания: «Прокурор по результатам проверки деятельности субъектов системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних вправе выносить обязательное для исполнения требование об устранении причин и условий, способствующих совершению правонарушений несовершеннолетними, с указанием конкретных мер профилактического характера, подлежащих реализации, срока исполнения, а также с установлением обязанности руководителя соответствующего органа или учреждения представить прокурору письменный отчёт о принятых мерах».

Далее отметим, что существующий Приказ Генеральной прокуратуры № 744 [4] носит процедурно-организационный характер и не содержит требований к профессиональным компетенциям прокурорских работников в части взаимодействия с несовершеннолетними как особой категорией участников правоотношений. Между тем в доктрине прокурорского надзора обоснованно указывается, что «качество надзора в сфере прав детей детерминировано не только юридической грамотностью прокурора, но и его психолого-педагогической компетентностью — способностью адекватно воспринимать показания и объяснения несовершеннолетнего, выстраивать с ним доверительный контакт и избегать вторичной виктимизации» [6; с. 209]. В этой связи предлагается издание самостоятельного Приказа Генеральной прокуратуры Российской Федерации «О специализации прокурорских работников в сфере надзора за соблюдением прав несовершеннолетних и профилактики их противоправного поведения», предусматривающего следующее:

1. Введение обязательной специализации. В органах прокуратуры субъектов Российской Федерации и приравненных к ним специализированных прокуратурах надлежит ввести штатную специализацию прокурорских работников по направлению «надзор в сфере прав несовершеннолетних», предусматривающую закрепление за соответствующим прокурором исключительной компетенции в данной области в рамках конкретного струк-

турного подразделения. В городских и районных прокуратурах аналогичная специализация должна быть введена посредством распределения функциональных обязанностей между помощниками прокурора. Данная мера обеспечивает не только предметную сосредоточенность прокурора на ювенальной проблематике, но и накопление специальных профессиональных знаний и устойчивых практических навыков работы с несовершеннолетними, что принципиально важно с учётом психологических особенностей данной категории лиц.

2. Включение специализированных образовательных модулей в программы профессиональной подготовки. Приказ должен обязать Университет прокуратуры Российской Федерации включить в программы профессиональной переподготовки и повышения квалификации прокурорских работников, специализирующихся в сфере прав несовершеннолетних, следующие обязательные дисциплинарные модули:

— «Детская и подростковая психология: возрастные особенности несовершеннолетних и их учёт в надзорной деятельности»;

— «Методика проведения профилактических бесед с несовершеннолетними различных возрастных и социальных групп»;

— «Виктимология несовершеннолетних: типология жертв и механизмы вторичной виктимизации»;

— «Основы восстановительного правосудия и медиации в делах с участием несовершеннолетних»;

Периодичность прохождения повышения квалификации по указанным программам надлежит установить не реже одного раза в три года, что соответствует общей логике ведомственного регулирования системы подготовки прокурорских кадров.

3. Закрепление стандарта взаимодействия прокурора с несовершеннолетним. Приказ должен содержать стандарт процедуры взаимодействия прокурорского работника с несовершеннолетним в рамках надзорных и профилактических мероприятий, предусматривающий в том числе: обязательное присутствие педагога-психолога или иного специалиста в области детской психологии при опросе несовершеннолетнего либо проведении с ним профилактической беседы; применение адаптированных коммуникативных техник с учётом возраста и уровня психического развития конкретного ребёнка; недопустимость использования формулировок и методов, способных оказать психологическое давление на несовершеннолетнего или спровоцировать у него чувство вины без достаточных к тому оснований.

Также для повышения эффективности информационного обмена и координации может быть предложено дополнить Федеральный закон «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» нормой, устанавливающей обязанность субъектов системы профилактики предоставлять прокурорам, осуществляющим надзор, оперативные и стандартизированные сведения о выявленных случаях на-

хождения несовершеннолетних в социально опасном положении, поставленных на учёт семьями и детях, а также о принятых в отношении них мерах, с использованием определенных форматов и сроков.

Для придания надзору большей системности и комплексности, целесообразно рассмотреть возможность детализации в Федеральном законе «О прокуратуре Российской Федерации» или в ведомственных приказах Генерального прокурора РФ положений, касающихся организации и проведения прокурорами скоординированных (совместных с другими органами) проверок деятельности всех субъектов системы профилактики на определенной территории, с установлением порядка их проведения и целей, ориентированных на выявление системных проблем.

Такие законодательные изменения могли бы стать правовой основой для более активного и эффективного вмешательства прокуратуры в деятельность системы профилактики, направленного на устранение не только последствий, но и глубинных причин безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних, обеспечивая тем самым более надежную защиту их прав и законных интересов.

Если преступление несовершеннолетним всё же было совершено, следует все же помнить о недопустимости нарушения прав и свобод несовершеннолетнего и специфике осуществления следственных действий и исполнения наказания. Хочется также уточнить некоторые полномочия прокурора в рамках проведения следственных действий при расследовании преступлений, совершенных несовершеннолетними, и предложить внести соответствующие изменения в ст. 37 УПК РФ [3]:

1) Обязать прокурора, осуществляющего надзор за исполнением законов, при расследовании преступлений, совершенных несовершеннолетними, обращать пристальное внимание на соблюдение их прав и свобод, посредством анализа материала, характеризующего личность несовершеннолетних и условия их жизни. Закрепить за прокурором обязанность лично участвовать в следственных действиях, при которых чаще всего нарушаются права несовершеннолетних. Например, присутствие при первых допросах несовершеннолетнего, совершившего тяжкое или особо тяжкое преступление, участие в проведении следственного эксперимента;

2) Закрепить за прокурором обязанность запрашивать у органа опеки и попечительства информацию об условиях жизни несовершеннолетнего и его семьи. Это позволит прокурору получить полную картину семейной обстановки, в которой проживает ребенок, что позволит ему сделать взвешенные и обоснованные выводы о действиях сотрудников правоохранительных органов, например, в случаях вынесения постановления об отстранении законного представителя несовершеннолетнего.

Как итог, реализация предложенного комплекса мер позволит сформировать качественно новый уровень прокурорского надзора в сфере профилактики преступлений несовершеннолетних — надзора, ориентирован-

ного не на формальное реагирование по факту уже совершённого нарушения, но на системное, последовательное и превентивное воздействие на причины и условия про-

тивоправного поведения несовершеннолетних, что в конечном счёте будет способствовать снижению уровня преступности.

Литература:

1. О прокуратуре Российской Федерации: Федеральный закон от 17 января 1992 № 2202-1 (ред. от 29.12.2025) // Собрание законодательства РФ. — 20.11.1995. — № 47. — Ст. 4472. — Текст: непосредственный.
2. Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних: Федеральный закон от 24.06.1999 № 120-ФЗ (ред. от 23.07.2025) // Собрание законодательства Российской Федерации. — 28.06.1999. — № 26. — Ст. 3177. — Текст: непосредственный.
3. Уголовно-процессуальный кодекс РФ от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (ред. от 08.03.2026) // Собрание законодательства РФ. — 2001. — № 52 — Ст. 49 — Текст: непосредственный.
4. Об организации прокурорского надзора за исполнением законодательства о несовершеннолетних, соблюдением их прав и законных интересов: Приказ Генеральной прокуратуры Российской Федерации от 13.12.2021 № 744 // Законность. — 2022. — № 2. — Текст: непосредственный.
5. Каххоров, Д. Г. Перспективы совершенствования правового регулирования прокурорского надзора за исполнением законов о несовершеннолетних и молодежи / Д. Г. Каххоров, В. М. Абдрашитов // Legal Concept. — 2022. — Т. 21, № 2. — С. 68–74. — Текст: непосредственный.
6. Чередниченко, Е. Е. Основные направления профилактики преступлений несовершеннолетних / Е. Е. Чередниченко // Вестник Саратовской государственной юридической академии. — 2023. — № 2 (151). — С. 166–174. — Текст: непосредственный.
7. Шадрин, И. А. Некоторые особенности осуществления прокуратурой надзорных полномочий в сфере исполнения законодательства о профилактике безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних / И. А. Шадрин // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки. — 2019. — Т. 5, № 71 (3). — С. 209. — Текст: непосредственный.

Проблема идентификации надлежащего ответчика по делам о защите деловой репутации в сети Интернет: анализ судебной практики и пути решения

Колодина Яна Вячеславовна, студент магистратуры
Саратовская государственная юридическая академия

Статья посвящена исследованию проблемы установления надлежащего ответчика по делам о защите деловой репутации субъектов предпринимательской деятельности при распространении порочащих сведений в сети Интернет. На основе анализа судебной практики, правовых позиций Конституционного Суда РФ и Верховного Суда РФ, а также доктринальных разработок рассматриваются типичные модели определения ответчика, проблема анонимности распространителя и правовой статус информационных посредников. Сформулированы предложения по совершенствованию законодательства, направленные на повышение эффективности защиты деловой репутации в цифровой среде.

Ключевые слова: деловая репутация, надлежащий ответчик, диффамация, информационный посредник, сеть Интернет, анонимность, судебная практика, удаление информации.

Защита деловой репутации субъектов предпринимательской деятельности от порочащих сведений, распространяемых в сети Интернет, относится к числу тех правовых задач, сложность которых неуклонно возрастает параллельно с расширением цифрового пространства. Если в эпоху традиционных СМИ установление лица, ответственного за диффамацию, не составляло значительной процессуальной трудности — издание обязано раскрывать выходные данные, а автор, как правило, известен — то в условиях Интернета ситуация приобрела ка-

чественно иной характер. Множественность субъектов, вовлечённых в процесс распространения информации (авторы контента, владельцы сайтов, администраторы доменных имён, хостинг-провайдеры, операторы поисковых систем), в сочетании с технической анонимностью пользователей превращает идентификацию надлежащего ответчика в самостоятельную правовую проблему.

Базовая правовая позиция по данному вопросу сформулирована в п. 5 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 24 февраля 2005 г. № 3, согласно которому над-

лежащими ответчиками признаются авторы не соответствующих действительности порочащих сведений и лица, их распространившие [1]. Е. М. Кобзаренко обоснованно подмечает, что «указанное разъяснение лишь на первый взгляд является всеобъемлющим, в то время как на практике его применение вызывает немало вопросов», обусловленных тем, что «установление авторства подчас невозможно, а в ряде случаев намеренно скрывается» [2, с. 149]. Действительно, данное разъяснение не учитывает специфику цифровой среды, где распространение порочащих сведений нередко носит полисубъектный и трансграничный характер.

Поворотным моментом в разрешении вопроса об ответственности владельцев интернет-ресурсов стало Постановление Конституционного Суда РФ от 9 июля 2013 г. № 18-П по жалобе гражданина Е. В. Крылова [3]. Заявитель оспаривал отказ судов в удовлетворении иска к ОАО «Уралсвязьинформ» — администратору сайта «Сургутский форум», на котором не установленные лица разместили порочащие сведения. Суды мотивировали отказ тем, что сайт не зарегистрирован как СМИ, а ответчик не является автором публикации. КС РФ признал такой подход неконституционным и сформулировал обязанность владельцев интернет-ресурсов удалять порочащие сведения, признанные судом не соответствующими действительности. Данное решение фактически создало алгоритм привлечения информационного посредника к ответственности, который Е. М. Кобзаренко структурирует в виде шестиэтапной последовательности [2, с. 152]: обращение в суд в порядке п. 8 ст. 152 Гражданского кодекса РФ [4], вступление решения в силу, направление требования посреднику, фиксация его отказа и лишь затем — предъявление самостоятельного иска об удалении.

Такая многоступенчатая процедура обеспечивает баланс интересов, однако порождает ощутимые временные издержки. Пока истец проходит все этапы, порочащая информация продолжает находиться в публичном доступе, усугубляя репутационный ущерб. Г. Ю. Мордохов точно описывает эту проблему: «после опубликования опровержения на одном из сайтов в сети Интернет, остальные сайты продолжают содержать порочащую деловую репутацию субъекта информации, о существовании которой субъект может даже не знать» [5, с. 136]. Кроме того, попытка удалить информацию способна вызвать так называемый «эффект Барбары Стрейзанд», когда судебный спор сам по себе привлекает к порочащим сведениям повышенное внимание [5, с. 141].

Обзор практики рассмотрения судами дел по спорам о защите чести, достоинства и деловой репутации, утверждённый Президиумом Верховного Суда РФ 16 марта 2016 г. [6], уточнил позицию высшей инстанции. Пункт 16 Обзора указывает, что надлежащим ответчиком по требованию об удалении порочащей информации из сети Интернет является владелец сайта или иное управомоченное им лицо, обладающее технической возможностью удалить соответствующие сведения без ущерба для своих

прав. Е. В. Гаврилов, анализируя данное разъяснение, констатирует, что «на уровне высшей российской судебной инстанции предусмотрена специфика определения надлежащих ответчиков при распространении порочащей информации в сети Интернет только в отношении требования об удалении информации» [7, с. 114–115]. Иными словами, для иных требований (опровержение, возмещение убытков) специфика надлежащего ответчика при интернет-диффамации нормативно не закреплена, что создаёт правовую лакуну.

Отдельная грань проблемы связана с разграничением правовых статусов владельца сайта и администратора доменного имени. Е. В. Гаврилов обоснованно предлагает «исходить из правовой презумпции, согласно которой лицом, создавшим реальные технические возможности для размещения порочащей информации, является владелец сайта, информация о котором указана на самом сайте с порочащей информацией, а при отсутствии такого указания — администратор доменного имени» [7, с. 118]. Такая опровержимая презумпция снимает с истца бремя установления внутренней организационной структуры интернет-ресурса и переносит его на ответчика, который вправе доказывать отсутствие реальных технических возможностей для управления контентом. Данное предложение заслуживает законодательного закрепления, поскольку соответствует общей логике распределения бремени доказывания, отражённой в ст. 152 ГК РФ.

Анонимность распространителей порочащих сведений, вероятно, остаётся наиболее трудноразрешимой гранью рассматриваемой проблемы. А. Р. Савина и Я. А. Щеголенко систематизируют технологии, позволяющие скрывать личность: VPN-сервисы, система TOR, прокси-серверы, браузеры с защитой приватности, анонимайзеры, временные почтовые адреса [8, с. 232–233]. Разнообразие этих инструментов делает идентификацию автора чрезвычайно затратной, а порой технически невозможной. Т. А. Овцынова приводит характерный пример из практики: на интернет-форуме диффамационные сведения разместило лицо с никнеймом «Вероника», и суд указал, что «псевдоним автора сообщения не доказывает размещение информации именно ответчиком, так как имя Вероника может принадлежать кому угодно» [9, с. 230]. Такой исход типичен и отражает объективную ограниченность процессуальных средств при анонимной диффамации.

А. А. Болдырева, исследуя данную проблему, обращает внимание на коллизию: с одной стороны, п. 3 ч. 2 ст. 131 ГПК РФ требует указания в иске идентифицирующих данных ответчика; с другой — п. 2 Постановления Пленума ВС РФ № 3 допускает рассмотрение заявления о признании сведений недостоверными в порядке особого производства при невозможности установить распространителя [10, с. 477]. Однако, как справедливо подчёркивает Е. М. Кобзаренко, данный пункт нельзя трактовать строго, как вводящий новую категорию дел по делам особого производства, так как прямо такой категории дел в ГПК РФ не предусмотрено [11, с. 12]. Правовая неопре-

делённость относительно допустимости рассмотрения подобных дел в рамках особого производства сохраняется и требует вмешательства законодателя.

Практика арбитражных судов за 2024–2025 гг. подтверждает масштабность обозначенных проблем. В деле ООО «Экопромсервис» против администратора сайта otzovik.com (А57–25278/2023) истец оспаривал 25 негативных отзывов, но суд отказал в иске, квалифицировав все высказывания как оценочные суждения потребителей, а не как проверяемые утверждения о фактах [12]. Ответчик ссылался на статус информационного посредника и отсутствие авторства, что суд посчитал убедительным. Противоположный исход демонстрирует дело индивидуального предпринимателя — блогера «Nahalivars» (А32–54914/2024), где Арбитражный суд Краснодарского края обязал ответчика удалить негативный отзыв из Telegram-канала и опубликовать опровержение с конкретным текстом, поскольку высказывания содержали прямые обвинения в мошенничестве — верифицируемые утверждения о фактах [13]. Дело ООО «Фертоинг» (А56–15055/2025) иллюстрирует третью модель: суд признал анонимные отзывы на четырёх площадках не соответствующими действительности, но в требовании о запрете распространения на всей территории РФ отказал, указав, что подобные меры относятся к административному судопроизводству [14].

Сопоставление этих трёх дел обнаруживает закономерность: эффективность защиты напрямую зависит от того, удалось ли истцу идентифицировать конкретного ответчика и квалифицировать оспариваемые высказывания как утверждения о фактах, а не оценочные суждения. Там, где ответчик известен и высказывания содержат проверяемые обвинения (дело «Nahalivars»), суд применяет весь арсенал способов защиты. Там же, где автор анонимен, а платформа выступает лишь техническим посредником (дело «Экопромсервис»), истец оказывается практически беспомощен. Эта асимметрия свидетельствует о необходимости законодательного расширения обязанностей платформ по содействию в раскрытии данных авторов порочащего контента и по оперативному реагированию на обоснованные жалобы.

О. В. Моисеева, анализируя проблему отзывов на интернет-площадках, приходит к выводу о необходимости установления требований к порядку их публикации и предлагает ряд мер: запрет на покупку и продажу поддельных отзывов, запрет использования искусственного интеллекта для их создания, а также установление гражданской ответственности информационного ресурса за

отказ от проверки информации, предположительно содержащей порочащие сведения [15, с. 31–32]. Эти предложения корреспондируют с общей тенденцией к усилению обязанностей платформ пользовательского контента.

Е. В. Гаврилов отмечает, что удаление информации из сети Интернет и опровержение — самостоятельные способы защиты с разной правовой природой: «факт удаления порочащей информации с сайта ответчика не может сам по себе являться основанием для отказа в удовлетворении исковых требований о публикации опровержения» [16, с. 12]. Это разграничение принципиально для правильного определения надлежащего ответчика: по требованию об удалении им выступает лицо, обладающее технической возможностью удалить контент; по требованию об опровержении — распространитель; по требованию о возмещении убытков — причинитель вреда.

Обобщая изложенное, представляется обоснованным сформулировать ряд предложений по совершенствованию действующего регулирования. Прежде всего целесообразно дополнить ст. 152 ГК РФ нормой, закрепляющей опровержимую презумпцию ответственности владельца сайта (а при невозможности его установления — администратора доменного имени) за порочащие сведения, размещённые на ресурсе, если он был уведомлён об их наличии и не принял мер к удалению в разумный срок. Такая модель «уведомление — действие», уже зарекомендовавшая себя в европейском праве, сочетала бы защиту интересов истца с недопущением чрезмерного обременения добросовестных посредников. Далее, целесообразно закрепить в ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» [17] обязанность владельцев платформ пользовательского контента хранить идентификационные данные авторов публикаций (IP-адреса, данные регистрации) в течение определённого срока и предоставлять их по судебному запросу. Наконец, назрела необходимость прямого закрепления в Гражданском процессуальном кодексе РФ [18] категории дел о признании распространённых сведений не соответствующими действительности при невозможности установить распространителя как самостоятельной категории дел особого производства, что устранило бы отмеченную правовую неопределённость и обеспечило единообразие практики. Совокупность этих мер позволила бы сформировать целостный правовой механизм, адекватный вызовам цифровой среды, в котором каждый участник цепочки распространения информации несёт ответственность, пропорциональную степени его участия и контроля над контентом.

Литература:

1. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24 февраля 2005 г. № 3 «О судебной практике по делам о защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и юридических лиц» // Бюллетень Верховного Суда РФ. — 2005. — № 4.
2. Кобзаренко Е. М. Установление надлежащего ответчика при распространении диффамационных сведений в сети Интернет // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2022. № 6 (149). С. 146–155.

3. Постановление Конституционного Суда РФ от 09 июля 2013 г. № 18-П // Собрание законодательства РФ. — 2013. — № 29. — Ст. 4019.
4. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (ред. от 31.07.2025) // Собрание законодательства РФ. — 1994. — № 32. — Ст. 3301; 2025. — № 31. — Ст. 4669.
5. Мордохов Г. Ю. Способы защиты деловой репутации субъектов предпринимательской деятельности: дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2017. 202 с.
6. Обзор практики рассмотрения судами дел по спорам о защите чести, достоинства и деловой репутации (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 16 марта 2016 г.) // Справочно-правовая система Консультант.Плюс. URL: <https://clck.ru/3TvBtB> (дата обращения: 10.10.2025).
7. Гаврилов Е. Г. О надлежащих ответчиках при гражданско-правовой защите чести, достоинства и деловой репутации от не соответствующей действительности порочащей информации, распространенной в сети Интернет (на примере России, Украины, Беларуси) // Право в информационном обществе: трансформация или модернизация? Красноярск: Сибирский федеральный университет, 2019. С. 113–120.
8. Савина А. Р., Щеголенко Я. А. Гражданско-правовая защита от недостоверной информации, распространенной анонимными пользователями // Цифровые инструменты обеспечения устойчивого развития экономики и образования: новые подходы и актуальные проблемы. Орел: Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, 2025. С. 230–236.
9. Овцынова Т. А. Особенности доказывания по делам о защите деловой репутации // Вопросы российской юстиции. 2020. № 5. С. 228–235.
10. Болдырева А. А. Защита чести, достоинства и деловой репутации в цифровую эпоху: проблемы правоприменения // Вопросы российской юстиции. 2025. № 40. С. 472–480.
11. Кобзаренко Е. М. Особенности судопроизводства по спорам о диффамации в судах общей юрисдикции: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2022. 24 с.
12. Решение Арбитражного суда Саратовской области от 21 августа 2025 г. по делу № А57–25278/2023 // Судебные и нормативные акты. URL: <https://clck.ru/3TvDoC> (дата обращения: 10.05.2026).
13. Решение Арбитражного суда Краснодарского края от 3 марта 2025 г. по делу № А32–54914/2024 // Судебные и нормативные акты. URL: <https://clck.ru/3TvDvh> (дата обращения: 10.05.2026).
14. Решение Арбитражного суда г. Санкт-Петербурга и Ленинградской области от 21 октября 2025 г. по делу № А56–15055/2025 // Судебные и нормативные акты. URL: <https://clck.ru/3TvDwr> (дата обращения: 10.05.2026).
15. Моисеева О. В. Некоторые вопросы защиты чести, достоинства, деловой репутации и доброго имени // Юридический вестник Самарского университета Juridical Journal of Samara University. 2025. Т. 11, № 1. С. 26–32.
16. Гаврилов Е. В. О некоторых особенностях судебной защиты чести, достоинства и деловой репутации посредством удаления порочащей информации из сети Интернет // Судья. 2018. № 10. С. 11–14.
17. Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ (ред. от 29.12.2025) «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» // Собрание законодательства РФ. — 2006. — № 31 (ч. I). — Ст. 3448; 2025. — № 52 (ч. I). — Ст. 8356.
18. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ (ред. от 09.04.2026) // Собрание законодательства РФ. — 2002. — № 46. — Ст. 4532; 2026. — № 15. — Ст. 1846.

Субсидиарная ответственность как неуголовные последствия выездной налоговой проверки

Комиссарова Александра Сергеевна, студент магистратуры
Московский финансово-юридический университет МФЮА

Статья посвящена анализу субсидиарной ответственности как самостоятельного имущественного последствия выездной налоговой проверки, возникающего вне рамок уголовного преследования. Цель работы заключается в определении правовой природы механизма привлечения контролирующих лиц к ответственности по налоговым обязательствам организации, а также в выявлении тенденций судебной практики по соответствующим спорам.

Методологическую основу исследования составили формально-юридический, сравнительно-правовой и системный методы, а также анализ судебной практики Верховного Суда Российской Федерации и арбитражных судов. Дополнительно использованы статистические данные Федеральной налоговой службы и материалы дел о банкротстве налогоплательщиков.

В результате исследования установлено, что институт субсидиарной ответственности фактически трансформировался в инструмент компенсации бюджетных потерь, выявленных по итогам выездных налоговых проверок [10]. Выявлено расширение критериев недобросовестности контролирующих лиц, а также снижение значения формального разграничения между налоговой и банкротной ответственностью. Сделан вывод о формировании устойчивой практики взыскания налоговой задолженности с бенефициаров и руководителей организаций при наличии признаков вывода активов, фиктивного документооборота либо искусственного дробления бизнеса.

Практическая значимость исследования заключается в возможности использования выводов при построении системы налогового комплаенса, подготовке доказательственной базы в рамках налоговых споров и разработке механизмов корпоративного контроля.

Ключевые слова: субсидиарная ответственность, выездная налоговая проверка, налоговая задолженность, контролирующее лицо, банкротство, налоговый контроль, недобросовестность.

Введение

Современная практика налогового контроля демонстрирует устойчивое расширение имущественных последствий выездных налоговых проверок [2]. Если ранее основными результатами налогового контроля выступали доначисление налогов, пеней и штрафов, то в настоящее время все большее значение приобретает механизм привлечения контролирующих лиц к субсидиарной ответственности [3]. Данная тенденция обусловлена необходимостью обеспечения реального исполнения налоговых обязательств в условиях недостаточности имущества организации-должника.

Особую актуальность рассматриваемая тема приобрела после активного развития судебной практики по делам о банкротстве, в рамках которой налоговые органы получили возможность взыскивать задолженность не только с юридического лица, но и с его руководителей, участников и фактических бенефициаров [4]. При этом привлечение к субсидиарной ответственности все чаще используется независимо от наличия уголовного преследования за налоговые преступления.

Отдельные аспекты субсидиарной ответственности исследовались в трудах Е. А. Суханова, В. В. Витрянского, И. В. Ершовой, Д. В. Ломакина и других авторов [6; 7; 8; 9]. Вместе с тем в современной научной литературе недостаточно внимания уделено именно взаимосвязи выездной налоговой проверки и последующего механизма субсидиарного взыскания налоговой задолженности. Новизна настоящего исследования заключается в рассмотрении субсидиарной ответственности как самостоятельного инструмента налогового администрирования, выходящего за пределы классического института банкротства [7].

Методологическая основа исследования

Методологическую основу исследования составили общенаучные и специальные юридические методы. Формально-юридический метод использовался при анализе положений Налогового кодекса Российской Федерации, Федерального закона от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)», а также актов Верховного Суда Российской Федерации [4].

Сравнительно-правовой метод позволил сопоставить налогово-правовые и банкротные механизмы взыскания задолженности. Системный подход применялся при исследовании взаимосвязи выездной налоговой проверки, процедур банкротства и института субсидиарной ответственности [3].

Эмпирическую базу исследования составили судебные акты арбитражных судов за 2021–2025 годы, статистические материалы Федеральной налоговой службы, а также сведения Единого федерального реестра сведений о банкротстве [11]. Анализу подвергались дела, в которых налоговая задолженность, установленная по итогам выездной налоговой проверки, становилась основанием для привлечения контролирующих лиц к субсидиарной ответственности [3].

Для обработки эмпирических данных использовались методы правового моделирования и статистического анализа. Особое внимание уделялось выявлению повторяющихся критериев недобросовестного поведения контролирующих лиц [10].

Эмпирическая часть и результаты исследования

Практика последних лет свидетельствует о существенном изменении подхода налоговых органов к взысканию задолженности, выявленной по результатам выездных налоговых проверок [10]. Если ранее основное внимание уделялось доначислению обязательных платежей непосредственно организации-налогоплательщику, то в настоящее время центр правоприменительной активности сместился в сторону установления лиц, фактически контролировавших финансово-хозяйственную деятельность должника. В результате этого институт субсидиарной ответственности стал использоваться как самостоятельный механизм возмещения ущерба бюджету [4].

Анализ материалов арбитражной практики показывает, что в большинстве случаев значительные налоговые доначисления становятся основанием для инициирования процедуры банкротства организации [11]. Налоговый орган, выступая одним из основных кредиторов, получает возможность использовать выводы выездной налоговой проверки в качестве доказательственной базы при обращении с заявлением о привлечении контроли-

рующих должника лиц к субсидиарной ответственности [3]. При этом сами материалы проверки приобретают значение не только налогового, но и процессуального доказательства, подтверждающего недобросовестный характер действий руководства организации [4].

Наиболее распространенной категорией споров являются дела, связанные с использованием формального документооборота и технических контрагентов [5]. В рамках выездных налоговых проверок налоговые органы устанавливают отсутствие реального исполнения сделок, фиктивный характер первичных документов, а также согласованность действий между участниками схемы минимизации налоговых обязательств [2]. Впоследствии указанные обстоятельства получают развитие уже в рамках дел о банкротстве, где суд оценивает не только сам факт налогового правонарушения, но и влияние действий контролирующих лиц на имущественное положение должника.

Судебная практика исходит из того, что систематическое использование организаций, не ведущих самостоятельной хозяйственной деятельности, свидетельствует о намеренном искажении налоговой отчетности и создании искусственного документооборота. При наличии подобных обстоятельств суды, как правило, приходят к выводу о невозможности удовлетворения требований кредиторов вследствие действий контролирующих лиц [10]. В результате налоговая задолженность рассматривается не как обычное последствие предпринимательского риска, а как итог целенаправленного поведения, повлекшего причинение ущерба публичным интересам [7].

Отдельного внимания заслуживают споры, связанные с дроблением бизнеса [10]. В ходе выездных налоговых проверок налоговые органы анализируют структуру взаимозависимых организаций, движение денежных средств, кадровую политику, единый характер управления и распределение хозяйственных функций между юридическими лицами. Если совокупность указанных обстоятельств свидетельствует об искусственном разделении бизнеса с целью сохранения специальных налоговых режимов либо уменьшения налоговой нагрузки, суды признают такую модель недобросовестной [5].

В делах данной категории особое значение приобретает вопрос определения круга контролирующих лиц [10]. Формальный статус участника либо руководителя организации перестал рассматриваться как единственный критерий контроля [9]. Арбитражные суды все чаще исследуют фактическое влияние лица на принятие управленческих решений, распределение финансовых потоков и организацию хозяйственной деятельности. Это привело к расширению круга субъектов, привлекаемых к субсидиарной ответственности [3]. Наряду с директорами и участниками должника к ответственности привлекаются лица, осуществлявшие фактическое руководство компанией, бенефициары бизнеса, родственники руководителей и иные лица, через которых осуществлялось управление активами [4].

Существенное значение в современной судебной практике приобрела оценка поведения руководителя организации после завершения выездной налоговой проверки. Передача бухгалтерской документации, отсутствие сведений о движении активов, сокрытие имущества либо совершение сделок по выводу ликвидных активов рассматриваются судами как самостоятельные основания для привлечения к субсидиарной ответственности [3]. При этом наличие подобных действий зачастую освобождает налоговый орган от необходимости детально доказывать причинно-следственную связь между конкретными решениями руководителя и наступившим банкротством должника, поскольку само создание препятствий для формирования конкурсной массы расценивается как недобросовестное поведение [5].

Проведенный анализ судебных актов позволяет выделить несколько устойчивых подходов, сформировавшихся в практике арбитражных судов.

Содержание судебных актов позволяет сделать вывод о постепенном изменении самой правовой природы субсидиарной ответственности [3]. Формально сохраняя гражданско-правовой характер, данный институт все более отчетливо приобретает признаки публично-правового механизма защиты фискальных интересов государства [7]. Это проявляется прежде всего в том, что основанием для привлечения к ответственности фактически становятся результаты налогового контроля, а сама процедура банкротства используется как инструмент последующего имущественного взыскания.

Одновременно прослеживается тенденция к снижению значения разграничения между налоговой и уголовной ответственностью. На практике отсутствие вступившего в законную силу обвинительного приговора не препятствует взысканию задолженности с контролирующих лиц [10]. Арбитражные суды исходят из самостоятельного характера института субсидиарной ответственности [4] и оценивают прежде всего экономические последствия действий руководства организации. В подобных условиях ключевое значение приобретает не наличие признаков преступления, а установление факта недобросовестного поведения, повлекшего невозможность исполнения налоговой обязанности.

Показательным является и изменение подхода к оценке предпринимательского риска. Если ранее ухудшение финансового состояния организации само по себе не рассматривалось как основание для привлечения руководителя к ответственности, то в современных условиях суды значительно строже оценивают действия контролирующих лиц в период возникновения налоговой задолженности [9]. Совершение сделок с признаками нерыночности, вывод ликвидного имущества, перераспределение финансовых потоков между взаимозависимыми структурами рассматриваются как действия, направленные на причинение ущерба кредиторам, включая государство.

Таким образом, результаты проведенного исследования подтверждают, что выездная налоговая проверка в настоящее время выступает не только формой налого-

вого контроля, но и начальным этапом комплексного механизма имущественного преследования контролирующих лиц [10]. Сформировавшаяся судебная практика ориентирована на обеспечение реального взыскания налоговой задолженности и защиту публичных финансовых интересов, что существенно расширяет пределы применения института субсидиарной ответственности [3].

Заключение

Проведенное исследование позволяет сделать вывод о существенном изменении правовой роли субсидиарной ответственности в современной системе налогового контроля. В настоящее время данный институт выступает не только элементом банкротного механизма, но и самостоятельным способом компенсации бюджетных потерь, выявленных по итогам выездных налоговых проверок [10].

Установлено, что отсутствие уголовного преследования не исключает возможности возложения имуще-

ственной ответственности на контролирующих лиц [10]. Судебная практика ориентирована прежде всего на восстановление нарушенных имущественных интересов государства и обеспечение поступления обязательных платежей в бюджет.

Практическое значение результатов исследования заключается в необходимости формирования внутри организаций эффективной системы налогового комплаенса [8], обеспечения прозрачности финансово-хозяйственной деятельности и надлежащего хранения документации. Руководителям и собственникам бизнеса необходимо учитывать, что формальное отсутствие статуса участника схемы уклонения от налогообложения не гарантирует освобождения от субсидиарной ответственности [3].

Перспективы дальнейших исследований связаны с анализом соотношения субсидиарной ответственности и института взыскания убытков, а также с выработкой единых критериев определения фактического контроля над деятельностью должника.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации. — Текст: электронный // pravo.gov.ru: [сайт]. — URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 03.06.2026).
2. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть первая) от 31.07.1998 № 146-ФЗ. — Текст: непосредственный // Собрание законодательства РФ. — 1998. — № 31. — С. Ст. 3824.
3. Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)». — Текст: электронный // consultant.ru: [сайт]. — URL: <https://online.consultant.ru/riv/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=531404&cacheid=A558A4E25B951286E7ADDD96B0642FD7&mode=splus&rnd=5paI2w#rIW2TLVu8mx82b0r> (дата обращения: 03.06.2026).
4. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 21.12.2017 № 53 «О некоторых вопросах, связанных с привлечением контролирующих должника лиц к ответственности при банкротстве». — Текст: электронный // consultant.ru: [сайт]. — URL: <https://online.consultant.ru/riv/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=522865&cacheid=C0AC6A9E8CAD0C66986C9F5F7573843D&mode=splus&rnd=5paI2w#d5v2TLVnsw7mR5vI> (дата обращения: 03.06.2026).
5. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 30.01.2020 № 305-ЭС19-18285. — Текст: электронный // Контур.Норматив: [сайт]. — URL: <https://normativ.kontur.ru/document?moduleId=7&documentId=356385> (дата обращения: 03.06.2026).
6. Суханов, Е. А. Гражданское право: учебник. Т. 1 / Е. А. Суханов. — М.: Статут, 2022. — Текст: непосредственный.
7. Несостоятельность (банкротство): Научно-практический комментарий новелл законодательства и практики его применения / В. В. Витрянский, В. В. Бациев, А. В. Егоров [и др.]; под ред. В. В. Витрянского. 2-е изд., стер. М.: Статут, 2012. — Текст: непосредственный
8. Ершова, И. В. Государственное регулирование предпринимательской деятельности: учебник / И. В. Ершова, Е. Е. Енькова, О. А. и др. Тарасенко. — М.: Проспект, 2020. — 224 с. с. — Текст: непосредственный.
9. Ломакин, Д. В. Проблемы гражданско-правовой ответственности субъектов, контролировавших исключенное из единого государственного реестра юридических лиц недееспособное общество с ограниченной ответственностью / Д. В. Ломакин. — Текст: электронный // vestnikasmo.ru: [сайт]. — URL: <https://vestnikasmo.ru/articles/problemy-grazhdansko-pravovoy-otvetstvennosti-subektov-kontrolirovavshih-isklyuchennoe-iz-edinogo-gosudarstvennogo-reestra-yuridicheskikh-lits-nedeystvuyushee-obschestvo-s-ogranichennoy-otvetstvennosty/> (дата обращения: 03.06.2026).
10. Статистические данные о результатах налогового контроля. — Текст: электронный // nalog.gov.ru: [сайт]. — URL: https://www.nalog.gov.ru/rn77/related_activities/statistics_and_analytics/forms/ (дата обращения: 03.06.2026).
11. Единый федеральный реестр сведений о банкротстве: статистические материалы и судебная практика. — Текст: электронный // fedresurs.ru: [сайт]. — URL: https://bankrot.fedresurs.ru/?utm_referrer=https%2F%2Fwww.google.com%2F (дата обращения: 03.06.2026).

Институты гражданского общества в Российской Федерации

Коновалов Илья Сергеевич, студент магистратуры
Университет прокуратуры Российской Федерации (г. Москва)

В статье на основе обзора мнений известных правоведов и анализа нормативно-правовой базы раскрывается сущность институтов гражданского общества в Российской Федерации, выявлены ключевые признаки гражданского общества, представлена классификация институтов гражданского общества по сферам деятельности. Выделены проблемы, с которыми они сталкиваются, и сделан вывод необходимости реализации комплексных мер для их решения. Рассмотрены перспективы развития институтов гражданского общества в Российской Федерации.

Ключевые слова: гражданское общество, институты гражданского общества, государство, личность, негосударственные организации, инициативы, гражданская активность, права, законные интересы.

Краеугольным камнем в понимании сущности институтов гражданского общества является само понятие гражданского общества, которое пытались определить известные правоведы и философы. Так, многие из них характеризуют гражданское общество как общество, наделенное крайне развитым уровнем правосознания и правопреемственности. В частности, такое понимание гражданского общества в полной мере раскрыл выдающийся правовед и мыслитель С. С. Алексеев, называя гражданское общество открытой социальной структурой, в которой личность может полноценно осуществлять свои права и свободы [1, с. 110–112].

Но что же такое институты гражданского общества? На этот вопрос ответил А. С. Алексанян, определив их как союз самостоятельных и самоуправляемых цивилистических институтов, которые, сотрудничая с другими элементами системы общества, должны обеспечить реализацию принципа верховенства права [2].

Таким образом, основываясь на вышеизложенном, можно сформировать собственное представление об институтах гражданского общества:

— важнейший элемент социальной структуры Российской Федерации;

— сформированы на принципах гражданского права и играют ключевую роль в реализации социальных, культурных и общественно значимых инициатив граждан;

— обеспечивают условия для самоорганизации общества, диалога между гражданами и органами власти, а также способствуют поддержанию социальной стабильности и уважения к правам и интересам личности;

— не различаются по юридическим формам: закон допускает как наличие, так и отсутствие юридического лица при объединении граждан в общества.

Согласно Федеральному закону от 19.05.1995 № 82-ФЗ (в ред. от 31.07.2025) «Об общественных объединениях», предмет регулирования закона распространяется на все общественные объединения, созданные по инициативе граждан, за исключением религиозных организаций, а также коммерческих организаций и создаваемых ими некоммерческих союзов (ассоциаций) на территории Российской Федерации. Закон допускает создание объединений как с образованием юридического лица, так и без

него, что обеспечивает гибкость форм гражданской активности.

Институты гражданского общества определяются как добровольные объединения граждан, реализующие конституционное право на объединение (ст. 30 Конституции РФ [6]). Они ориентированы на достижение общественно значимых целей: социальное обеспечение; защиту прав и интересов неограниченного круга лиц; решение экологических, культурных, образовательных и иных задач. Деятельность таких организаций регулируется нормативными требованиями, обеспечивающими их легитимность и соответствие принципам правового государства.

В юридической науке выделяются следующие ключевые **признаки гражданского общества**:

— свобода — реализация индивидуальных, групповых и общегосударственных интересов без неправомерного вмешательства государства;

— самоорганизованность и самоуправляемость — инициатива граждан как основа создания и деятельности объединений;

— гласность и открытость — публичность мероприятий, свобода мысли, слова, критики и доступ к информации;

— демократичность — участие граждан в принятии решений, плюрализм мнений;

— правовой характер — деятельность в строгом соответствии с законодательством РФ.

Гражданское общество выступает как система горизонтальных связей между индивидами и группами, дополняющая вертикальные государственные структуры. Оно способствует балансу частных и публичных интересов, выступает механизмом социальной саморегуляции [3].

Институты гражданского общества можно классифицировать **по сферам деятельности**:

— политические: политические партии, общественно-политические движения;

— социально-экономические: профсоюзы, потребительские общества, благотворительные фонды, некоммерческие организации (НКО);

— социокультурные: творческие союзы, образовательные и научные объединения, молодежные организации;

— правозащитные и контрольные: общественные наблюдательные комиссии, правозащитные организации;

— иные: СМИ (в части общественной журналистики), религиозные организации (с учетом особенностей регулирования), местное самоуправление.

Классическими *примерами* институтов гражданского общества в Российской Федерации являются:

— Общественная палата Российской Федерации — консультативно-совещательный орган, обеспечивающий взаимодействие граждан, общественных объединений и органов власти. Проводит общественную экспертизу законопроектов, осуществляет общественный контроль, организует диалог по ключевым вопросам социально-экономического развития, национальной безопасности и защиты прав граждан. Созданная в 2005 году Общественная палата стала важным механизмом обратной связи между обществом и государством;

— Союз потребителей Российской Федерации — защищает права потребителей, проводит экспертизы товаров и услуг, участвует в нормотворчестве;

— Общероссийская молодежная организация «Российский Союз Молодежи» — занимается патриотическим воспитанием, развитием молодежных инициатив, волонтерством;

— Благотворительный фонд «Подари жизнь» — оказывает помощь детям с онкологическими заболеваниями, привлекает значительные средства и волонтеров;

— добровольческий поисково-спасательный отряд «ЛизаАлерт» — занимается поиском пропавших людей, демонстрируя эффективность самоорганизации граждан в кризисных ситуациях;

— фонд «Природа и люди» и аналогичные экологические организации — решают вопросы охраны окружающей среды;

— профессиональные союзы, товарищества собственников жилья (ТСЖ), казачьи общества, народные дружины, региональные общественные палаты и др.

Деятельность институтов регулируется Конституцией РФ, Федеральным законом от 19.05.1995 № 82-ФЗ «Об общественных объединениях», Федеральным законом от 04.04.2005 № 32-ФЗ «Об Общественной палате Российской Федерации», законодательством о некоммерческих организациях и общественном контроле. Государство предоставляет гарантии права на объединение, но уста-

навливает требования к прозрачности, отчетности и недопущению экстремистской деятельности [4].

Вместе с тем не нужно забывать и о трудностях, с которыми сталкиваются институты гражданского общества. К ним относятся: зависимость от государственных грантов и субсидий; сложности с привлечением внебюджетных средств; дополнительные проверки; нехватка ресурсов для полноценной реализации проектов; неравномерное распределение ресурсов (концентрация активных НКО в крупных городах, слабость в регионах). Ну и самая главная сложность — это низкая правовая культура и вовлеченность граждан (ограниченное участие населения в общественной деятельности).

Эти проблемы требуют совершенствования законодательства, развития механизмов государственно-общественного партнерства и повышения доверия общества к НКО.

Отдельного внимания заслуживают перспективы развития институтов гражданского общества в Российской Федерации. В современных условиях они играют все более значимую роль в обеспечении социальной сплоченности, реализации национальных проектов и общественном контроле. Дальнейшее развитие предполагает цифровизацию взаимодействия, поддержку региональных инициатив, совершенствование грантовой системы и укрепление правовой базы. Институты гражданского общества являются неотъемлемой частью социальной структуры Российской Федерации. Они обеспечивают прямой диалог между государством и обществом, представление интересов широкого круга граждан через обращения, круглые столы, общественную экспертизу и СМИ. Главной функцией таких организаций остается защита общественных интересов в органах государственной власти, включая прокуратуру.

Развитие гражданского общества способствует укреплению демократических институтов, повышению эффективности государственного управления и реализации конституционных прав граждан. Для достижения этих целей необходимо преодоление существующих проблем с помощью реализации комплексных мер государственной поддержки, правового регулирования и активизации гражданской позиции.

Литература:

1. Теория государства и права / под общ. ред. С. С. Алексеева. — М. : Норма, 2005. — 458 с.
2. Алексанян, А. С. Гражданское общество / А. С. Алексанян. — Ереван, 2006. — 180 с.
3. Никитина, Е. Е. Система институтов гражданского общества в России: конституционно-правовой аспект / Е. Е. Никитина // Журнал российского права. — 2017. — № 6. — С. 42–46.
4. Попов, Е. А. Гражданское общество в современной России: региональное измерение / Е. А. Попов, С. Г. Максимова // Право и политика. — 2012. — № 7. — С. 1214–1218.
5. Струсь, К. А. Государство и гражданское общество: проблемы правового взаимодействия в России / К. А. Струсь ; под общ. ред. А. В. Малько. — СПб. : Изд-во С.-Петербург. юрид. ин-та, 2005. — 186 с.
6. Конституция Российской Федерации : (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020). — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/

7. Федеральный закон от 19.05.1995 № 82-ФЗ (ред. от 20.02.2026) «Об общественных объединениях». — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_6693/

Понятие и содержание специальных знаний, используемых при расследовании ятрогенных преступлений

Крученков Кирилл Александрович, студент магистратуры
Кубанский государственный университет (г. Краснодар)

На основе законодательства и теоретических положений сформулировано понятие специальных медицинских знаний, используемых при расследовании ятрогенных преступлений, определено их содержание. Обосновано ключевое значение производства комиссионной судебно-медицинской экспертизы по уголовным делам о ятрогенных преступлениях в связи со спецификой таких деяний и обстоятельств, подлежащих установлению в ходе расследования.

Ключевые слова: ятрогенные преступления, особенности расследования преступлений, криминалистическая тактика, судебно-медицинская экспертиза, специальные медицинские знания.

Право на жизнь, право на охрану здоровья и медицинскую помощь составляют фундамент социального государства, поэтому нуждаются в тщательной охране и защите от преступных посягательств. Преступления, совершаемые медицинскими работниками (ятрогенные преступления), нарушают основные права граждан, гарантированные Конституцией Российской Федерации. Медицинские работники — специальные субъекты правоотношений, выполняющие профессиональный долг и по роду деятельности обязанные оказывать качественную медицинскую помощь. В случае нарушения ими соответствующих требований и стандартов, приводящего или способного привести к причинению вреда жизни и здоровью пациента, их деяния характеризуются как общественно опасные и становятся основанием для применения мер уголовной ответственности.

Специфика расследования ятрогенных преступлений заключается в необходимости использования специальных медицинских знаний в форме производства судебно-медицинской экспертизы, посредством которой устанавливаются нарушения, допущенные при оказании медицинской помощи, а также причинно-следственная связь между нарушениями и общественно опасными последствиями. Свойственная уголовным делам о ятрогенных преступлениях содержательная и организационная сложность обуславливает потребность в производстве именно комиссионных судебных экспертиз. В связи с этим научный интерес представляют вопросы содержания и объема специальных медицинских знаний, используемых при производстве комиссионных судебно-медицинских экспертиз.

Для начала отметим, что в законодательстве отсутствует определение понятия специальных знаний, указаны лишь области, в которых такие знания формируются: наука, техника, искусство или ремесло.

В научной литературе предлагаются разные дефиниции. По мнению Д. В. Панариной, специальные знания — это

профессионально приобретенные экспертом и специалистом компетенции (знания, умения, владения), востребованные и используемые в соответствии с процессуальным законодательством Российской Федерации [4, с. 11].

Т. В. Аверьянова, Р. С. Белкин, Ю. Г. Корухов и Е. Р. Росинская под специальными знаниями понимают знания, приобретенные субъектом в процессе практической деятельности путем специальной подготовки или профессионального опыта, основанные на системе теоретических знаний в соответствующей области [1, с. 398].

И. Н. Сорокотягин и Д. А. Сорокотягина определяют специальные знания как системно-структурную характеристику теоретических знаний и практических навыков, умений в области конкретной науки, техники, искусства и ремесла, приобретаемых путем специальной подготовки или профессионального опыта, не являющихся общедоступными и общеизвестными и применяемых в порядке, установленном законом [6, с. 12].

Дискуссионным является также вопрос о круге субъектов, обладающих специальными знаниями. Одни ученые придерживаются широкого подхода, относят к таким субъектам сведущих лиц и правоприменителя [7, с. 193]. Другие авторы считают, что субъектами обладания специальными знаниями выступают только эксперт и специалист [3, с. 48].

Представляется верным второй подход, который имеет прямое законодательное выражение в нормах УПК РФ, определяет процессуальный статус эксперта и специалиста, их роль в расследовании преступлений. Не являются специальными юридические знания, которые применяются следователем, судом, иными участниками уголовного процесса.

Таким образом, можно выделить следующие признаки специальных знаний. Во-первых, в их структуру входят как теоретические знания, так и профессиональные навыки и опыт. Во-вторых, специальные

знания формируются в области науки, техники, искусства и ремесла, они не являются общедоступными, обычными или юридическими. В-третьих, субъектами обладания специальными знаниями выступают только эксперт и специалист.

При расследовании ятрогенных преступлений применению подлежат специальные медицинские знания, что обусловлено существом самих этих преступлений, непосредственно связанных с медицинской деятельностью. В научной литературе под специальными медицинскими знаниями понимается комплекс биологических, медицинских и естественно-научных знаний, способствующих решению медико-биологических проблем, возникающих в процессе расследования преступлений [2, с. 11].

Криминальная ятрогения приводит к общественно опасным последствиям в виде вреда здоровью пациента или его смерти, при этом риск возникновения преступных эксцессов повышается в конкретных сферах медицинской

деятельности. Согласно статистическим данным, чаще всего судебно-медицинские экспертизы назначаются в случаях, связанных с оказанием хирургической, травматологической помощи, а также в сферах гинекологии, педиатрии, неврологии (от 8,9 до 14,9 %) [5, с. 73]. Поэтому содержание специальных медицинских знаний, используемых при производстве комиссионной судебно-медицинской экспертизы в ходе расследования ятрогенных преступлений, на практике ограничивается в основном перечисленными областями медицины.

В заключение резюмируем: специальные медицинские знания в контексте ятрогенных преступлений — это система теоретических знаний, профессиональных навыков и опыта эксперта или специалиста в области медицины (преимущественно хирургии, травматологии, гинекологии, педиатрии, неврологии), используемых в целях расследования и раскрытия преступлений, совершаемых медицинскими работниками.

Литература:

1. Аверьянова Т. В. Криминалистика: учебник / Т. В. Аверьянова. Р. С. Белкин, Ю. Г. Корухов, Е. Р. Россинская. — 4-е изд., перераб. и доп. — М., 2026.
2. Кокорев Р. А. Использование медицинских знаний в расследовании преступлений против личности: автореф. дис... канд. юрид. наук / Р. А. Кокорев. — М., 2018.
3. Кубанов В. В. Криминалистика: Ч. 2. Криминалистическая тактика. Криминалистическая методика: учебное пособие / В. В. Кубанов, Н. В. Грязева. — 2-е изд., испр. и доп. — Самара, 2023.
4. Панарина Д. В. Современные проблемы и тенденции развития языка общей теории судебной экспертизы: автореф. дис... канд. юрид. наук / Д. В. Панарина. — Калининград, 2018.
5. Солодун Ю. В. К вопросу о целесообразности назначения комиссионных судебно-медицинских экспертиз по врачебным делам / Ю. В. Солодун, А. Л. Задарновский, Е. А. Ромашкина // Судебная медицина: вопросы, проблемы, экспертная практика : материалы научно-практической конференции Межрегионального общественного объединения (ассоциации) «Судебные медики Сибири». Томск, 2024.
6. Сорокотягин И. Н. Судебная экспертиза: учебник и практикум для вузов / И. Н. Сорокотягин, Д. А. Сорокотягина. — М., 2023.
7. Старостина А. М. Понятие и сущность специальных знаний, используемых при расследовании уголовных дел / А. М. Старостина // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. — 2020. — № 3–2 (42). — URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=42689981> (дата обращения 09.06.2026).

Проблемы применения института необходимой обороны и способы их решения

Кунаева Анастасия Константиновна, студент

Научный руководитель: Третьяк Мария Ивановна, кандидат юридических наук, доцент

Северо-Кавказский федеральный университет (г. Ставрополь)

Институт необходимой обороны, закрепленный в ст. 37 Уголовного кодекса РФ, является одной из важнейших гарантий реализации права человека на самозащиту. Практика применения данного института имеет ряд проблем — от размытости критериев оценки до сложности доказывания. На основе анализа доктринальных источников и Постановления Пленума Верховного Суда РФ выявлены ключевые коллизии и предложены пути их разрешения.

Ключевые слова: необходимая оборона, общественно опасное посягательство, превышение пределов

В процессе развития общества неизбежно возникают конфликты, вызванные столкновением личных ин-

тересов. В случае опасности или угрозы ее наступления у каждого человека срабатывает инстинкт самосохра-

нения, так как это врожденная форма поведения живых существ. Чтобы защитить себя, человек вынужден обороняться.

Развитие социального государства в условиях правовой интеграции предусматривает, что человек, его жизнь и здоровье, честь и достоинство признаются в демократическом обществе наивысшей социальной ценностью, поэтому их защита является приоритетным направлением уголовно-правовой политики российского государства.

Конституция Российской Федерации (далее — Конституция РФ) гласит: «Человек, его права и свободы являются высшей ценностью». Кроме того, согласно Конституции РФ, каждый вправе защищать свои права и свободы всеми способами, не запрещенными законом.

Институт необходимой обороны детально регламентируется в ст. 37 УК РФ. Тем не менее при квалификации действий, совершенных обороняющимся лицом, правоприменительная практика сталкивается с рядом проблем. Законодатель оперирует оценочными категориями («явное несоответствие», «неожиданность посягательства»), что заставляет суд не просто сопоставлять вред от содеянного, а анализировать субъективное восприятие ситуации обороняющимся лицом.

На первый взгляд рассматриваемый институт кажется достаточно простым: он нашел свое закрепление в УК РФ, разъяснениях Пленума Верховного Суда РФ, где содержатся достаточно четкие формулировки, а также оценочные понятия (к примеру, «несоответствие защиты посягательству» или «чрезмерный вред»), но в то же время включает парадоксальные моменты и определенные противоречия [1].

Также наблюдается тенденция, когда действия обороняющегося лица оцениваются без учета его психоэмоционального состояния в момент нападения. Данное обстоятельство влечет снижение доверия к институту самозащиты [2].

Основной проблемой является юридическая оценка пределов необходимой обороны. Законодатель характеризует превышение пределов необходимой обороны как умышленные действия, которые явно не соответствовали опасности и характеру посягательства, направлен-

ного в сторону обороняющегося лица [3]. Формулировка «явно» является исключительно оценочной. Согласно Постановлению Пленума Верховного Суда от 27.09.2012 № 19 «О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершающего преступление» (далее — ППВС № 19), необходимо учитывать объект посягательства, избранный способ, тяжесть возможных последствий, место и время нападения. Это вносит ясность в определение превышения пределов необходимой обороны, которое дает законодатель.

Согласно прямому указанию ВС РФ, любые сомнения в наличии состояния необходимой обороны и виновности лица, обвиняемого в превышении ее пределов, необходимо толковать в пользу подсудимого [4]. Однако на практике ситуация выглядит совершенно иначе: оборонявшийся вынужден самостоятельно доказывать, что не превысил пределы необходимой обороны, а действовал исключительно в целях защиты собственной жизни. Подобная практика сдвигает баланс в сторону обвинения.

Для разрешения данных проблем необходимо ужесточение процессуального контроля за исполнением разъяснений Верховного Суда о презумпции невиновности обороняющегося. При возникновении сомнений в превышении пределов необходимой обороны, которые могут быть устранены, уголовное преследование должно быть прекращено, а не переqualифицироваться на ст. 108 или 114 УК РФ.

Таким образом, институт необходимой обороны — один из древнейших институтов уголовного права, который изменялся вместе с развитием общества. Современный институт необходимой обороны базируется на положениях Конституции РФ. Именно она, закрепляя естественные права человека, устанавливает среди них и право на необходимую оборону. Основной проблемой современного правоприменения данного института является чрезмерное использование оценочных категорий и отсутствие учета психологического состояния обороняющегося лица. Для ее решения необходим комплексный подход, который включает уточнение критериев превышения пределов необходимой обороны, а также расширение гарантий для лиц, которые реализуют право на самозащиту, закрепленное Конституцией РФ.

Литература:

1. Алексеенко, В. А. Проблемы и перспективы развития института необходимой обороны в Российской Федерации / В. А. Алексеенко // Вестник науки. — 2024. — Т. 4. — № 1 (70). — С. 111–118.
2. Тхазеплов, Т. М. Институт необходимой обороны: проблемы применения и пути их решения / Т. М. Тхазеплов // Пробелы в российском законодательстве. — 2023. — Т. 16. — № 4. — С. 278–282.
3. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.09.2012 № 19 «О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление» // Консультант-Плюс. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_135861/ (дата обращения: 07.06.2026).
4. Гребенкин, Ф. Б. О превышении пределов необходимой обороны / Ф. Б. Гребенкин // Право и общество. — 2023. — № 4 (13). — С. 19–23.

Жилищные алименты в судебной практике: порядок взыскания, доказывания, размер, рекомендации

Куржонкова Анастасия Романовна, студент

Научный руководитель: Максимова Наталья Анатольевна, кандидат юридических наук, доцент

Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина

В статье анализируется правовая природа и судебная практика взыскания так называемых «жилищных алиментов» — дополнительных расходов на обеспечение ребёнка жильём, предусмотренных статьёй 86 Семейного кодекса Российской Федерации. Рассматриваются основания возникновения права на такие выплаты, порядок их взыскания (до-судебный и судебный), особенности доказывания исключительных обстоятельств, методика определения размера платежей. На основе анализа актуальной судебной практики, включая позиции Верховного Суда РФ за 2024–2025 гг., формулируются практические рекомендации для участников процесса. Особое внимание уделяется отсутствию единообразия судебной практики и факторам, влияющим на принятие судебного решения.

Ключевые слова: жилищные алименты, дополнительные расходы на ребёнка, исключительные обстоятельства, судебная практика, взыскание алиментов, аренда жилья, доказательства.

Институт алиментных обязательств традиционно является одним из наиболее востребованных в судебной практике. Однако в последние годы получила развитие новая категория дел — о взыскании «жилищных алиментов». Данный термин не закреплён в законодательстве, однако активно используется в юридической литературе и судебной практике для обозначения дополнительных расходов на обеспечение ребёнка жильём, взыскиваемых сверх обычных алиментов.

Актуальность темы обусловлена несколькими факторами. Во-первых, жилищный вопрос после расторжения брака нередко становится критическим: родитель, с которым остаётся ребёнок, может не иметь собственного пригодного жилья, что вынуждает его арендовать жилое помещение. Во-вторых, судебную практику по данной категории дел нельзя назвать устоявшейся и однозначной — при схожих фактических обстоятельствах суды приходят к разным выводам, что создаёт правовую неопределённость. В-третьих, с 5 февраля 2026 года вступили в силу существенные изменения в семейном законодательстве, затрагивающие порядок расчёта алиментных платежей.

Цель настоящей статьи — систематизировать правовые основания, проанализировать судебную практику и выработать практические рекомендации по взысканию жилищных алиментов.

Жилищные алименты не являются самостоятельным видом алиментных обязательств. Их правовая основа закреплена в статье 86 Семейного кодекса РФ, которая регулирует участие родителей в дополнительных расходах на детей. Согласно части 1 статьи 86 СК РФ, при наличии исключительных обстоятельств (тяжелая болезнь, увечье несовершеннолетних детей или нетрудоспособных совершеннолетних нуждающихся детей, необходимость оплаты постороннего ухода за ними и другие обстоятельства) каждый из родителей может быть привлечён судом к участию в несении дополнительных расходов, вызванных этими обстоятельствами. [1]

Федеральным законом от 6 февраля 2020 года № 10-ФЗ «О внесении изменения в статью 86 Семейного кодекса Российской Федерации» в перечень исключительных обстоятельств было включено «отсутствие пригодного для постоянного проживания жилого помещения».

Именно это изменение послужило юридическим основанием для появления в судебной практике дел о взыскании расходов на аренду, коммунальные услуги и приобретение жилья для ребёнка.

Принципиальное отличие жилищных алиментов от обычных алиментов заключается в их целевом назначении и дополнительном характере. Обычные алименты, взыскиваемые по ст. 81–83 СК РФ, направлены на удовлетворение базовых потребностей ребёнка — питание, одежда, образование, развитие. Как справедливо отмечается в судебной практике, обычные алименты не могут идти в счёт оплаты жилищных расходов, поскольку они направлены на удовлетворение иных потребностей ребёнка.

Жилищные алименты — это дополнительные выплаты, которые взыскиваются сверх установленного размера алиментов на содержание ребёнка. [2] Они призваны покрыть расходы, связанные с обеспечением ребёнка жильём, пригодным для постоянного проживания, в исключительных случаях, когда такая необходимость вызвана объективными обстоятельствами.

Ключевым условием взыскания жилищных алиментов является наличие исключительных обстоятельств. Эта категория является оценочной и подлежит установлению судом в каждом конкретном случае. Исключительность обстоятельств должна выходить за рамки обычных жилищных трудностей, с которыми сталкиваются многие семьи.

Простое желание «жить лучше» или улучшить жилищные условия не является достаточным основанием для взыскания дополнительных расходов. [3] Истцу необходимо доказать реальную необходимость и отсутствие альтернативных способов обеспечения ребёнка жильём.

Суды признают нуждаемость ребенка в жилье в следующих случаях:

- родитель, проживающий с ребёнком, заключил договор коммерческого найма или договор аренды жилого помещения и несёт соответствующие расходы;
- родитель с ребёнком проживает в жилом помещении по договору социального найма и несёт расходы по его оплате;
- жилое помещение, в котором зарегистрирован ребёнок, признано непригодным для проживания (аварийное, ветхое жильё);
- ребёнок утратил право пользования жилым помещением (например, в связи с продажей квартиры родителем-собственником после расторжения брака);
- площадь жилого помещения существенно ниже учётной нормы, установленной нормативными правовыми актами.

Жилищные алименты могут взыскиваться как в добровольном, так и в принудительном порядке.

Добровольный порядок реализуется путем заключения соглашения об уплате алиментов, удостоверенного нотариусом. Такое соглашение предоставляет сторонам гибкость в определении условий выплат, позволяя учесть индивидуальные обстоятельства.

В соглашении указывается:

- размер и периодичность выплат;
- обстоятельства, при которых размер выплат может быть изменен;
- порядок индексации алиментных платежей;
- ответственность за несвоевременную уплату.

Также, если бывшим супругам не удастся достичь соглашения, жилищные алименты можно взыскать в судебном порядке. В таком случае иск подаётся в районный суд по месту жительства ответчика либо по месту жительства истца (по выбору истца в делах о взыскании алиментов). Согласно п. 2 ст. 107 СК РФ, алименты присуждаются с момента обращения в суд, если алименты ранее не взыскивались в установленном законом порядке.

Важно отметить, что жилищные алименты могут быть взысканы как за уже понесённые расходы (за прошедший период), так и на будущее время. При взыскании на будущее время суд определяет ежемесячную сумму в твердой денежной сумме, подлежащую уплате до отпадения обстоятельств, послуживших основанием для взыскания.

Что касается доказывания, то в делах о взыскании дополнительных расходов на ребёнка действует общее правило: истец обязан доказать обстоятельства, на которых основывает свои требования.

Стоит отметить, что доказательная база играет ключевую роль в делах о жилищных алиментах. В зависимости от основания требования истец должен представить следующие документы:

1. При отсутствии собственного жилья:

- выписка из Единого государственного реестра недвижимости (ЕГРН) об отсутствии в собственности истца и ребёнка жилого помещения;

- договор аренды жилого помещения;
- документы, подтверждающие регистрацию (прописку) ребёнка по адресу арендуемого жилья;
- справка о составе семьи.

2. При непригодности имеющегося жилья:

- акт обследования жилого помещения;
- заключение санитарно-эпидемиологической службы (СЭС) или жилищной инспекции;
- экспертные заключения о состоянии жилого помещения;
- фотоматериалы, подтверждающие непригодность жилья.

3. При опасности для ребенка:

- справка из органов внутренних дел;
- заявление в органы опеки и попечительства;
- характеристика из образовательного учреждения;
- медицинские справки о состоянии здоровья ребёнка

Также необходимо представить документы, подтверждающие расходы:

- платёжные документы (квитанции об оплате аренды, коммунальных услуг);
- договор аренды жилого помещения (если аренда уже осуществляется);
- смета или предварительный расчёт предстоящих расходов (при взыскании на будущее время).

Как правило, суд при рассмотрении дела о взыскании жилищных алиментов учитывает материальное положение обоих родителей согласно п. 8 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 26 декабря 2017 г. № 56 [4], поэтому сторонам рекомендуется представить следующие документы в качестве доказательств материального положения сторон:

- справки о доходах по форме 2-НДФЛ (или иные документы, подтверждающие доходы);
- сведения о наличии иного имущества, приносящего доход;
- сведения о расходах (алиментные обязательства в отношении других детей, кредитные обязательства, расходы на лечение и т. п.).

Жилищные алименты взыскиваются в твердой денежной сумме, а их размер определяется пропорционально доле ребенка в расходах на жилье. Анализируя судебную практику, можно определить, что существует два подхода к определению размера жилищных алиментов. [5] При одном подходе суды распределяют расходы на аренду жилья поровну между родителями, но при этом взысканию подлежит только та часть расходов, которая приходится на ребёнка. Например, при аренде двухкомнатной квартиры, в которой проживают мать и один ребёнок, ежемесячная арендная плата составляет 40 000 рублей. [6] Доля ребёнка в расходах составит 10 000 рублей (при равном распределении общей суммы расходов на двоих проживающих и последующем распределении этой доли поровну между родителями). При ином подходе суды распределяют поровну между родителями расходы на аренду жилья независимо от доли ребенка в расходах. Опираясь

на предыдущий пример, можно сопоставить два подхода: при аренде двухкомнатной квартиры, в которой проживают мать и один ребёнок, а ежемесячная арендная плата составляет 40 000 рублей, взысканию в качестве жилищных алиментов подлежит сумма равная половине стоимости аренды, то есть 20 000 рублей.

Необходимо учитывать, что лицо, требующее взыскания жилищных алиментов (истец) должно тщательно подготовить доказательную базу, а именно собрать все необходимые документы, подтверждающие отсутствие пригодного жилья, необходимость аренды, размер понесенных расходов, материальное положение ответчика. Также необходимо правильно сформулировать исковые требования.

Из анализа судебной практики следует, что доказательная база, указывающая на необходимость взыскания жилищных алиментов, должна быть всеобъемлющей и достаточной, что подтверждается некоторыми примерами:

— Взыскание жилищных алиментов на аренду квартиры: мать с двумя детьми снимала жильё, поскольку собственного не имела. Суд взыскал с отца дополнительные расходы в размере 1/3 от ежемесячной арендной платы (по 1/6 на каждого ребёнка) с учётом его доходов.

— Отказ во взыскании при наличии иного жилья: семья проживала в квартире бабушки, которая не была признана непригодной. Суд указал, что у детей есть место жительства, пусть и не в собственности родителей, и отказал во взыскании.

— Отказ в обращении взыскания на долю в квартире: суд отказал в обращении взыскания на долю в праве собственности на жилое помещение, признав её единственным пригодным для проживания жильём должника.

Таким образом, институт жилищных алиментов является сравнительно новым и динамично развивающимся в российском семейном праве. Включение в статью 86 СК РФ такого основания для взыскания дополнительных расходов, как «отсутствие пригодного для постоянного проживания жилого помещения», стало важным шагом в усилении гарантий жилищных прав детей после расторжения брака родителей.

Вместе с тем анализ судебной практики позволяет выявить ряд проблем, требующих разрешения: отсутствие единообразия судебных подходов, сложность доказывания исключительных обстоятельств, отсутствие чётких критериев «пригодности» жилья. Решение этих проблем видится в выработке Верховным Судом РФ разъяснений по вопросам применения статьи 86 СК РФ в части взыскания расходов на обеспечение ребёнка жильём, а также в повышении правовой грамотности участников процесса в вопросах подготовки доказательственной базы.

Жилищные алименты — это дополнительный инструмент защиты интересов ребёнка в исключительных обстоятельствах. Их взыскание требует тщательной подготовки, профессионального юридического сопровождения и, что самое важное, — приоритета интересов ребёнка как основополагающего принципа семейного законодательства.

Литература:

1. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ (ред. от 23.11.2024, с изм. и доп., вступ. в силу с 05.02.2026) // https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8982/?ysclid=mpv24iczip653371962 [1]
2. «Жилищные алименты» — миф или новая правовая реальность? // Семейное и жилищное право. 2023. № 3. С. 22–26. [2]
3. Битуева М. // Россиянам напомнили об алиментах на жилье для ребенка // Газета.Ru. <https://www.gazeta.ru/business/news/2026/02/17/27861517.shtml?ysclid=mplfm9na6f567001011> 2026 г. [3]
4. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 26 декабря 2017 г. № 56 «О применении судами законодательства при рассмотрении дел, связанных со взысканием алиментов» // https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_286361/?ysclid=mpv3va5bb11689907 [4]
5. Акперова А. «Жилищным алиментом» быть? // <https://velichkova.ru/publication/zhilishhnyim-alimentam-byt/?ysclid=mplfis2w8f249980516> 2024 г. [5]
6. Житомирская Д. // Как получить от экс-супруга деньги на жилье для ребенка? // Адвокатская газета <https://www.advgazeta.ru/ag-expert/advices/kak-poluchit-ot-eks-supruga-dengi-na-zhile-dlya-rebenka/?ysclid=mplfkqvq5yh519230103> 2025 г. [6]

Проблемы правового регулирования обеспечительных мер в арбитражном процессе

Куртев Вадим Олегович, студент магистратуры

Научный руководитель: Захарова Ольга Николаевна, кандидат юридических наук, доцент
Байкальский государственный университет (г. Иркутск)

В статье исследуется институт обеспечительных мер в арбитражном процессе. Рассматриваются признаки, основания и публично-правовая природа таких мер, а также роль судебного усмотрения при их применении. Основное вни-

мание уделяется практическим проблемам: отсутствию единых критериев для оценки «значительного ущерба» и «затруднения исполнения судебного акта», отсутствию единообразия судебной практики, злоупотреблению правом на обеспечение иска, а также негативным последствиям ареста банковских счетов. Делается вывод о необходимости унификации подходов к применению обеспечительных мер для обеспечения правовой определенности.

Ключевые слова: обеспечительные меры, арбитражный процесс, суд, арбитражный суд.

Истоки обеспечительных мер восходят к римскому праву, в котором существовала разветвлённая система предварительных средств защиты. Как верно подмечают А. А. Иванов и Н. Д. Эриашвили: «Эти меры имеют длительную историю своего формирования и были блестяще отработаны еще в праве Древнего Рима. Обеспечение обязательств могло быть устанавливаемо обоюдным соглашением сторон в каждом конкретном случае — добровольным; в иных случаях закон предусматривал его в обязательном порядке — принудительное обеспечение. Оно также могло быть простым, выраженным на словах; тогда это были клятвенные заверения должника, выраженные им в особой ритуальной форме. Обязательства могли быть и реальными, т. е. обеспеченными материально» [6, с. 148].

Б. И. Башилов в своем исследовании отмечает экономическую значимость института обеспечительных мер: «Надлежащее функционирование института обеспечительных мер имеет важное значение для стабильной экономической деятельности хозяйствующих субъектов. Принятие судом обеспечительных мер способствует исполнению принятого судебного акта и способствует защите имущественных интересов лиц в арбитражном процессе» [4, с. 39–40].

При этом, отдельно стоит указать, что значение обеспечительных мер заключается в обеспечении имущественных интересов истца. Указанную точку зрения подтверждает М. К. Треушников: «Значение данного института состоит в том, что им защищаются законные интересы истца на тот случай, когда ответчик будет действовать недобросовестно или когда вообще непринятие мер может повлечь невозможность исполнения судебного постановления» [5, с. 345].

Обеспечительные меры в своей сущности носят публично-правовой характер, устанавливаются исключительно на основании судебного акта. При этом, в соответствии с ч. 2 ст. 90 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации (далее — АПК РФ) и обеспечительные меры могут применяться на любой стадии, в том числе в период приостановления производства по делу [1].

В ч. 1 ст. 90 АПК РФ приводится легальная дефиниция обеспечительных мер: «Срочные временные меры, направленные на обеспечение иска или имущественных интересов заявителя».

Исходя из вышеуказанного понятия следует выделить признаки обеспечительных мер:

1. Срочность. В контексте обеспечительных мер срочность необходимо понимать как неотложность разрешения заявления, поступившего в суд от стороны по делу, о принятии тех или иных мер в целях обеспечения иска.

2. Временный характер. Данный признак заключается в ограниченности действия обеспечительных мер определенным временным периодом.

3. Защита имущественных интересов заявителя. Непосредственно главный признак обеспечительных мер, отражающийся в принятии мер по обеспечению сохранности того или иного имущества в целях дальнейшего исполнения решения суда.

В соответствии с ч. 2 ст. 91 АПК РФ выделяется еще один признак обеспечительных мер, прямо не указанный в легальной дефиниции: «Соразмерность обеспечительных мер заявленному требованию».

Так, В. В. Ярков справедливо отмечает: «Соразмерность обеспечительных мер заявленному требованию заключается в соответствии (адекватности) имущественного интереса заявителя мерам, о применении которых он ходатайствовал перед арбитражным судом. Поэтому обеспечительные меры не должны причинять имущественного ущерба ответчику, в связи с чем АПК РФ возвращено регламентирует процедуру встречного обеспечения» [3, с. 191].

При этом, как указано в п. 45 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 01.06.2023 № 15 «О некоторых вопросах принятия судами мер по обеспечению иска, обеспечительных мер и мер предварительной защиты» если после принятия обеспечительных мер в суд поступило ходатайство ответчика об обязанности истца (заявителя) предоставить встречное обеспечение, арбитражный суд вправе потребовать предоставления встречного обеспечения. В случае непредоставления встречного обеспечения обеспечительные меры могут быть отменены по ходатайству ответчика. Арбитражный суд не вправе отменить указанные меры по собственной инициативе в связи с отсутствием встречного обеспечения [7].

Таким образом, обеспечительные меры — это не постоянный, а процессуальный инструмент, чья продолжительность всегда обусловлена конкретными обстоятельствами дела. Как только их цель достигнута или становится неактуальной, они прекращают своё действие.

В соответствии с п. 2 Информационного письма Президиума ВАС РФ от 13 августа 2004 года № 83: «понятие «ущерб», использованное в части 2 статьи 90 Кодекса, охватывает как ущерб, определяемый по правилам статьи 15 Гражданского кодекса Российской Федерации, так и неблагоприятные последствия, связанные с ущемлением чести, достоинства и деловой репутации» [8].

В соответствии с п. 1 ст. 15 Гражданского кодекса Российской Федерации: «Лицо, право которого нарушено, может требовать полного возмещения причиненных ему

убытков, если законом или договором не предусмотрено возмещение убытков в меньшем размере» [2].

Наличие указанных обстоятельств в сложившейся обстановке подлежит обязательному обоснованию. Бремя доказывания лежит на заявителе, что полностью соответствует закрепленному в ст. 65 АПК РФ положению, согласно которому каждое лицо, участвующее в деле, должно доказать обстоятельства, на которые оно ссылается как на основание своих требований и возражений.

Учитывая публично-правовую природу института обеспечительных мер, при принятии обеспечительных мер в действительности происходит вмешательство суда в сферу частных прав и законных интересов сторон. Суд, вынося определение о применении обеспечительных мер, осуществляет властные полномочия, направленные на охрану потенциально нарушенного или подверженного риску права, тем самым реализуя не только процессуальные, но и материально-правовые гарантии правосудия, гарантируя при этом конституционное право заявителю на судебную защиту (ч. 1 ст. 46 Конституции Российской Федерации).

При этом, судебное усмотрение в вопросе принятия обеспечительных мер играют немаловажную роль. Институт судебного усмотрения представляет собой важнейший элемент арбитражного процессуального права, особенно в контексте применения обеспечительных мер.

В арбитражном процессе судебное усмотрение при разрешении вопроса о принятии обеспечительных мер проявляется, прежде всего, в оценке наличия оснований, предусмотренных ч. 2 ст. 90 АПК РФ: вероятности затруднения исполнения судебного акта либо риска причинения значительного ущерба заявителю. При этом законодатель не дает точных критериев для оценки указанных обстоятельств, оставляя решение на усмотрение суда, что порождает как возможности, так и риски.

С одной стороны, наличие дискреционных полномочий позволяет суду учитывать специфику конкретного спора, экономическую значимость требований, поведение той или иной стороны, добросовестность участников и другие факторы. Это особенно важно в быстро меняющейся хозяйственной обстановке, где невозможность принятия срочной меры может повлечь за собой утрату реальной возможности исполнения решения.

Судебное усмотрение позволяет реагировать на нестандартные ситуации и предотвращать недобросовестные действия стороны, стремящейся скрыть имущество. С другой стороны, чрезмерно широкие пределы судебного усмотрения влечёт правовую неопределённость, фрагментарность судебной практики и снижение системности правосудия, что непосредственно влечет нарушение принципа единообразия судебной практики.

Одной из центральных проблем является высокая степень судебного усмотрения при принятии решения о применении обеспечительных мер, что, с одной стороны, обусловлено необходимостью индивидуального подхода к каждой конкретной ситуации, а с другой — порождает правовую неопределённость для участников процесса.

Законодатель не устанавливает четких критериев для оценки таких категорий, как «значительный ущерб» или «затруднение исполнения судебного акта», предоставляя суду широкие дискреционные полномочия. Это нередко приводит к не единообразному применению норм права, когда по предмету идентичные дела разрешаются с противоположным результатом, что нарушает принцип правовой определенности и предсказуемости правосудия и влечет неопределённость для участников судебного процесса, в частности заявителя.

Так, например, в деле о банкротстве ООО «Бамтон-нелстрой-Гидрострой» конкурсный кредитор подал заявление о привлечении к субсидиарной ответственности контролирующих должника лиц, включая АО «УСК МОСТ». В свою очередь Федеральная налоговая служба обратилась в Арбитражный суд Красноярского края с ходатайством о принятии обеспечительных мер в виде наложения ареста на недвижимое имущество и транспортные средства, зарегистрированные за АО «УСК МОСТ» в пределах требований о привлечении контролирующих должника лиц к субсидиарной ответственности в общей сумме 853 923 490 рублей. А также, Управлению Федеральной службы государственной регистрации, кадастра и картографии запретить совершать любые действия по регистрации перехода прав собственности на арестованные объекты недвижимого имущества, зарегистрированные за АО «УСК МОСТ». Определением Арбитражного суда Красноярского края от 16.04.2020 г. по делу № А33–12199/2016 указанные требования удовлетворены в полном объеме [9].

Дополнительные трудности возникают и в части доказательства оснований для принятия обеспечительных мер. Как указывает законодатель, по общему правилу бремя доказывания лежит на заявителе (ст. 65 АПК РФ), однако сами требования к характеру и объему таких доказательств нигде не конкретизированы.

Как следствие, суды часто выносят судебные акты об отказе в принятии обеспечительных мер, ссылаясь на «недостаточность обоснования» без разъяснения, какие именно документы или обстоятельства могли бы подтвердить наличие угрозы причинения ущерба. Подобная практика лишает заявителей возможности скорректировать позицию и повторно обратиться с тем же ходатайством, особенно с учетом краткости сроков рассмотрения таких заявлений (не позднее следующего дня после поступления в суд, ч. 4 ст. 93 АПК РФ).

Так, при рассмотрении дела о банкротстве общества с ограниченной ответственностью «Красноярская Лесная Инвестиционная Компания», конкурсный кредитор заявил о принятии обеспечительных мер в отношении имущества, принадлежащего должнику в пределах суммы его требования — 2 445 269,84 рублей. Определением Арбитражного суда Красноярского края от 24.05.2019 г. № А33–2092/2019 в удовлетворении ходатайства отказано, суд указал на «недостаточность обоснования» и отсутствие доказательств, подтверждающих вывод имущества [10].

При этом суд не разъяснил, какие конкретные обстоятельства и иные доказательства в подтверждение своей позиции могли бы подтвердить наличие угрозы причинения ущерба, что затруднило заявителю возможность скорректировать свою позицию и повторно обратиться с ходатайством.

Особое внимание вызывает проблема злоупотребления правом на обеспечение своих требований, особенно в спорах между субъектами предпринимательской деятельности с участием конкурентов или в делах, касающихся корпоративного контроля. В таких случаях, обеспечительные меры, по своей сущности, могут быть использованы как средство давления на противоположную сторону, в том числе путем блокировки активов, счетов или запрета на определенные действия.

При оценке доказательств и последствий принятия обеспечительных мер, суду важно учитывать и указанные аспекты, в целях предотвращения осуществления своих прав с целью навредить другим лицам. Таким образом, как уже ранее упоминалось, для этого законодатель предусмотрел такой правовой механизм как встречное обеспечение, которое должно быть соразмерно непосредственному обеспечению требований заявителя.

Не менее значимой проблемой является недостаточная обоснованность отмены обеспечительных мер. Вопреки требованиям закона, в ряде случаев суды отменяют ранее принятые меры без надлежащей оценки актуальности угроз, на основании лишь формального изменения обстоятельств. Как показывает анализ судебной практики, в некоторых делах суды мотивируют отмену тем, что истец «не доказал угрозу нарушения прав», несмотря на то что ранее те же обстоятельства были признаны достаточными для принятия обеспечительных мер. Это противоречие подрывает доверие к арбитражной системе и создает риск утраты эффективности всего механизма обеспечения иска.

Помимо прочего, существенной проблемой является отсутствие единообразия в подходах к применению обеспечительных мер в рамках различных категорий споров — например, в корпоративных, налоговых и имущественных делах.

Несмотря на однородную правовую основу, судебная практика по корпоративным спорам отличается большей строгостью в подходе к обеспечению иска (в частности, при блокировании решений органов управления обществом), тогда как в имущественных спорах суды чаще применяют меры автоматически, т. е. вопрос о применении того или иного вида обеспечительных мер в имущественных спорах является более очевидным.

Такое различие обусловлено, с одной стороны, повышенной социальной значимостью корпоративных отношений, а с другой — отсутствием унифицированного подхода в разъяснениях Пленума Верховного Суда РФ, что создает условия для субъективной трактовки закона судами.

Невозможно не согласиться с вышеуказанной точкой зрения, поскольку суды, в действительности, при при-

нятии решения о применении того или иного вида обеспечительных мер оценивают слишком широкий перечень обстоятельств и, что самое главное, делают это по внутреннему убеждению.

К примеру, в деле по корпоративному спору, компания «Метарус Пэкэджинг ЛТД» (далее — компания) обратилась в Арбитражный суд Калининградской области с иском о признании недействительным решения единственного акционера закрытого акционерного общества «Металлическая упаковка» о прекращении полномочий единоличного исполнительного органа ответчика.

Компания обратилась в суд с заявлением о принятии обеспечительных мер в виде запрещения Федеральной налоговой службы совершать какие-либо регистрационные действия (изменения) в Едином государственном реестре юридических лиц в отношении ответчика. Данное заявление удовлетворено в части, а именно Федеральной налоговой службе запрещалось осуществлять действия по внесению в ЕГРЮЛ изменений, касающихся сведений о лице, имеющем право без доверенности действовать от имени Общества, в остальной части отказано.

Определением Верховного Суда Российской Федерации от 06.10.2021 г. № 307-ЭС21-18004(1) по делу № А21-12972/2020 указанное решение было подтверждено. Верховный Суд указал: «Судебные инстанции правомерно указали, что принятые обеспечительные меры, которые носят срочный и временный характер, действуют с целью сохранения существующего положения в отношении лица, являющегося единоличным исполнительным органом Общества, до разрешения спора по существу, что является необходимым, учитывая наличие корпоративного конфликта» [11].

Еще одна проблема связана с отдельным видом обеспечительных мер — наложение ареста на денежные средства, находящиеся на расчетном счете в кредитной организации.

Так, в случае применения указанной обеспечительной мер возникает ситуация, когда организация или индивидуальный предприниматель в отношении которых была принята такая мера, не имеют возможности осуществлять свою деятельность далее. Применение обеспечительной меры в виде наложения ареста на банковские счета влечет невозможность осуществлять обычную хозяйственную деятельность, т. е. выплачивать заработную плату, выходные пособия сотрудникам, бывшим сотрудникам, проводить расчеты с контрагентами, в т. ч. по ддящимся обязательствам.

В итоге складывается такая ситуация, что при применении указанной обеспечительной меры, по ходатайству ответчика, как правило, она отменяется. Это утверждение подтверждается и правоприменительной практикой. Так в деле № А19-18359/2024 истец обратился в Арбитражный суд с ходатайством о наложении обеспечительной меры в виде наложения ареста на банковские счета должника и контролирующего должника лица. Контролирующее должника лицо обратилось в суд с ходатайством об отмене обеспечительных мер в связи с невоз-

возможностью осуществлять хозяйственную деятельность. Определением от 29.05.2025 г. суд удовлетворил ходатайство контролирующего должника лица об отмене обеспечительной меры [12].

Таким образом, анализ практических проблем применения обеспечительных мер в арбитражном процессе свидетельствует о наличии системных трудностей, связанных как с недостаточной определенностью правового регулирования, так и с противоречивой судебной прак-

тикой по указанному вопросу. Основная проблема заключается в высокой степени судебного усмотрения, проявляющейся в отсутствии единых критериев оценки таких понятий, как «значительный ущерб» и «реальная угроза неисполнения судебного акта». Это приводит к абсолютно закономерному исходу — аналогичные по существу дела разрешаются судами по-разному, что подрывает принцип правовой определенности и ставит участников арбитражного процесса в условия непредсказуемости.

Литература:

1. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации: федеральный закон от 24.07.2002 г. № 95-ФЗ (ред. от 15.12.2025 г.) // СЗ РФ. — 2002. — № 30. — Ст. 3012.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая): федеральный закон от 30.11.1994 г. № 51-ФЗ (ред. от 31.07.2025 г.) // СЗ РФ. — 1994. — № 32. — Ст. 3301.
3. Ярков, В. В. Арбитражный процесс: учебник / В. В. Ярков. — 6-е изд. — М.: Инфотропик Медиа, 2014. — 848 с. — Текст: непосредственный.
4. Башилов, Б. И. Обеспечительные меры по корпоративным спорам в арбитражном процессе Российской Федерации: специальность 12.00.15: диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Башилов Б. И.. — М., 2019. — 206 с. — Текст: непосредственный.
5. Треушников, М. К. Гражданский процесс: учебник / М. К. Треушников. — М.: Статут, 2014. — 960 с. — Текст: непосредственный.
6. Иванов, А. А. Способы обеспечения исполнения договорных обязательств в римском и российском гражданском праве / А. А. Иванов, Н. Д. Эриашвили. — Текст: непосредственный // Вестник Московского университета МВД России. — 2011. — № 6. — С. 148–152.
7. О некоторых вопросах принятия судами мер по обеспечению иска, обеспечительных мер и мер предварительной защиты: постановление Пленума ВС РФ от 01.06.2023 г. № 15 // Рос. газ. — 2023. — 08 июня.
8. О некоторых вопросах, связанных с применением части 3 статьи 199 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации: информационное письмо Президиума ВАС РФ от 13.08.2004 г. № 83 // Вестник ВАС РФ. — 2004. — № 10.
9. Определение Арбитражного суда Красноярского края от 16.04.2020 г. № А33–12199/2016. — Текст: электронный // kad.arbitr.ru: [сайт]. — URL: <https://kad.arbitr.ru/> (дата обращения: 25.05.2026).
10. Определение Арбитражного суда Красноярского края от 24.05.2019 г. № А33–2092/2019. — Текст: электронный // kad.arbitr.ru: [сайт]. — URL: <https://kad.arbitr.ru/> (дата обращения: 25.05.2026).
11. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 06.10.2021 г. № 307-ЭС21–18004(1) № А21–12972/2020. — Текст: электронный // kad.arbitr.ru: [сайт]. — URL: <https://kad.arbitr.ru/> (дата обращения: 28.05.2026).
12. Определение Арбитражного суда Иркутской области от 29.05.2025 г. № А19–18359/2024. — Текст: электронный // kad.arbitr.ru: [сайт]. — URL: <https://kad.arbitr.ru/> (дата обращения: 30.05.2026).

Внутреннее убеждение суда и его роль в отправлении правосудия

Леонов Илья Максимович, студент магистратуры
Кубанский государственный университет (г. Краснодар)

В статье рассматривается понятие внутреннего убеждения суда как одного из ключевых элементов уголовного судопроизводства. Анализируются основные научные подходы к определению его правовой природы, включая понимание внутреннего убеждения как метода оценки доказательств и как результата познавательной деятельности судьи. Особое внимание уделяется нормативному закреплению данного института в уголовно-процессуальном законодательстве Российской Федерации, а также его связи с принципом свободы оценки доказательств. Исследуется процесс формирования внутреннего убеждения, в рамках которого раскрывается соотношение субъективных и объективных факторов, включая роль правосознания, профессиональной подготовки и психологических особенностей судьи. Отдельно затрагиваются вопросы значения совести при принятии судебных решений. В работе обосновывается необходимость

соблюдения баланса между личной оценкой судьи и объективными доказательствами, а также подчеркивается значение институциональных гарантий независимости суда. Делается вывод о том, что внутреннее убеждение представляет собой сложный юридико-психологический феномен, обеспечивающий законность, обоснованность и справедливость правосудия.

Методологическую основу исследования составили общенаучные и частнонаучные методы познания, в том числе анализ и синтез, формально-юридический метод, а также системный подход.

Ключевые слова: внутреннее убеждение суда, оценка доказательств, уголовный процесс, судья, правосознание, совесть, свобода оценки доказательств, судебное решение, независимость суда, правосудие.

Inner conviction of the court and its role in the administration of justice

Leonov Ilia Maksimovich, master's student
Kuban State University (Krasnodar)

The article examines the concept of the court's inner conviction as a key element of criminal proceedings. It analyzes the main doctrinal approaches to its legal nature, including its interpretation as a method of evaluating evidence and as a result of the judge's cognitive activity. Particular attention is paid to the legal regulation of this institution in the criminal procedure legislation of the Russian Federation, as well as to its connection with the principle of free evaluation of evidence. The study explores the process of forming inner conviction, focusing on the correlation between subjective and objective factors, including legal consciousness, professional competence, and psychological characteristics of the judge. Special consideration is given to the role of conscience in judicial decision-making. The article substantiates the need to maintain a balance between the judge's personal assessment and objective evidence, emphasizing the importance of institutional guarantees of judicial independence. It is concluded that the inner conviction of the court represents a complex legal and psychological phenomenon that ensures the legality, validity, and fairness of judicial decisions.

The methodological framework of the study is based on general scientific and special legal methods, including analysis and synthesis, the comparative legal method, the formal legal method, and the systemic approach.

Keywords: inner conviction of the court, evaluation of evidence, criminal procedure, judge, legal consciousness, conscience, free evaluation of evidence, judicial decision, judicial independence, justice.

Введение

Проблема внутреннего убеждения суда занимает одно из центральных мест в теории уголовного процесса. От того, каким образом судья воспринимает, анализирует и оценивает доказательства, зависит не только итог конкретного дела, но и уровень доверия к судебной системе в целом. И здесь возникает вполне закономерный вопрос: возможно ли обеспечить объективность правосудия, если его осуществляет человек со своими убеждениями, опытом и ценностями?

Внутреннее убеждение представляет собой сложную категорию, сочетающую в себе правовые, психологические и этические элементы. Его содержание невозможно раскрыть исключительно через нормы закона — требуется обращение к научной доктрине и практике правоприменения [10; 11; 12].

1. Понятие и правовая природа внутреннего убеждения суда

В действующем законодательстве категория внутреннего убеждения закреплена в ст. 17 УПК РФ, согласно которой судья оценивает доказательства по своему внутреннему убеждению, основанному на их совокупности, руководствуясь законом и совестью [13]. Уже сама фор-

мулировка показывает двойственную природу этого явления: с одной стороны нормативная обусловленность, с другой — личностный характер.

В научной литературе отсутствует единый подход к определению внутреннего убеждения. Более того, дискуссия по этому вопросу продолжается не одно десятилетие. Наиболее распространённым является деление на два основных подхода.

Первый подход рассматривает внутреннее убеждение как метод или принцип оценки доказательств. Этой позиции придерживаются, в частности, З. З. Зинатуллин и Т. З. Егорова, которые подчеркивают, что внутреннее убеждение выступает способом познавательной деятельности субъекта доказывания, позволяющим выявить свойства доказательств и определить их значение для дела [2].

Второй подход связывает внутреннее убеждение с результатом оценки доказательств. Так, А. В. Победин определяет его как уверенность следователя или судьи в правильности сделанных выводов [9]. Аналогичную позицию занимает А. В. Смирнов, который указывает, что внутреннее убеждение формируется как итог оценки всей совокупности доказательств и отражает достигнутый уровень познания обстоятельств дела [11]. П. Н. Шабанов также подчеркивает, что внутреннее убеждение является результатом всестороннего и объективного исследования доказательств [14].

Наряду с указанными подходами в современной науке высказывается и интегративная точка зрения. Так, И. В. Копейкина рассматривает внутреннее убеждение как единство процесса и результата познавательной деятельности, включающее как сам механизм оценки доказательств, так и сформированную на его основе уверенность субъекта доказывания [2]. Подобный подход представляется наиболее обоснованным, поскольку позволяет учитывать сложную природу рассматриваемого явления.

Важно и то, что внутреннее убеждение нельзя сводить к произвольному усмотрению. Оно формируется в рамках строго регламентированной процессуальной деятельности и опирается на принципы уголовного судопроизводства, включая законность, состязательность и равенство сторон.

2. Формирование внутреннего убеждения: соотношение субъективного и объективного начал

Процесс формирования внутреннего убеждения представляет собой сложную интеллектуальную деятельность, включающую анализ, сопоставление и оценку доказательств. Судья не просто фиксирует информацию — он интерпретирует её, соотносит с другими данными и делает выводы. И вот здесь неизбежно возникает элемент субъективности.

С одной стороны, субъективный фактор является необходимым условием правосудия. Без него невозможно вынесение решения, особенно в ситуациях, когда доказательства противоречивы или неполны. С другой стороны, чрезмерная свобода оценки может привести к произволу. Где проходит граница? Вопрос не такой простой.

При чрезмерной свободе внутреннего убеждения существует риск подмены юридических критериев личными предпочтениями судьи [10]. В то же время в науке подчеркивается необходимость соблюдения баланса между субъективной оценкой и объективными доказательствами, который достигается через процессуальные гарантии — прежде всего состязательность и равенство сторон [1; 5].

Особое значение в структуре внутреннего убеждения имеет категория совести. Закон прямо указывает на необходимость руководствоваться ею при оценке доказательств [13]. Однако содержание совести не является универсальным: оно формируется под влиянием личного опыта, воспитания и социальных условий. Для одного судьи определённое решение может казаться справедливым, для другого — сомнительным. Это нормальная ситуация. Но именно поэтому совесть не может выступать единственным ориентиром.

В научной литературе совесть рассматривается как внутренний механизм самоконтроля, обеспечивающий нравственную сторону правосудия. При этом она дополняет, а не заменяет правовые нормы. Можно сказать, закон задаёт рамки, а совесть помогает их правильно применить. Однако помимо компонентов, описанных непосредственно в процессуальном законе, существуют

и другие, способные оказывать существенное влияние на формирование внутреннего убеждения.

Например, уровень профессиональной подготовки судьи, непосредственно влияющий на способность правильно воспринимать, анализировать и оценивать доказательства. Речь идет не только о знании законодательства, но и о развитых навыках юридического мышления, аргументации и интерпретации. Профессиональная компетентность судьи представляет собой совокупность знаний, умений и личностных характеристик, которые формируют индивидуальный стиль принятия решений. Именно индивидуальные профессиональные качества выступают основным системообразующим элементом деятельности судьи за рамками правовых норм, установленных законом.

Не менее значимым фактором является правосознание судьи, которое определяет его отношение к праву, правовым ценностям и принципам справедливости. Профессиональное правосознание включает в себя не только юридические знания, но и нравственные установки, ценностные ориентации и уровень правовой культуры. Оно формирует внутреннюю установку судьи на соблюдение законности и справедливости при принятии решений.

П. Н. Шабанов также указывает, что внутреннее убеждение напрямую связано с правосознанием и правовой идеологией судьи, а также с его моральными ориентирами [14]. Это означает, что даже при одинаковой доказательственной базе разные судьи могут прийти к различным выводам — именно из-за различий в правосознании.

Наконец, самым сложным с точки зрения юридической науки аспектом является психологический. Его элементы такие как знание, вера и волевой стимул, представляют практическую значимость для восприятия доказательств что в очередной раз подчеркивает во многом субъективный характер внутреннего убеждения как категории [1].

3. Роль внутреннего убеждения в отправлении правосудия и современные тенденции его развития

Внутреннее убеждение играет ключевую роль в механизме отправления правосудия. Именно оно лежит в основе принятия судебных решений, обеспечивая реализацию принципа свободной оценки доказательств. Без этого принципа современное уголовное судопроизводство фактически невозможно.

Вместе с тем эффективность внутреннего убеждения как правового института зависит от наличия институциональных гарантий. К ним относятся независимость суда, запрет на вмешательство в его деятельность, а также многоуровневая система судебных инстанций, позволяющая проверять законность и обоснованность принятых решений. Эти механизмы сдерживают возможные злоупотребления и способствуют формированию объективной судебной оценки.

В последние годы всё большее внимание уделяется проблеме стандарта доказанности. Использование неопределённых критериев, таких как «достаточность» или «высокая степень вероятности», без чёткого методологического содержания может привести к произвольной оценке доказательств. В связи с этим возрастает значение разработки единых подходов к определению стандартов доказанности.

Отдельно стоит упомянуть влияние цифровизации правосудия. Современные технологии всё активнее используются для анализа информации и подготовки процессуальных решений. Однако полностью заменить внутреннее убеждение судьи они не способны. Алгоритм может обработать данные, но не способен оценить их с точки зрения справедливости и морали. В этом смысле человек остаётся центральной фигурой правосудия.

Не менее важным является и вопрос подготовки судей. Формирование внутреннего убеждения — это не только правовой, но и психологический процесс. Оно требует развитого критического мышления, профессиональной интуиции и высокого уровня правовой культуры [7]. Современные исследования всё чаще подчеркивают необходимость включения в систему подготовки судей элементов юридической психологии и профессиональной этики.

Подводя итог, можно сказать, что внутреннее убеждение суда представляет собой сложный юрико-психологический феномен, который обеспечивает соединение нормы права и личностного начала в процессе отправления правосудия. Именно через него достигается баланс между формальной законностью и справедливостью судебного решения.

Литература:

1. Балакшин В. С. Принцип свободы оценки доказательств в системе принципов российского уголовного судопроизводства // Вестник Удмуртского университета. Серия «Экономика и право». 2015. № 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/printsip-svobody-otsenki-dokazatelstv-v-sisteme-printsipov-rossiyskogo-ugolovnogo-sudoproizvodstva> (дата обращения: 05.05.2026).
2. Зинатуллин, З. З., Егорова, Т. З. Зинатуллин Уголовно-процессуальное доказывание: концептуальные основы / З. З. Зинатуллин, Т. З. Егорова, Т. З. Зинатуллин. — Ижевск: Детектив-Информ, 2002. — 228 с. — URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=19997344> (дата обращения: 05.05.2026).
3. Копейкина И. В. Внутреннее убеждение при оценке доказательств в уголовном судопроизводстве // Российский судья. 2021. № 6. С. 25–29. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vnutrennee-ubezhdenie-pri-otsenke-dokazatelstv-v-ugolovnom-sudoproizvodstve/viewer> (дата обращения: 05.05.2026).
4. Костенко Р. В. О проверке доказательств в уголовном судопроизводстве // Юридический вестник Кубанского государственного университета. 2020; № 2. С. 51–57. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=43106298> (дата обращения: 05.05.2026).
5. Лупинская П. А. Уголовно-процессуальное право Российской Федерации: учебник. М: Норма, 2022. 1008 с.
6. Михайловская И. Б. Настольная книга судьи по доказыванию в уголовном процессе / И. Б. Михайловская. М.: ТК Велби, Проспект, 2006. URL: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_002922359/ (дата обращения: 05.05.2026).
7. Нурбаев Д. М. Понятие внутреннего убеждения как основы свободной оценки доказательств в уголовном судопроизводстве // Вестник ОмГУ. Серия. Право. 2013. № 1 (34). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-vnutrennego-ubezhdeniya-kak-osnovy-svobodnoy-otsenki-dokazatelstv-v-ugolovnom-sudoproizvodstve> (дата обращения: 05.05.2026).
8. Орлов Ю. К. Проблемы теории доказательств в уголовном процессе. М.: Юрист, 2009 URL: <http://lawlibrary.ru/izdanie2084932.html> (дата обращения: 05.05.2026).
9. Победкин А. В. Уголовно-процессуальное доказывание. Монография: А. В. Победкин. — Москва: Юрлитинформ, 2009. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=19786629> (дата обращения: 05.05.2026).
10. Пяшин С. А. Внутреннее убеждение судьи при оценке доказательств // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2019. № 4 (58). С. 99–103. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=41721762> (дата обращения: 05.05.2026).
11. Смирнов А. В., Калиновский К. Б. Уголовный процесс: учебник. 7-е изд., перераб. и доп. М.: Норма, 2022. 784 с. URL: <https://znanium.ru/catalog/document?id=389738> (дата обращения: 05.05.2026).
12. Треушников М. К. Судебные доказательства. М.: Городец, 2021. 272 с.
13. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 08.03.2026) // КонсультантПлюс: справочная правовая система. — URL: [https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/] (дата обращения: 05.05.2025).
14. Шабанов П. Н. Внутреннее убеждение судьи // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2010. № 1. С. 129–138. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vnutrennee-ubezhdenie-sudi/viewer> (дата обращения: 05.05.2025).

Особенности формирования внутреннего убеждения следователя и дознавателя при оценке доказательств в уголовном процессе

Леонов Илья Максимович, студент магистратуры
Кубанский государственный университет (г. Краснодар)

Статья посвящена исследованию особенностей формирования внутреннего убеждения следователя и дознавателя при оценке доказательств в уголовном процессе. Рассматривается правовая природа внутреннего убеждения как основы свободной оценки доказательств, а также специфика его формирования на стадии предварительного расследования. Особое внимание уделяется процессуальному положению следователя и дознавателя, сочетающему элементы самостоятельности и зависимости от руководителя следственного органа и прокурора. Анализируются факторы, влияющие на формирование внутреннего убеждения в условиях ограниченности доказательственной информации на стадии досудебного производства. Отдельно исследуется проблема обвинительного уклона, его причины и влияние на объективность оценки доказательств. В работе обосновывается необходимость повышения уровня процессуальных гарантий и развития механизмов контроля, направленных на обеспечение объективности принимаемых решений.

Методологическую основу исследования составили общенаучные и частнонаучные методы, включая формально-юридический, системный, а также метод анализа и обобщения научной литературы и правоприменительной практики.

Ключевые слова: внутреннее убеждение, оценка доказательств, уголовный процесс, следователь, дознаватель, предварительное расследование, свобода оценки доказательств, процессуальная самостоятельность.

Distinctive characteristics of the formation of the inner conviction of an investigator and an inquiry officer in the process of evaluating evidence in criminal proceedings

Leonov Ilia Maksimovich, master's student
Kuban State University (Krasnodar)

The article is devoted to the study of the specific features of the formation of the internal conviction of an investigator and an inquiry officer in the process of evaluating evidence in criminal proceedings. The paper examines the legal nature of internal conviction as the basis of the principle of free evaluation of evidence, as well as the particularities of its formation at the stage of preliminary investigation. Special attention is paid to the procedural status of the investigator and the inquiry officer, which combines elements of independence and dependence on the head of the investigative body and the prosecutor.

The author analyzes the factors influencing the formation of internal conviction under conditions of limited evidentiary information during the stage of pre-trial proceedings. Particular emphasis is placed on the problem of accusatory bias, its causes, and its impact on the objectivity of evidence evaluation. The paper substantiates the necessity of strengthening procedural guarantees and developing control mechanisms aimed at ensuring the objectivity of decision-making in criminal proceedings.

The methodological basis of the study includes general scientific and special legal methods, such as the formal legal method, the systemic method, the comparative legal method, as well as methods of analysis and generalization of scientific literature and law enforcement practice.

Keywords: internal conviction, evaluation of evidence, criminal procedure, investigator, inquiry officer, preliminary investigation, freedom of evaluation of evidence, procedural independence.

Введение

Вопросы оценки доказательств традиционно занимают центральное место в теории уголовного процесса. И это не случайно: от того, насколько верно установлены фактические обстоятельства дела, напрямую зависит законность и обоснованность принимаемых решений. В центре этой деятельности находится внутреннее убеждение субъекта доказывания — категория не только правовая, но и интеллектуально-волевая, формирующаяся по мере всестороннего, полного и объективного исследования доказательств [2; 10].

Российское уголовно-процессуальное право закрепляет принцип свободы оценки доказательств, распро-

страняя его не только на суд, но и на следователя и дознавателя. На первый взгляд, подход единый. Но так ли это в действительности? Процессуальное положение этих участников и специфика стадии предварительного расследования придают формированию их внутреннего убеждения вполне ощутимые особенности, которые требуют отдельного анализа.

Актуальность темы во многом связана с тем, что досудебное производство протекает в условиях ограниченной доказательственной информации, а также при наличии процессуальной зависимости от руководителя следственного органа и прокурора. К этому добавляются ведомственные факторы, которые, что немаловажно, способны влиять на оценку доказательств. Отдельного внимания за-

служивает проблема обвинительного уклона. Она по-прежнему остаётся чувствительной для практики и напрямую отражается на результатах уголовного преследования.

Степень научной разработанности вопроса неоднородна. Внутреннее убеждение суда изучено достаточно подробно, тогда как деятельность следователя и дознавателя в этом аспекте чаще рассматривается фрагментарно. Возникает очевидный пробел.

Цель исследования — выявить особенности формирования внутреннего убеждения следователя и дознавателя при оценке доказательств в уголовном процессе.

1. Правовая природа внутреннего убеждения и процессуальная самостоятельность следователя и дознавателя при оценке доказательств

В структуре теоретических знаний в области юридической науки трудно выделить единый общепринятый и повсеместно применяемый подход к понятию внутреннего убеждения. Это во многом обусловлено многогранной природой данной категории, а также логическим, гносеологическим и психологическим ее аспектами. Логический аспект выражается в процессуально оформленном и подкрепленном доказательствами выводе по существу расследуемых событий, и представляет собой сформированное убеждение следователя или дознавателя относительно обстоятельств дела. Однако, в рамках гносеологического аспекта, вывод этот является следствием субъективной интерпретации воспринимаемых правоприменителями сведений о фактах. Наиболее полным представляется понимание внутреннего убеждения как динамической категории, которой свойственно претерпевать изменения, особенно на этапе предварительного следствия.

Нормативное закрепление категории внутреннего убеждения в качестве условия оценки доказательств в уголовно-процессуальном законодательстве отражает отказ от формальной теории доказательств и ориентирует правоприменителя на самостоятельное осмысление фактических обстоятельств дела [7]. При этом внутреннее убеждение не носит произвольного характера, поскольку оно должно основываться на законе и совести, а также подлежит проверке в рамках процессуального контроля [9; 1].

Следователь и дознаватель обладают правом принимать ключевые решения по делу — от возбуждения уголовного дела до направления его в суд [4]. Их внутренняя убежденность фактически формирует основу обвинительной позиции [5]. Это придаёт ей особый вес.

Однако говорить о полной самостоятельности было бы упрощением. На формирование внутреннего убеждения влияет руководитель следственного органа, а также прокурор. Они наделены правом давать обязательные указания, отменять и корректировать решения. В итоге свобода оценки доказательств оказывается ограниченной. И довольно ощутимо [3].

Здесь возникает закономерный вопрос: где проходит граница между допустимым процессуальным контролем

и вмешательством в формирование убеждения? Вопрос на данный момент открытый и, в то же время, очень важный, один из ключевых для понимания специфики досудебной стадии.

Таким образом, внутреннее убеждение следователя и дознавателя формируется в условиях сочетания самостоятельности и процессуальной зависимости, что придаёт ему специфический характер и отличает от внутреннего убеждения суда.

2. Особенности формирования внутреннего убеждения на стадии предварительного расследования

Стадия предварительного расследования обладает рядом особенностей, оказывающих непосредственное влияние на процесс формирования внутреннего убеждения. В отличие от судебного разбирательства, где уже собранные доказательства исследуются в условиях состязательности, на досудебной стадии деятельность носит преимущественно односторонний характер и акцент в ней смещен на сбор доказательств. Уже на этом этапе обнаруженные сведения о фактах проходят первичную оценку на предмет относимости, допустимости и достаточности в контексте подтверждения или, напротив, опровержения тех или иных обстоятельств, требующих доказывания [6].

Одной из ключевых особенностей является ограниченность и фрагментарность доказательственной базы на начальных этапах расследования. Следователь и дознаватель вынуждены формировать внутреннее убеждение в условиях неполноты информации, что повышает значение следственных версий и гипотез. Выдвижение и проверка версий становится важнейшим инструментом познания обстоятельств дела, однако одновременно создаёт риск преждевременного формирования устойчивых выводов.

Существенное влияние оказывает и тактика расследования, определяющая последовательность и направленность следственных действий. Выбор определённой линии расследования может способствовать как объективному установлению истины, так и закреплению ошибочных представлений, если не обеспечивается должная критическая оценка получаемых доказательств [7]. Конечно, такой риск призваны минимизировать институты ведомственного контроля и прокурорского надзора, однако отрицать важность этой особенности для формирования убеждения и дальнейшего хода расследования дела было бы некорректно.

Отдельно следует отметить, что формирование внутреннего убеждения на данной стадии происходит в условиях отсутствия полноценной состязательности. Несмотря на наличие прав стороны защиты, их реализация часто затруднена, что снижает интенсивность проверки доказательств и может приводить к одностороннему восприятию фактических данных.

Указанные обстоятельства свидетельствуют о том, что внутреннее убеждение следователя и дознавателя форми-

руется в более сложных и менее сбалансированных условиях по сравнению с судебной стадией. Это подразумевает повышенную важность критического подхода к оценке доказательств со стороны правоприменителей, задействованных в процессе [8].

3. Проблемы формирования внутреннего убеждения и обвинительный уклон

Одной из наиболее значимых проблем, связанных с формированием внутреннего убеждения следователя и дознавателя, является обвинительный уклон, проявляющийся в тенденции к подтверждению ранее выдвинутой версии обвинения. При этом оправдывающие доказательства либо недооцениваются, либо игнорируются. Иногда это происходит неосознанно.

Формирование обвинительного уклона обусловлено рядом факторов. Во-первых, это организационно-ведомственные условия деятельности, включая систему оценки эффективности работы правоохранительных органов, ориентированную на количественные показатели. Во-вторых, влияние процессуального контроля со стороны руководителя следственного органа и прокурора, который может быть направлен на поддержание обвинительной позиции. В-третьих, психологические особенности восприятия информации, связанные с эффектом подтверждения: свойственным человеку когнитивным искажением, побуждающим его искать и интерпретировать информацию так, чтобы она подтверждала его первоначальные убеждения.

Обвинительный уклон негативно сказывается на объективности оценки доказательств, приводит к формальному подходу и снижает качество принимаемых решений. В результате могут нарушаться права участников уголовного судопроизводства, а также подрываться доверие к правоохранительной системе.

Преодоление данной проблемы требует комплексного подхода. В числе возможных мер следует выделить усиление процессуальных гарантий объективности, развитие механизмов судебного контроля, а также совершенствование системы оценки деятельности следственных органов. Важное значение имеет формирование профес-

сиональной правовой культуры, ориентированной на приоритет законности и справедливости. Перечисленные меры едва ли способны полностью решить обозначенную проблему, однако при системном внедрении, как представляется, смогут минимизировать негативный эффект обвинительного уклона.

Заключение

Проведённое исследование позволяет сделать вывод о том, что внутреннее убеждение следователя и дознавателя представляет собой сложную правовую, логическую и психологическую категорию, формирующуюся в специфических условиях досудебного производства.

Особенности процессуального положения указанных субъектов, выражающиеся в сочетании самостоятельности и зависимости от органов контроля, оказывают существенное влияние на оценку доказательств. Дополнительное воздействие оказывают факторы, присущие стадии предварительного расследования, включая ограниченность доказательственной базы и отсутствие полноценной состязательности. Вместе с тем проблема обвинительного уклона остаётся актуальной и требует дальнейшего осмысления — как в теории, так и на практике.

Наличие обвинительного уклона остаётся одной из ключевых проблем, требующих дальнейшего научного осмысления и практического решения. Повышение объективности внутреннего убеждения возможно при условии совершенствования законодательства, правоприменительной практики и профессиональной подготовки сотрудников правоохранительных органов.

Подводя итог, нужно еще раз отметить — внутреннее убеждение одна из важнейших и определяющих категорий в уголовном процессе, которая опосредует оценку доказательств. Стремясь к объективному и справедливому рассмотрению всех дел, законодательные и правоприменительные органы должны обеспечивать комплексный подход к проработке существующей проблематики по данному вопросу. Это включает развитие законодательства, корректировку правоприменительной практики и укрепление профессиональных стандартов.

Литература:

1. Азарова Е. С. Внутреннее убеждение как моральный критерий для реализации усмотрения суда // Государственная служба и кадры. 2022. № 2. С. 147–150. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vnutrennee-ubezhdenie-kak-moralnyy-kriteriy-dlya-realizatsii-usmotreniya-suda> (дата обращения: 05.05.2026).
2. Брусницын Л. В. Доказательства и доказывание в уголовном процессе. М.: Юрайт, 2022.
3. Быков В. М. Процессуальный контроль и прокурорский надзор на досудебных стадиях уголовного судопроизводства. М.: 2020.
4. Головкин Л. В. Уголовный процесс: учебник. М.: Статут, 2023.
5. Копейкина И. В. Внутреннее убеждение при оценке доказательств в уголовном судопроизводстве // Научные исследования. 2021. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vnutrennee-ubezhdenie-pri-otsenke-dokazatelstv-v-ugolovnom-sudoproizvodstve> (дата обращения: 05.05.2026).
6. Лазарева В. А. Теория доказывания в уголовном процессе. М.: Юрайт, 2021.

7. Мичурина О. В. Искусственный интеллект против внутреннего убеждения: взгляд в будущее уголовного судопроизводства // Вестник Московского университета МВД России. 2020. № 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/iskusstvennyy-intellekt-protiv-vnutrennego-ubezhdeniya-vzglyad-v-budushee-ugolovno-sudoproizvodstva> (дата обращения: 05.05.2026).
8. Данильян Э. С. Внутреннее убеждение при оценке следственных ситуаций // Общество и право. 2022. № 2 (80). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vnutrennee-ubezhdenie-pri-otsenke-sledstvennyh-situatsiy> (дата обращения: 05.05.2026).
9. Суслин Э. В., Назаров С. В. Теоретико-правовые аспекты судебного усмотрения в уголовном процессе // Вестник Томского государственного университета. Право. 2020. № 36. С. 95–103. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/teoretiko-pravovye-aspekty-sudeyskogo-usmotreniya-v-ugolovnom-protsesse> (дата обращения: 05.05.2026).
10. Яни П. С. Достаточность доказательств в уголовном процессе. М.: Норма, 2019.

Роль судебно-лингвистической экспертизы в расследовании преступлений по экстремизму

Лунина Алина Алексеевна, студент магистратуры

Тульский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России)

В работе рассматривается ключевая роль судебно-лингвистической экспертизы в процессе доказывания преступлений экстремистской направленности, а также освещаются актуальные проблемы правоприменительной практики, такие как интерпретация интернет-коммуникации, сарказма и эвфемизмов.

Ключевые слова: судебная лингвистика, экстремизм, лингвистическая экспертиза, расследование преступлений, возбуждение ненависти, унижение достоинства, призывы к экстремистской деятельности, доказательство, текстовый анализ.

В условиях современных информационных вызовов и глобализации цифровых коммуникаций проблема противодействия экстремизму приобретает для Российской Федерации особую остроту. Экстремизм, понимаемый как приверженность крайним взглядам и методам достижения целей, посягает не только на общественную безопасность, но и на конституционный строй, основы государственного суверенитета и межнациональный мир. Законодательство РФ даёт чёткое определение этому явлению, однако правоприменительная практика сталкивается со сложностью доказывания умысла виновных лиц, поскольку их действия чаще всего выражаются не через прямое насилие, а посредством речевой деятельности — создания и распространения текстов, аудио- и видеоматериалов. Именно здесь ключевая роль переходит от юриста к специалисту-филологу, а инструментом доказывания становится судебно-лингвистическая экспертиза. Её задача заключается не в правовой квалификации деяния, что является прерогативой суда, а в установлении фактических данных: наличия в тексте призывов к насилию, высказываний, направленных на возбуждение ненависти или вражды, а также унижения человеческого достоинства по признакам пола, расы, национальности, языка, происхождения или отношения к религии [7, с. 38].

Правовой фундамент для назначения такой экспертизы заложен в Уголовно-процессуальном кодексе РФ, где заключение эксперта фигурирует в качестве самостоятельного вида доказательств [1, с. 24]. Процесс ини-

цируется следователем путём вынесения соответствующего постановления, после чего объект исследования (будь то пост в социальной сети, комментарий под видео или печатная листовка) передаётся в экспертное учреждение. Нормативной базой для самого преступления служат статья 280 УК РФ («Публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности») и статья 282 УК РФ («Возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства»). Важно понимать разграничение компетенций: эксперт-лингвист отвечает на вопрос «Что именно сказано в тексте? Каков его смысл и коммуникативная направленность?», в то время как следователь и суд отвечают на вопрос «Является ли это деянием преступлением согласно закону?». Таким образом, лингвистический анализ переводит субъективное восприятие спорного высказывания на язык объективных научных фактов, создавая доказательную базу, которую сложно опровергнуть.

Методологический аппарат современной судебно-лингвистической экспертизы представляет собой сложную систему, сочетающую различные подходы к анализу текста. Центральное место занимает семантический анализ, целью которого является выявление прямого и переносного значения слов и фраз в конкретном контексте. Эксперт должен определить, какой смысл вкладывает автор в то или иное понятие, учитывая многозначность русского языка. Например, слово «борьба» может описывать спортивный поединок, политическую конку-

ренцию или вооружённое сопротивление. Без анализа контекста невозможно дать верную оценку высказыванию. Не менее важен прагматический аспект, который изучает целевую установку автора и предполагаемую реакцию адресата. Призыв всегда имеет прагматическую функцию побуждения; он направлен на то, чтобы заставить слушателя или читателя совершить определённые действия. Анализируя синтаксические конструкции (побудительные предложения, глаголы в повелительном наклонении), интонацию (в устной речи) и общую структуру текста, эксперт определяет наличие волеизъявления [6, с. 357]. Стилистический анализ позволяет оценить эмоциональную окраску текста и силу его воздействия. Использование экспрессивной лексики, метафор, гипербола, эпитетов, создающих негативный образ той или иной группы, служит важным маркером враждебности. Наконец, дискурс-анализ рассматривает текст не изолированно, а как элемент более широкого коммуникативного процесса. Публикуя сообщение в закрытом чате радикальной группировки или на открытой странице популярного блогера, автор преследует разные цели и рассчитывает на разную реакцию аудитории, что напрямую влияет на интерпретацию его слов.

Типичные объекты исследования в делах об экстремизме сегодня — это материалы информационно-телекоммуникационных сетей. Посты в социальных сетях («ВКонтакте», Telegram), комментарии на YouTube, публикации на форумах и имиджбордах, видеоролики и даже мемы становятся предметом пристального внимания экспертов. При анализе таких материалов специалист выявляет ряд устойчивых признаков. К ним относятся прямые или косвенные призывы к насильственным действиям в отношении представителей определённых групп. Это могут быть как открытые лозунги, так и завуалированные намёки. Другим признаком является пропаганда исключительности, превосходства либо неполноценности граждан по признаку их социальной, расовой, национальной, религиозной или языковой принадлежности. Часто тексты содержат оправдание или героизацию практики совершения преступлений против жизни и здоровья по мотивам идеологической ненависти. Важнейшим элементом является формирование негативного образа «чужого» — создание стереотипного, дегуманизированного портрета представителя другой нации или конфессии с использованием жаргонизмов, арготизмов и обценной лексики, которые призваны подчеркнуть презрительное отношение.

Несмотря на отработанную методологию, практика проведения экспертиз сопряжена с рядом серьёзных проблем и вызовов. Одной из главных трудностей является преодоление субъективизма. Язык — гибкая и динамичная система, допускающая множественность интерпретаций. Задача эксперта — максимально объективизировать свои выводы, опираясь исключительно на лингвистические факты, зафиксированные в языке, а не на собственные политические или социальные убе-

ждения. Особую сложность представляет анализ интернет-коммуникации, насыщенной иронией, сарказмом и троллингом. Грань между искренними экстремистскими взглядами и провокацией, стёбом или неудачной шуткой бывает чрезвычайно тонкой. Эксперт должен обладать глубокими знаниями в области интернет-сленга и мемов, чтобы отличить одно от другого. Ещё один вызов — использование эвфемизмов и кодовых слов. Радикальные сообщества часто прибегают к особому языку, где слова «гости», «приезжие», «неверные» или «свои» несут специфическую смысловую нагрузку, понятную лишь посвящённым. Раскрытие этих кодов требует от лингвиста не только знания языка, но и погружения в субкультурный контекст исследуемой группы.

Процесс подготовки заключения начинается с тщательного изучения постановления о назначении экспертизы и всех предоставленных материалов. Затем следует этап непосредственного анализа объекта. Эксперт последовательно применяет вышеупомянутые методы, делая рабочие выписки и формируя предварительные гипотезы. На основе полученных данных составляется синтезирующая часть, где делаются итоговые выводы. Заключение должно быть написано ясным, научно обоснованным языком, доступным для понимания лицами без специального филологического образования. В нём недопустимы двусмысленные формулировки или предположения. Каждый вывод должен быть подкреплён ссылкой на конкретный фрагмент текста и объяснением использованного метода анализа [2, с. 135]. Например, вывод о наличии призыва к действию базируется на выявлении в тексте глаголов в форме повелительного наклонения («делай», «бей», «убирайся») или конструкций со значением долженствования («нужно», «следует», «пора»), обращённых к неопределённому кругу лиц.

Роль судебно-лингвистической экспертизы выходит далеко за рамки простого установления факта правонарушения. Она способствует формированию единой следственной и судебной практики, позволяя избежать как необоснованных обвинений, когда критическое мнение ошибочно принимают за экстремизм, так и безнаказанности реальных преступников, чьи призывы были намеренно закодированы. Качественно проведённая экспертиза защищает права граждан, гарантируя, что уголовному преследованию подвергаются только те лица, чья деятельность действительно несёт угрозу обществу. Более того, развитие этого направления стимулирует разработку новых методик анализа креолизованных (текстово-графических) и поликодовых текстов, которыми изобилует современный медиаландшафт. Таким образом, судебно-лингвистическая экспертиза выступает не просто техническим инструментом следствия, а сложным интеллектуальным фильтром, обеспечивающим баланс между необходимостью защиты государства и общества от деструктивной идеологии и соблюдением фундаментальных свобод личности, включая свободу слова.

Литература:

1. Галяшина Е. И. Основы судебного речеведения: Монография. — М.: СТЭНСИ, 2003. — 236 с.
2. Бринев К. И. Теоретическая лингвистика и судебная лингвистическая экспертиза: монография / Под ред. Н. Д. Голева. — Барнаул: АлтГПА, 2009. — 252 с.
3. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 2025 г.) // Собрание законодательства РФ. — 2001. — № 52 (ч. I). — ст. 4921.
4. Кузнецов С. А., Оленников С. М. Экспертные исследования по делам о признании информационных материалов экстремистскими: теоретические основания и методическое руководство. — М.: Издательский дом В. Ема, 2014. — 488 с.
5. Кукушкина О. В., Секераж Т. Н., Сафонова Ю. А. Теоретические и методические основы судебной психолого-лингвистической экспертизы текстов по делам, связанным с противодействием экстремизму: Научно-методическое пособие / Под ред. В. Ф. Енгальчева. — М.: ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России; Юрлитинформ, 2011. — 328 с.
6. Осадчий М. А. Судебно-лингвистическая экспертиза вербальных проявлений экстремизма: проблемы методологии // Теория и практика судебной экспертизы. — 2007. — № 3(7). — С. 354–360.
7. Баранов А. Н. Лингвистическая экспертиза текста: теория и практика: учебное пособие. — М.: Флинта: Наука, 2007. — 592 с.
8. Галяшина Е. И. Лингвистика vs экстремизма: В помощь судьям, следователям, экспертам / Под ред. М. В. Горбаневского. — М.: Юридический мир, 2006. — 96 с.
9. Россинская Е. Р., Галяшина Е. И., Зинин А. М. Теория судебной экспертизы: Учебник / Под ред. Е. Р. Россинской. — М.: Норма: ИНФРА-М, 2019. — 368 с.
10. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28.06.2011 № 11 «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности» // Бюллетень Верховного Суда РФ. — № 8 (август).

Юридическая ответственность тренера в современном мире

Маргиева Милана Алановна, студент;

Кудзиева Анна Гариковна, студент

Научный руководитель: Пучкова Мария Викторовна, старший преподаватель

Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации

Предложенная статья посвящена юридической ответственности тренера. Авторы определяют юридическую ответственность тренера на составляющие части, относительно каждой юрисдикции, поднимают вопросы о проблемах определения некоторых аспектов ответственности тренера и его правового статуса

Ключевые слова: спортивное право, тренер, юридическая ответственность, спорт, трудовой договор

Современное спортивное право находится в стадии активного формирования. Эту отрасль нельзя назвать устоявшейся: она складывается буквально на наших глазах, реагируя на новые вызовы, которые возникают в профессиональном и любительском спорте. Государства всё более осознают, какое влияние спорт оказывает на общество и личность. Речь идёт не только о физическом развитии: спорт транслирует определённые ценности, участвует в создании культурных кодов, формирует модели поведения и даже влияет на социальную идентификацию [10]. В профессиональном спорте, где ставки высоки, а травмы и конфликты — часть повседневности, вопросы правового регулирования становятся особенно острыми.

В этом контексте вопрос о юридической ответственности тренера приобретает не только практическое, но и теоретическое значение. Он перестаёт быть узкофор-

мальной проблемой, становясь частью более широкой дискуссии о месте спорта в правовой системе, о границах профессиональной свободы тренера и о пределах его ответственности перед спортсменами, обществом и государством.

Прежде чем перейти непосредственно к ответственности тренера, необходимо уточнить, что вообще понимается под юридической ответственностью. В теории права её традиционно определяют как обязанность лица претерпеть наказание за совершённое правонарушение, реализуемую в рамках запретительных норм [9, с. 5–6]. Юридическую ответственность классифицируют на несколько видов: административную, уголовную, гражданско-правовую, дисциплинарную и материальную. Каждый из этих видов предполагает свои основания применения, свои процессуальные механизмы и свои последствия для нару-

шителя. Именно от этой классификации следует отталкиваться при анализе ответственности тренера, поскольку в зависимости от характера правонарушения могут применяться разные механизмы правового воздействия.

Важно подчеркнуть, что юридическая ответственность онтологически связана с правовым статусом тренера. Правовой статус — то есть совокупность прав и обязанностей, их гарантии и пределы реализации — не имеет социально-правового смысла без механизма юридической оценки. Другими словами, права и обязанности остаются лишь декларацией, если отсутствует возможность привлечь лицо к ответственности за их нарушение. Именно ответственность превращает правовой статус из абстрактной модели в реально действующий механизм [11, с. 114].

Законодательство, однако, даёт неоднозначное определение тренера. Согласно Федеральному закону о спорте, тренер — это физическое лицо, имеющее среднее профессиональное или высшее образование, которое организует учебно-тренировочный процесс, проводит соответствующие мероприятия со спортсменами и руководит их состязательной деятельностью для достижения спортивных результатов [6]. В части 1 статьи 348.1 Трудового кодекса РФ тренер определяется как работник, чья трудовая функция заключается в проведении тренировочных мероприятий и руководстве состязательной деятельностью спортсменов с целью достижения спортивных результатов [4]. Обратим внимание: в трудовом законодательстве акцент смещён с формальных квалификационных требований (образование) на функциональные обязанности (проведение тренировок, руководство деятельностью). Это различие важно для понимания того, как именно тренер может быть привлечён к ответственности — как специалист с определённой квалификацией или как работник, выполняющий определённую трудовую функцию.

Сопоставление этих двух определений показывает, что наличие у тренера профильного образования требуется не всегда. Ключевое исключение составляют детские тренеры: для них наличие педагогического образования является обязательным, что связано с особыми требованиями к воспитательной работе с несовершеннолетними. Вопрос о необходимости лицензирования тренерской деятельности решается в рамках Федерального закона об образовании, что оставляет определённую свободу для различных форм организации тренировочного процесса, включая работу тренеров-совместителей, волонтеров и специалистов, привлечённых на основе гражданско-правовых договоров.

Итак, тренер признаётся работником, который на основании трудового или гражданско-правового договора наделён определёнными правами и обязанностями. В связи с этим логично начать анализ именно с его ответственности в рамках трудовых отношений. Российское законодательство достаточно подробно регламентирует этот вопрос. Трудовой договор, заключаемый с работода-

телем, фиксирует трудовую функцию тренера, режим его работы, круг обязанностей и иные существенные условия. От того, насколько чётко эти условия прописаны, во многом зависит, каким образом тренер может быть привлечён к ответственности в случае нарушения.

К должности тренера предъявляются определённые требования, которые закреплены, в частности, в специальном приказе Минтруда, где прописаны необходимые трудовые действия, умения и знания [8]. Этот документ играет важную роль, поскольку он задаёт минимальные профессиональные стандарты, которым должен соответствовать тренер независимо от места работы. Кроме того, дополнительные требования может устанавливать профильная спортивная федерация, которая также вправе проводить аттестацию и сертификацию тренеров. Такая практика распространена в профессиональных лигах и по некоторым олимпийским видам спорта, где требования к тренерам существенно выше, чем базовые, установленные законодательством.

Из сказанного следует, что за неисполнение или ненадлежащее исполнение трудовой функции и обязанностей тренер может быть привлечён к дисциплинарной ответственности. Дисциплинарные взыскания, как правило, включают замечание, выговор и увольнение по соответствующим основаниям. Выбор конкретной меры зависит от тяжести проступка и от того, насколько системный характер носили нарушения. Пленум Верховного суда России разъясняет, что споры, возникающие из трудовых правоотношений, подразделяются на индивидуальные трудовые споры и гражданско-правовые; такое разграничение проводится в соответствии со статьёй 381 ТК РФ [4, 7]. Это разграничение важно, поскольку от него зависит, в каком порядке — исковом или досудебном — будет решаться конфликт.

Законодательством предусмотрены и специальные основания для расторжения трудового договора. К ним относятся: повторное в течение одного года грубое нарушение устава организации, осуществляющей образовательную деятельность (пункт 1 статьи 336 ТК РФ), а также применение методов воспитания, связанных с физическим или психическим насилием над личностью обучающегося (пункт 2 статьи 336 ТК РФ) — причём для расторжения договора достаточно даже однократного факта такого нарушения [4]. Второе основание особенно важно, поскольку оно защищает спортсменов, особенно несовершеннолетних, от противоправных методов тренировок, которые, к сожалению, иногда встречаются в практике даже высококвалифицированных специалистов.

Отдельный блок ответственности тренера, вытекающий из системного анализа спортивного законодательства, связан с антидопинговым регулированием. Эта сфера охватывается норм уголовного, административного и трудового права. В частности, статья 230.1 УК РФ устанавливает ответственность за склонение спортсмена к использованию запрещённых субстанций и (или) методов [5]. Здесь важно отметить, что под «склонением» по-

нимаются любые действия, направленные на убеждение, подкуп, уговоры или иное воздействие с целью заставить спортсмена нарушить антидопинговые правила. Статья 6.18 КоАП РФ предусматривает наказание за нарушение требований законодательства о физической культуре и спорте в части предотвращения допинга и борьбы с ним [3]. Эта норма охватывает более широкий круг деяний, включая, например, несвоевременное предоставление информации о местонахождении спортсмена или нарушение правил хранения проб.

Статья 348.11–1 ТК РФ вводит дополнительные основания для увольнения тренера в связи с нарушением антидопинговых правил [4]. При этом увольнение возможно независимо от того, был ли тренер привлечён к административной или уголовной ответственности за те же действия. Таким образом, антидопинговое законодательство образует специализированный аспект юридической ответственности тренера, причём эта ответственность носит комплексный характер: один и тот же проступок может повлечь за собой одновременно дисциплинарное, административное и даже уголовное преследование.

Рассмотрим теперь практическую ситуацию: на тренировке спортсменов получил травму. Какую ответственность может понести тренер? Первым делом необходимо установить, есть ли в произошедшем вина тренера, либо имели место обстоятельства непреодолимой силы. Здесь важно различать обычный спортивный риск, который неотъемлемо присущ любому виду спорта, и ситуации, когда травма стала результатом грубой неосторожности или прямого нарушения инструкций по технике безопасности. Далее следует определить юрисдикцию: речь может идти об уголовной, гражданской или иной ответственности.

Если травма стала результатом ненадлежащего надзора со стороны тренера, то применяются статьи 1064 или 1073 Гражданского кодекса РФ, предусматривающие возмещение вреда в рамках гражданского судопроизводства [2]. При этом размер возмещения может включать не только расходы на лечение, но и упущенную выгоду (например, сорванные соревнования и потерянные призовые). В случае, когда нарушение безопасных условий повлекло смерть спортсмена, возможно привлечение по

статье 238 УК РФ (ответственность лица, оказывающего услуги, не отвечающие требованиям безопасности) [5]. На практике такие дела редки, но они встречаются, особенно в ситуациях, когда тренер сознательно проводил тренировки в заведомо опасных условиях (например, при экстремальных погодных явлениях или на неисправном оборудовании). Не исключается и дисциплинарная ответственность за неисполнение трудовых обязанностей.

Если же травма произошла вследствие обстоятельств непреодолимой силы (внезапное ухудшение погоды, техническая поломка, которую тренер не мог предвидеть и предотвратить), а сам тренер действовал добросовестно и его вина отсутствует, происшествие квалифицируется как несчастный случай. В такой ситуации ответственность, как правило, ложится на работодателя либо на страховую компанию, в зависимости от того, как организовано страхование спортсменов.

Таким образом, юридическая ответственность тренера в законодательстве Российской Федерации и в формирующемся спортивном праве в целом определена достаточно чётко. Однако существуют и определённые проблемы. В частности, законодательством не урегулирован, а Пленум Верховного суда не разъясняет вопрос о расторжении трудового договора с тренером, который добросовестно исполнял свои обязанности, но не оправдал ожиданий, скажем, на чемпионате. В разъяснениях Верховного суда содержится лишь указание на возможность заключения срочного трудового договора на период «... для достижения спортивных результатов в профессиональном спорте, а также с тренерами спортивных сборных команд...» [7], и этим всё ограничивается. Не решён и вопрос о результате тренерской работы: в отличие, например, от адвокатской деятельности, тренер не несёт ответственности за неудачный исход, если он сделал всё возможное и добросовестно выполнял свои обязательства. Однако на практике нередки случаи, когда увольнение тренера происходит именно из-за неудовлетворительных результатов, и правовая оценка таких увольнений остаётся неопределённой. Этот пробел требует либо законодательного восполнения, либо разъяснения со стороны высших судебных инстанций.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12.12.1993: с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020. — СПС «КонсультантПлюс».
2. Гражданский кодекс Российской Федерации: часть первая от 30.11.1994 № 51-ФЗ, часть вторая от 26.01.1996 № 14-ФЗ, часть третья от 26.11.2001 № 146-ФЗ, часть четвертая от 18.12.2006 № 230-ФЗ. — СПС «КонсультантПлюс».
3. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ. — СПС «КонсультантПлюс».
4. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 № 197-ФЗ: ред. от 04.08.2023, с изм. от 24.10.2023: (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2023). — СПС «КонсультантПлюс».
5. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ. — СПС «КонсультантПлюс».
6. Федеральный закон «О физической культуре и спорте в Российской Федерации» от 04.12.2007 № 329-ФЗ: последняя редакция. — СПС «КонсультантПлюс».

7. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24.11.2015 № 52 «О применении судами законодательства, регулирующего труд спортсменов и тренеров». — СПС «КонсультантПлюс».
8. Приказ Минтруда России от 24.12.2020 № 952н; ред. от 30.08.2023 «Об утверждении профессионального стандарта «Тренер-преподаватель»»: (зарегистрировано в Минюсте России 25.01.2021 № 62203). — СПС «КонсультантПлюс».
9. Алексеев С. В., Буянова М. О., Чеботарев А. В. Спортивное право: договорные отношения в спорте: учебное пособие для вузов / под ред. С. В. Алексеева. — Москва: Юрайт, 2020. — 107 с.
10. Зорькин В. Д. Право метамодерна: постановка проблемы // Журнал Конституционного правосудия. — 2024. — № 4. — С. 1–8.
11. Честнов И. Л. Теория государства и права: учебное пособие. Ч. 2. Теория права. — Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации, 2017. — 116 с.

Органы местного самоуправления ЛНР в системе субъектов государственных управленческих отношений

Мартынов Евгений Васильевич, студент магистратуры
Научный руководитель: Гринева Кристина Валерьевна, ассистент
Белгородский государственный национальный исследовательский университет

В статье анализируется процесс институционализации муниципальных органов Луганской Народной Республики после её вхождения в состав Российской Федерации. Рассматриваются конституционно-правовые предпосылки интеграции, специфика переходного периода, а также практические аспекты формирования местной публичной власти «с нуля». Особое внимание уделено правовым позициям Конституционного и Верховного судов РФ, вопросам финансовой самостоятельности и кадрового обеспечения муниципалитетов ЛНР. Выявлены системные проблемы и предложены пути их решения в контексте построения единой системы публичной власти.

Ключевые слова: местное самоуправление, Луганская Народная Республика, территориальная интеграция, переходный период, муниципальные выборы, публичная власть, избирательная система.

Включение в 2022 году четырех новых субъектов в состав Российской Федерации инициировало уникальный правовой эксперимент по формированию системы местного самоуправления (МСУ) на территориях с ранее действовавшими иными управленческими моделями. Среди этих субъектов Луганская Народная Республика (ЛНР) получила статус республики в составе РФ, что предопределило особенности организации муниципальной власти, включая языковую политику и структуру органов власти [1, с. 5–10]. Настоящая статья посвящена анализу места и роли органов МСУ ЛНР в системе государственных управленческих отношений, возникающих в условиях переходного интеграционного периода.

Фундаментом для построения муниципальной системы ЛНР стали международные договоры о принятии республики в состав РФ, получившие оценку Конституционного Суда РФ. В постановлениях от 2 октября 2022 года (в частности, № 37-П по ЛНР) [8] Суд признал договоры соответствующими Конституции РФ, одновременно установив переходный период до 1 января 2026 года. Этот период, как подчеркнул КС РФ, нацелен на урегулирование вопросов интеграции в экономическую, финансовую, кредитную и правовую системы России.

Для ЛНР, в отличие от Запорожской и Херсонской областей, была избрана республиканская модель, предполагающая большую самостоятельность в определении внутренней структуры органов власти. При этом организация МСУ в ЛНР базировалась на принципе преемственности: ранее функционировавшие народные советы продолжили свою деятельность вплоть до проведения выборов по российским стандартам. Временное управление, в отличие от областного варианта, не вводилось, что подтвердило особый статус республики.

Практика проведения первых муниципальных выборов в новых регионах (сентябрь 2023 г.) выявила ряд особенностей, в полной мере проявившихся и в ЛНР. Избирательные кампании проходили в условиях формирующейся партийно-политической системы, что потребовало ускоренного создания региональных отделений общероссийских партий и адаптации их программ к местной специфике.

Верховный Суд РФ в Постановлении Пленума от 27 июня 2023 г. № 24 определил ключевые принципы защиты избирательных прав граждан, включая подсудность дел об оспаривании решений избирательных комиссий районным судам [9]. Это создало дополнительные гарантии для жителей ЛНР.

Существенной чертой избирательного процесса стало широкое применение цифровых технологий и элементов электронного голосования, что было обусловлено необходимостью обеспечить доступность волеизъявления в условиях разрушенной инфраструктуры и продолжавшихся боевых действий [2, с. 89]. Высокая явка избирателей в муниципальных образованиях ЛНР, превысившая среднероссийские показатели, свидетельствовала о легитимации новой власти и доверии населения.

Формирование территориальной основы МСУ в ЛНР осуществлялось с сохранением исторически сложившейся структуры местного управления, однако с корректировкой границ некоторых муниципальных образований для повышения их финансовой устойчивости и управляемости. В отличие от Запорожской и Херсонской областей, где создавались укрупненные муниципальные образования, в ЛНР акцент был сделан на преемственность.

Финансовые проблемы стали одними из наиболее острых. Интеграция в российскую бюджетную систему потребовала кардинальной перестройки механизмов формирования местных бюджетов, перехода на казначейское исполнение и систему межбюджетных отношений [3]. Ограниченность собственной доходной базы муниципалитетов ЛНР на фоне колоссальных потребностей в восстановлении инфраструктуры обусловила высокую зависимость от федеральных и региональных трансфертов.

Кадровое обеспечение стало еще одним вызовом. Подготовка муниципальных служащих ЛНР к работе по российским стандартам потребовала масштабных программ переподготовки и повышения квалификации. Формирование кадрового корпуса шло по пути сочетания преемственности (сохранение управленческого опыта) и обновления (внедрение российских стандартов) [4].

Конституционные поправки 2020 года, закрепившие единую систему публичной власти, получили специфическое преломление в ЛНР. Интеграция органов МСУ в эту

систему требует баланса между их самостоятельностью (гарантированной Европейской хартией местного самоуправления) и координацией с региональными и федеральными органами [1, с. 7; 6, с. 107].

Анализ практики выявил системные проблемы: правовые пробелы в регулировании отдельных аспектов деятельности муниципальных; необходимость развития институтов гражданского общества и общественного контроля [3, с. 13]; а также адаптацию населения к российской модели демократии.

Для их решения предлагается комплекс мер:

— нормативные: принятие специального федерального закона о переходном периоде для новых субъектов, включая ЛНР.

— финансовые: создание механизмов целевых субвенций на восстановление инфраструктуры и предоставление особого статуса в системе межбюджетных отношений.

— организационные: развитие образовательных программ для муниципальных служащих, наставничество с привлечением специалистов из других регионов РФ, формирование механизмов профессиональной мобильности [6, с. 88].

Перспективы развития МСУ в ЛНР связаны с постепенным переходом от режима переходного периода к стандартной российской модели муниципального управления, что требует системного мониторинга и теоретического осмысления накопленного опыта [7, с. 87].

Опыт Луганской Народной Республики представляет собой уникальную модель создания муниципальных институтов в условиях территориальной интеграции. Он демонстрирует возможность успешной адаптации к российской системе публичной власти при условии комплексного решения правовых, финансовых и кадровых вопросов. Сформированная практика может стать важным источником для совершенствования всей системы местного самоуправления в РФ.

Литература:

1. Аничкин, Е. С. Принятие в РФ и образование в ее составе ДНР и ЛНР: характерные черты правовой и институциональной интеграции / Е. С. Аничкин // Российское право: история и современность. — 2023. — № 3. — С. 5–10.
2. Захарова, В. И. Особенности муниципальных выборов с использованием электронного голосования / В. И. Захарова, Н. Т. Иоселиани // Гражданин. Выборы. Власть. — 2024. — № 1. — С. 87–94.
3. Зотов, В. Б. Вопросы местного самоуправления в современных российских и иностранных исследованиях / В. Б. Зотов, М. И. Исаева // Муниципальная академия. — 2023. — № 3. — С. 11–16.
4. Малько, А. В. Единая система публичной власти в свете поправки 2020 года к Конституции РФ / А. В. Малько, Ю. Н. Халикова // Известия Саратовского ун-та. Серия «Экономика. Управление. Право». — 2021. — Т. 21, вып. 1. — С. 104–111.
5. Минаева, Э. Ю. Стратегии сохранения и отмены прямых выборов глав муниципальных образований в России / Э. Ю. Минаева // Мир России. Социология. Этнология. — 2022. — № 1. — С. 85–91.
6. Осавелюк, А. М. Конституционное право в системе российского права: уникальность предмета отрасли / А. М. Осавелюк // Актуальные проблемы российского права. — 2018. — № 1. — С. 85–91.
7. Постановление Конституционного Суда РФ от 02.10.2022 № 36-П «По делу о проверке конституционности не вступившего в силу международного Договора между Российской Федерацией и Донецкой Народной Респуб-

- ликой о принятии в Российскую Федерацию Донецкой Народной Республики и образовании в составе Российской Федерации нового субъекта» // Российская газета. — 2022. — № 222. — 3 октября.
8. Постановление Конституционного Суда РФ от 02.10.2022 № 37-П «По делу о проверке конституционности не вступившего в силу международного Договора между Российской Федерацией и Луганской Народной Республикой о принятии в Российскую Федерацию Луганской Народной Республики и образовании в составе Российской Федерации нового субъекта» // Российская газета. — 2022. — № 222. — 3 октября.
  9. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.06.2023 № 24 «О некоторых вопросах, возникающих при рассмотрении судами административных дел о защите избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» // Российская газета. — 2023. — № 149. — 10 июля.
  10. Шелухин, Н. Л. Роль органов местного самоуправления ДНР в минимизации угроз экономической безопасности в сфере хозяйствования / Н. Л. Шелухин // Российско-азиатский правовой журнал. — 2024. — № 1. — С. 23–26.
  11. Шемяков, А. Д. Особенности развития публичного управления Донецкой Народной Республики / А. Д. Шемяков, А. В. Кретьова, Е. И. Фоменко // Государственная служба. — 2024. — № 1. — С. 6–13.

Актуальные проблемы принятия к учету затрат при исполнении государственных контрактов

Матюшин Алексей Алексеевич, студент магистратуры
Государственный университет управления (г. Москва)

Исполнение государственного контракта формирует не только передачу материальной ценности государственному заказчику, но и налоговые обязательства исполнителя, контроль за исполнением которых возложен на налоговые органы. Используемый на практике подход к контролю за исполнением налоговых обязательств зачастую не учитывает обстоятельства исполнения государственного контракта.

Ключевые слова: государственные контракты, налоговый контроль, формирование налоговой базы, привлечение к ответственности, правоприменительная практика, квалификация действий налогоплательщика.

Основным методом контроля за правильностью исчисления, полнотой и своевременностью уплаты налогов и сборов является деятельность налоговых органов в рамках проведения контрольных мероприятий, включающую в себя выездные и камеральные налоговые проверки.

Положительным результатом таких мероприятий налогового контроля в отношении налогоплательщика является возникновение обязанности по уплате налогов, штрафов, пеней. Формирование таких обязательств сопряжено с установлением действительных обстоятельств совершения сделок и принятия к учету их результатов. Определяющее значение в таком подходе контролирующего органа имеют положения статьи 54.1 Налогового кодекса Российской Федерации (далее — НК РФ), регулирующие права налогоплательщика в части формирования соответствующей налоговой базы.

Практическое применение положений статьи 54.1 НК РФ подразумевает оценку финансово-хозяйственных операций налогоплательщика с точки зрения допустимости принятия к учету результатов таких операций. Вместе с тем, сформировавшийся по результатам практики применения законодательства о налогах и сборах подход к расчету действительных налоговых обязательств налогоплательщика подразумевает применение ответственности непосредственно за сам факт привлечения к испол-

нению государственного контракта субподрядчика, как правило допустившего в своей деятельности налоговые правонарушения, в связи с чем рассматриваемого в качестве неправопособного контрагента.

Несмотря на мотивированное желание налогового органа обеспечить поступление в бюджет сумм налогов и сборов, эквивалентных суммам сделок с таким спорным поставщиком (подрядчиком), определение реального размера потерь бюджета производится не всегда, зачастую осуществляясь уже в ходе рассмотрения Арбитражным судом предмета спора.

Такой подход не может считаться мотивированным и направленным на защиту интересов участников государственной закупки как со стороны непосредственного заказчика (государства), так и со стороны исполнителя, представляющего бизнес-сообщество.

Основанием для такого подхода со стороны контролирующего органа является сам принцип формирования налоговых обязательств по спорной сделке. Принимая в качестве маркера сомнительности финансово-хозяйственной операции совершение нарушений законодательства о налогах и сборах поставщиком (подрядчиком), которые как правило заключаются в неуплате налога на добавленную стоимость за счет принятия к учету счетов-фактур с несформированным источником НДС, налоговый орган рассматривает всю сделку в качестве не

имевшей места в реальном хозяйственном обороте, не принимая к учету при формировании налоговой базы по налогу на прибыль организаций материальные расходы, сформированные за счет осуществления сделки.

Несмотря на то, что такой подход является по своей сути возложением на налогоплательщика дополнительных налоговых обязательств, не обусловленных самой природой корпоративного налогообложения, его применение на практике лишь усугубляется. Корни указанной проблематики лежат прежде всего в особенностях осуществления налогового контроля, а именно риск-ориентированного подхода налогового органа к осуществлению контрольных функций.

Имея в распоряжении мощный агрегатор сведений об объектах налогообложения и уплаты налога на добавленную стоимость в лице АСК НДС 2, налоговый орган в реальном времени контролирует весь путь формирования добавленной стоимости на товары (работы, услуги), воспринимая разрывы в указанной цепочке в качестве не имевших место в реальном хозяйственном обороте сделок. Такой подход, верный по своей сути, не учитывает существенных различий в методологии формирования налоговой базы по налогу на добавленную стоимость и налогу на прибыль организаций, сводя во едино различные нормы законодательства, регулирующие по своей сути различные правоотношения.

Судебная практика также определяет объективные основы такого налогового правонарушения. В Определении Верховного Суда Российской Федерации от 14.05.2020 № 307-ЭС19-27597 указывается, что доказывание проявления должной осмотрительности налогоплательщиком не должно сводиться к поиску эффективности и рациональности в принятии тех или иных решений хозяйствующим субъектом. В основу доказательной базы должны ложиться только факты, подтверждающие неспособность контрагентов полноценно исполнить свои налоговые обязательства. Безусловно, данный факт непосредственно связан с объективной стороной правонарушения — виной в виде умысла, т. е. имел ли налогоплательщик понимание того, что контрагент является недобросовестным.

Как прямо усматривается из вышеизложенного, особенностью налоговых правонарушений в части проявления должной осмотрительности при выборе контрагента являются обстоятельства, не характеризующие сделку исполнителя с поставщиком в качестве не имевшей места в реальном хозяйственном обороте. Фактически такая сделка имела место, поставка товара и выполнение работ подтверждаются фактами хозяйственной жизни.

При анализе арбитражной практики усматривается, что налоговый орган даже при наличии принятых государственным заказчиком результатов работ привлекает налогоплательщика к ответственности за совершение налоговых правонарушений, методология которых соответствует не обстоятельствам проявления осмотрительности при выборе контрагента, приводящим по своей сути к доначислению НДС, а к ответственности за действия, соот-

ветствующие фиктивному документообороту, подразумевающему что сделка не имела места в реальности.

Ярким примером такого подхода контролирующего органа является дело № А65–29125/2022, в соответствии с которым исполнитель государственного контракта привлечен в качестве соисполнителей ряд организаций, которые по результатам проведения мероприятий налогового контроля были резюмированы в качестве налогоплательщиков, имеющих высокий риск совершения налоговых правонарушений. Налоговый орган, рассмотрев их деятельность не ограничился вменением заявителю сумм НДС и исключил расходы по сделкам из состава налоговой базы по налогу на прибыль организаций.

В указанном случае реальные обстоятельства сделок были установлены не налоговым органом, а судебными инстанциями, которые рассматривая по существу материалы дела указали на то, что размер понесенных обществом затрат при исчислении налога на прибыль организаций инспекцией не был учтен, руководствуясь положениями ст. ст. 247, 252 НК РФ, Постановлением Пленума ВАС РФ N 53, а также учитывая правовую позицию Президиума ВАС РФ, изложенную в Постановлении от 03.07.2012 N 2341/12 суд пришел к правомерному и обоснованному выводу о несоответствии оспариваемого Решения налогового органа положениям закона — НК РФ по взаимоотношениям с указанными контрагентами, в части начисления налога на прибыль организаций.

Таким образом, выполненные исполнителем государственного контракта работы были необоснованно рассмотрены налоговым органом в качестве не имевших места в хозяйственном обороте, после чего правомерность действий налогоплательщика получилось подтвердить только путем обращения в суд.

Несмотря на в итоге установленную справедливость, результат проведения мероприятий налогового контроля повлек за собой не только временные и материальные затраты налогоплательщика и контролирующего органа, но и применение к исполнителю государственного контракта необоснованных мер по взысканию недоимки, заключающихся в приостановке операций по расчетным счетам и обременении имущества.

Исходя из вышеизложенного, проблема правоприменения мер налоговой ответственности в указанной части имеет место в рассматриваемых правоотношениях и требует мер урегулирования.

Одним из способов урегулирования данной проблематики могло бы являться внесение изменений в правоприменительную практику, предполагающих упрощенный порядок признания расходов для исполнителей государственных контрактов. Условиями такого регулирования могли бы служить уже имеющиеся на законодательном уровне обязательства исполнителей государственных контрактов и заказчиков.

Исполнение государственного контракта имеет следующие отличия от обычных гражданско-правовых правоотношений:

— денежные средства, поступающие в распоряжение исполнителя уже имеют казначейское сопровождение и не могут расходоваться произвольно;

— приемка товара (работ, услуг) осуществляется уполномоченными лицами, несущими в том числе персональную ответственность за свои действия;

— приемка работ подразумевает экспертизу на предмет качества выполнения работ, соответствия материалов, товаров условиям проектной документации.

Указанные обстоятельства уже на этапе исполнения государственного контракта позволяют установить реальность поставки товара (выполнения работ), а также факт совершения сделки с поставщиком. Соответственно, при наличии указанных обстоятельств доначисление на-

лога на прибыль организаций должно ограничиваться по обстоятельствам проявления налогоплательщиком недолжной осмотрительности при выборе контрагента.

Исключением из указанного порядка применения мер налоговой ответственности могут быть лишь ситуации, при которых и исполнитель государственного контракта и привлеченный поставщик являются взаимозависимыми лицами, осуществляющими согласованные действия, направленные на получение необоснованной материальной и налоговой выгоды, т. е. осуществляющими сделки формально, в целях сокрытия реальной сути правоотношений. Вместе с тем, порядок выявления таких сделок устоялся и не требует изменения методологии доказательства налогового правонарушения.

Литература:

1. Налоговый кодекс РФ часть первая (электронный ресурс): от 31.07.1998 N 146-ФЗ //Консультант Плюс — режим доступа: <http://www.consultant.ru/>
2. Налоговый кодекс РФ часть вторая (электронный ресурс) от 05.08.2000 N 117-ФЗ //Консультант Плюс — режим доступа: <http://www.consultant.ru/>
3. Приказ ФНС России от 30.05.2007 N ММ-3-06/333@ «Об утверждении Концепции системы планирования выездных налоговых проверок» //Консультант Плюс — режим доступа: <http://www.consultant.ru/>
4. Определение Верховного Суда Российской Федерации от 14.05.2020 № 307-ЭС19-27597//Консультант Плюс — режим доступа: <http://www.consultant.ru/>

О некоторых проблемах незаконного лишения свободы граждан Российской Федерации

Мащенко Роман Владимирович, студент магистратуры
Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения

В статье рассматриваются отдельные проблемы незаконного лишения свободы граждан Российской Федерации. Основное внимание уделяется вопросам квалификации, разграничения с близкими по характеру составами и доказывания обстоятельств совершения деяния. Примечательно, что при внешней простоте состава на практике нередко возникают затруднения, связанные с установлением факта ограничения свободы, формы удержания потерпевшего и направленности умысла виновного лица. Автор приходит к выводу о необходимости более внимательного подхода к оценке подобных ситуаций, поскольку именно здесь чаще всего и возникают ошибки правоприменения.

Ключевые слова: незаконное лишение свободы, свобода личности, граждане Российской Федерации, уголовная ответственность, квалификация преступлений, умысел, удержание потерпевшего, правоприменение.

On some issues of illegal deprivation of freedom of citizens of the Russian Federation

Mashchenko Roman Vladimirovich, master's student
Saint-Petersburg State University of Aerospace Instrumentation (St. Petersburg)

The article discusses certain issues related to the illegal deprivation of freedom of citizens of the Russian Federation. The main focus is on the issues of qualification, differentiation from similar offenses, and proving the circumstances of the offense. It is noteworthy that, despite the apparent simplicity of the offense, there are often difficulties in practice when it comes to establishing the fact of restriction of freedom, the form of restraint of the victim, and the intent of the perpetrator. The author concludes that a more careful approach is necessary when assessing such situations, as this is where most errors in law enforcement occur.

Keywords: illegal deprivation of liberty, personal freedom, citizens of the Russian Federation, criminal liability, qualification of crimes, intent, detention of the victim, law enforcement.

Введение

Право человека на свободу относится к числу наиболее значимых социальных и правовых ценностей. Оно лежит в основе личной автономии, а его нарушение всегда затрагивает не только интересы конкретного потерпевшего, но и общие представления о допустимых пределах поведения в обществе. Незаконное лишение свободы граждан Российской Федерации представляет собой одно из тех преступных посягательств, которые внешне могут выглядеть как частный конфликт, но по существу затрагивают фундаментальные начала охраны личности.

На первый взгляд, содержание этого преступления кажется очевидным: лицо ограничивают в возможности свободно передвигаться, покинуть помещение или иное место пребывания. Однако правоприменительная практика показывает иное. Где проходит граница между уголовно наказуемым лишением свободы и иным противоправным поведением? Почему одни ситуации квалифицируются как самостоятельное преступление, а другие — как элемент иного состава? Именно эти вопросы и обуславливают актуальность темы.

Основная часть

Одна из главных проблем заключается в определении самого факта незаконного лишения свободы. Внешне ситуация может выглядеть по-разному: потерпевшего запирают в помещении, удерживают под угрозой, ограничивают выход или иным способом препятствуют свободному перемещению. Но для уголовно-правовой оценки важно не только наличие физического удержания. Значение имеют и обстоятельства, при которых потерпевший фактически утрачивает возможность действовать по собственной воле. Это, что немаловажно, позволяет отделить преступное поведение от бытовых или спорных жизненных ситуаций, где внешние признаки могут вводить в заблуждение.

Стоит отметить, что незаконное лишение свободы нередко сочетается с иными деяниями [1, с. 584]. Именно это создает трудности при квалификации. Если ограничение свободы выступает способом совершения другого преступления, правоприменителю приходится оценивать всю совокупность обстоятельств особенно тщательно. Ошибка здесь способна изменить не только юридическую оценку содеянного, но и объем уголовной ответственности. Иными словами, внешне похожие действия могут иметь различную правовую природу. А это уже серьезно.

Еще одна проблема связана с установлением субъективной стороны. Для привлечения к уголовной ответственности необходимо доказать, что лицо осознавало незаконный характер лишения свободы и желало его наступления. На практике это не всегда просто. Иногда виновный пытается представить свои действия как временную меру, как попытку помочь потерпевшему или предотвратить некое нежелательное поведение [3, с. 114]. Однако такие объяснения не всегда отражают ис-

тинный смысл содеянного. Именно поэтому большое значение приобретают показания потерпевшего, свидетелей, а также иные сведения, позволяющие восстановить реальную картину происшедшего.

Примечательно, что в делах о незаконном лишении свободы особую роль играет оценка способа удержания. В одних случаях это может быть запирание в помещении, в других — использование угроз, в третьих — создание такой обстановки, при которой сопротивление становится фактически невозможным [4, с. 291]. Формально способы различны, но результат один: человек лишается свободы распоряжаться собой. На практике, впрочем, именно здесь и возникают наиболее спорные моменты. Не всегда легко установить, было ли поведение потерпевшего следствием добровольного согласия или результатом давления. А ведь это уже меняет всю правовую картину.

Важно и то, что незаконное лишение свободы обладает высокой латентностью. Не каждое такое деяние становится предметом официального разбирательства. Потерпевший может длительное время находиться под психологическим воздействием, не сообщать о случившемся, опасаться последствий или не верить в эффективность защиты. В результате доказательная база формируется с трудом. Здесь особенно значимы последовательность объяснений, материальные следы, переписка, данные о перемещениях и иные сведения, которые помогают установить реальную обстановку. Без них доказать состав преступления бывает непросто.

Разграничение с иными составами преступлений тоже вызывает немало вопросов. Наиболее близкие ситуации требуют внимательного сопоставления признаков. Если ограничение свободы связано с насилием, угрозой или перемещением потерпевшего, необходима точная оценка каждого элемента [2]. Иначе говоря, не всякое удержание автоматически образует самостоятельный состав, но и не всякое внешне кратковременное ограничение можно считать малозначительным. В таких случаях особенно важен анализ направленности умысла, длительности воздействия и фактической степени изоляции лица.

Есть еще один момент. Иногда потерпевший не предпринимает активных попыток к освобождению. На первый взгляд это может создать впечатление отсутствия принуждения. Но подобный вывод не всегда верен. Люди реагируют по-разному, и страх, растерянность или подавленность могут полностью изменить внешнее поведение человека. Поэтому оценивать ситуацию только по внешней пассивности потерпевшего было бы, мягко говоря, не слишком верно.

Заключение

Подводя итог, следует признать, что незаконное лишение свободы граждан Российской Федерации представляет собой состав, который при теоретической ясности в практическом применении вызывает немало трудно-

стей. Основные проблемы связаны с установлением факта лишения свободы, разграничением со смежными составами и доказыванием умысла виновного лица. Кроме того, значительные сложности вызывает оценка способа удержания потерпевшего и реальной степени подавления его воли.

Важно, чтобы при расследовании и судебном рассмотрении подобных дел внимание уделялось не только внешней стороне происшедшего, но и всей совокупности обстоятельств. Только в этом случае возможно точное установление характера содеянного и справедливая уголовно-правовая оценка.

Литература:

1. Абатурова Ю. С. Проблемы разграничения составов похищения человека и незаконного лишения свободы // Норма. Закон. Законодательство. Право: Материалы XXVI Международной научнопрактической конференции молодых ученых. Пермь, 2024. С. 582–586.
2. Иванов А. Л., Ермолович Я. Н. Спорные вопросы квалификации похищения человека, незаконного лишения свободы и торговли людьми // Расследование преступлений: проблемы и пути их решения. 2021. № 1 (31). С. 51–55.
3. Кураков Д. В. Некоторые аспекты криминологической характеристики преступлений, связанных с похищением людей и незаконным лишением свободы // Современное общество и право. 2023. № 5 (66). С. 111–116.
4. Лоджун А. М. Похищение человека и незаконное лишение свободы: разграничение составов // Вестник науки. 2024. Т. 3. № 1 (70). С. 288–293.

Торговля людьми: уголовно-правовая характеристика преступления, предусмотренного статьёй 127.1 УК РФ

Мащенко Роман Владимирович, студент магистратуры
Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения

Статья посвящена уголовно-правовому анализу торговли людьми по статье 127.1 УК РФ. Рассматриваются признаки состава преступления, его общественная опасность, а также особенности законодательного закрепления ответственности за данные деяния. Особое внимание уделяется объекту, объективной стороне, субъекту и субъективной стороне преступления. Отдельно затрагиваются вопросы квалификации и разграничения со смежными составами. Примечательно, что проблема торговли людьми сохраняет высокую актуальность не только для уголовного права, но и для практики правоприменения, где ошибки встречаются всё ещё довольно часто.

Ключевые слова: личность, права, торговля людьми, законодательство, правоприменение.

Trafficking in human beings: criminal characteristics of the crime under Article 127.1 of the Criminal Code of the Russian Federation

Mashchenko Roman Vladimirovich, master's student
Saint-Petersburg State University of Aerospace Instrumentation (St. Petersburg)

The article is devoted to the criminal law analysis of human trafficking under Article 127.1 of the Criminal Code of the Russian Federation. It examines the elements of the crime, its public danger, and the specific features of the legal regulation of liability for these acts. Special attention is given to the object, objective side, subject, and subjective side of the crime. The article also addresses the issues of qualification and differentiation from related crimes. It is noteworthy that the problem of human trafficking remains highly relevant not only for criminal law, but also for the practice of law enforcement, where errors are still quite common.

Keywords: identity, rights, human trafficking, legislation, and law enforcement.

Введение

Торговля людьми — одно из наиболее опасных посятельств на личность. На первый взгляд, речь идёт лишь о незаконном обороте человека как объекта преступного воздействия, однако за этой формулировкой скрывается сложный комплекс действий, направленных на эксплуа-

тацию потерпевшего. Что немаловажно, статья 127.1 УК РФ занимает особое место среди норм, охраняющих свободу, честь и достоинство личности. Её значение определяется не только тяжестью последствий, но и тем, что подобные деяния затрагивают базовые права человека.

В уголовно-правовой доктрине торговля людьми рассматривается как многоэлементное преступление. Оно

может включать вербовку, перевозку, передачу, укрывательство или получение человека [1, с. 51]. Именно поэтому анализ статьи 127.1 УК РФ требует не формального, а содержательного подхода. Иначе говоря, одного взгляда на диспозицию явно недостаточно.

Материалы и методы исследований

В исследовании применены следующие теоретические методы: анализ, синтез, обобщение, индукция, дедукция; эмпирические методы: проведен анализ научной литературы, нормативных правовых актов, судебной практики.

Эмпирическая база исследования: Уголовный кодекс РФ и научная литература.

Основная часть

Статья 127.1 УК РФ устанавливает ответственность за куплю-продажу человека, а равно его вербовку, перевозку, передачу, укрывательство или получение, совершённые в целях эксплуатации. Уже само содержание нормы показывает, что законодатель связывает преступность не только с фактом обращения человека в предмет сделки, но и с последующим использованием его положения [8, с. 201]. Это важный момент, поскольку эксплуатация выступает не просто мотивом, а обязательной целью преступления [2, с. 62].

Объектом преступления выступают общественные отношения, обеспечивающие свободу личности, её неприкосновенность и достоинство. Дополнительным объектом нередко становятся отношения, связанные с охраной здоровья, половой неприкосновенности, трудовых прав, а иногда и жизни потерпевшего [3, с. 101]. Странно, но именно здесь видно, насколько широка фактическая опасность торговли людьми: она редко ограничивается одним последствием.

Объективная сторона выражается в совершении одного либо нескольких альтернативных действий. Закон называет куплю-продажу человека, вербовку, перевозку, передачу, укрывательство и получение. Каждое из этих действий само по себе способно образовать окончанный состав, если они совершены в целях эксплуатации. Поэтому для квалификации не требуется, чтобы человек был окончательно использован. Уже сама направленность на эксплуатацию имеет решающее значение.

Стоит отметить, что вербовка может выражаться в убеждении, обещаниях, введении в заблуждение, использовании уязвимого положения потерпевшего. Перевозка и передача нередко сопровождаются перемещением человека в иную местность, иногда за пределы государства. Укрывательство и получение, в свою очередь, завершают цепочку преступного обращения с человеком как с объектом сделки. Здесь законодатель, по сути, охватывает весь процесс незаконного оборота. И это логично.

Субъект преступления общий. К ответственности может быть привлечено вменяемое физическое лицо, достигшее возраста уголовной ответственности [7, с. 684]. При этом практика показывает, что преступление может

совершаться как одним лицом, так и группой лиц по предварительному сговору. Более того, нередко имеют место устойчивые преступные связи. Они и усложняют раскрытие, и затрудняют доказывание.

Субъективная сторона характеризуется прямым умыслом. Лицо осознаёт общественную опасность совершаемых действий и желает их совершить. Что немаловажно, обязательным признаком является цель эксплуатации [6, с. 94]. Без неё квалификация по статье 127.1 УК РФ невозможна. Вопрос, казалось бы, простой, но на практике именно он нередко вызывает споры: как доказать цель, если эксплуатация ещё не началась? Ответ лежит в совокупности доказательств, подтверждающих направленность поведения виновного.

Закон предусматривает квалифицирующие и особо квалифицирующие признаки. Они усиливают ответственность при наличии отягчающих обстоятельств, связанных с потерпевшим, способом совершения преступления, участием группы лиц или наступившими последствиями [5, с. 125]. Именно здесь проявляется дифференциация уголовной ответственности. Она необходима, потому что торговля людьми может иметь разный уровень общественной опасности. Одно дело — единичный эпизод. Со всем другое — организованная деятельность с вовлечением нескольких лиц [9, с. 170].

Особое значение имеет разграничение торговли людьми со смежными составами. Прежде всего, это похищение человека, незаконное лишение свободы, использование рабского труда, вовлечение в проституцию и иные преступления против личности. Разграничение проводится по признакам объективной стороны, направленности умысла и цели деяния. Если при похищении основной акцент делается на завладении человеком и лишении его свободы, то при торговле людьми решающим становится именно оборот человека и его последующая эксплуатация. Нередко, конечно, эти составы пересекаются. И вот тут начинается самая непростая часть квалификации.

Практическое значение статьи 127.1 УК РФ заключается в том, что она позволяет уголовно-правовыми средствами противодействовать одной из самых тяжких форм посягательства на личность. Однако эффективность нормы зависит не только от её содержания, но и от качества расследования, точности доказывания и единообразия судебной практики [4, с. 59]. Если эти элементы не согласованы, норма начинает работать хуже, чем могла бы.

Заключение

Подводя итог, можно сказать, что статья 127.1 УК РФ представляет собой важнейший уголовно-правовой механизм противодействия торговле людьми. Её конструкция отражает сложный характер преступления, охватывая разнообразные формы незаконного обращения с человеком и связывая ответственность с целью эксплуатации. Законодатель, по сути, фиксирует повышенную опасность

подобных деяний, а правоприменитель должен учитывать это при квалификации.

Торговля людьми остаётся одной из наиболее серьёзных угроз свободе и достоинству личности. Поэтому дальнейшее совершенствование практики применения

статьи 127.1 УК РФ имеет не только правовое, но и очевидное социальное значение. Вопрос здесь не только в наказании. Вопрос ещё и в том, насколько эффективно государство способно защитить человека от превращения его в объект преступного оборота.

Литература:

1. Абрамова С. Р. Некоторые проблемы расследования торговли людьми // Противодействие торговли людьми: проблемы и взгляды: материалы Республиканской научно-практической конференции. — Душанбе, 2024. — С. 50–52.
2. Догузова Д. А. Торговля людьми как жестокое нарушение прав человека // За нами будущее: взгляд молодых ученых на инновационное развитие общества: сб. науч. ст. 3-й Всероссийской молодежной научной конференции. — Курск, 2022. — С. 62–64.
3. Ковалькова А. С. Торговля людьми и криминальная эксплуатация человека: проблемы законодательной регламентации // Юридический вестник Самарского университета. — 2024. — Т. 10, № 1. — С. 98–105.
4. Кобец П. Н. Основные направления оптимизации деятельности в сфере борьбы с торговлей людьми и криминальной эксплуатацией человека // I Восточно-Сибирский юридический форум: сб. материалов XXX междунар. науч.-практ. конф. — Иркутск, 2025. — С. 56–60.
5. Кобец П. Н. Противодействие преступлениям, совершаемым с целью торговли людьми и криминальной эксплуатации человека // Правопорядок: история, теория, практика. — 2023. — № 3 (38). — С. 124–130.
6. Кобец П. Н. Противодействие торговле людьми и криминальной эксплуатации человека (анализ отечественного и зарубежного опыта) // Вызовы современности и стратегии развития общества в условиях новой реальности (шифр -МКВСС): сб. материалов XXV Междунар. науч.-практ. конф. — М., 2024. — С. 93–103.
7. Песегова Д. Д. Эксплуатация человека как цель торговли людьми // Проспект Свободный — 2024: материалы юбилейной XX Междунар. науч. конф. студентов, аспирантов и молодых ученых: в 4 ч. — Красноярск, 2024. — С. 684–686.
8. Попитич Е. В. Торговля людьми как преступление, посягающее на права и свободы человека // Научный поиск курсантов: сб. материалов Междунар. науч. конф. — Могилев, 2024. — С. 201–202.
9. Староверов А. В. К вопросу о квалифицирующих признаках торговли людьми // Криминологический журнал. — 2022. — № 4. — С. 169–172.

Незаконная госпитализация в медицинскую организацию, оказывающую психиатрическую помощь в стационарных условиях: проблемы теории и практики

Машченко Роман Владимирович, студент магистратуры
Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения

В работе исследуются актуальные юридические аспекты уголовной ответственности за незаконное помещение человека в психиатрический стационар. Автор анализирует специфику состава преступления, предусмотренного статьей 128 УК РФ, и рассматривает практические препятствия, возникающие при доказывании вины и установлении признаков незаконности. Основной фокус сделан на проблеме разграничения врачебного суждения и уголовно наказуемого деяния.

Ключевые слова: уголовное право, статья 128 УК РФ, психиатрическая помощь, лишение свободы, права пациента, медицинская организация.

Illegal hospitalization in a medical organization providing psychiatric care in in-patient conditions: problems of theory and practice

Mashchenko Roman Vladimirovich, master's student
Saint-Petersburg State University of Aerospace Instrumentation (St. Petersburg)

The paper explores the current legal aspects of criminal liability for the illegal placement of a person in a psychiatric hospital. The author analyzes the specific features of the crime under Article 128 of the Criminal Code of the Russian Federation and examines

the practical obstacles that arise when proving guilt and establishing the signs of illegality. The main focus is on the problem of distinguishing between medical judgment and a criminal offense.

Keywords: criminal law, Article 128 of the Criminal Code of the Russian Federation, psychiatric care, imprisonment, patient rights, and medical organizations.

Введение

Право на свободу и личную неприкосновенность, зафиксированное в Конституции, кажется нам чем-то само собой разумеющимся. Однако существуют специфические правовые ниши, где эти гарантии могут быть легко нарушены под прикрытием заботы о здоровье. Примечательно, что незаконная госпитализация в психиатрическую больницу — это одно из самых латентных преступлений против личности. Это не простое удержание в четырех стенах. Человек оказывается в изоляции, где его воля подавляется не силой оружия, а медицинскими процедурами и специфическим правовым статусом. Почему же правоохранительные органы так неохотно берутся за подобные дела? Ответ кроется в сложности самой правовой конструкции статьи 128 УК РФ.

Материалы и методы исследований

В исследовании применены следующие теоретические методы: анализ, синтез, обобщение, индукция, дедукция; эмпирические методы: проведен анализ научной литературы, нормативных правовых актов, судебной практики.

Эмпирическая база исследования: Уголовный кодекс РФ и научная литература.

Основная часть

Конструкция объективной стороны анализируемого состава требует, чтобы госпитализация была заведомо незаконной. На первый взгляд ситуация выглядит понятно: если нет оснований, предусмотренных профильным законом «О психиатрической помощи», значит, есть состав преступления. Но жизнь гораздо сложнее формальных бумаг. Важно понимать, что законность или незаконность здесь напрямую зависит от соблюдения процедуры, установленной для недобровольного помещения в стационар [4, с. 57]. Если заключения врачей сфальсифицированы или решение принималось в отсутствие реальной опасности лица для самого себя и окружающих, мы имеем дело с уголовным деянием.

Что немаловажно, субъективная сторона этого преступления требует прямого умысла. Преступник должен точно знать, что законных причин для закрытия человека в клинику нет [3, с. 139]. И вот тут следствие натывается на стену. Врачи всегда могут сослаться на «ошибочную диагностику» или «сложность клинической картины». Как отличить врачебную ошибку от умышленного преступления [2, с. 170]? Это, пожалуй, самый болезненный вопрос. Стоит отметить, что нередко инициаторами госпитализации выступают родственники, желающие решить имущественные споры, а медики становятся лишь инструментом в их руках.

Квалифицированные составы статьи предусматривают ответственность за использование служебного положения или доведение до смерти по неосторожности. Тяжкие последствия превращают это деяние в категорию особо опасных [1, с. 219]. Однако юридическая техника здесь буксует. Сложно доказать причинно-следственную связь между незаконным пребыванием в палате и, например, развитием сопутствующего заболевания. Система защиты прав пациентов в психиатрии до сих пор остается достаточно закрытой. Она герметична.

Заключение

Подводя итог, хочется подчеркнуть, что статья 128 УК РФ нуждается в серьезном переосмыслении с точки зрения правоприменения. Проблема не в тексте закона, а в невероятно высоком пороге доказывания умысла. Важно создать механизмы, которые позволяли бы проводить независимую экспертизу действий врачей еще на этапе следствия, а не только в стенах того же медицинского сообщества. Защита человека от необоснованного психиатрического вмешательства требует прозрачности процедур. Только так можно гарантировать, что стационар останется местом лечения, а не местом незаконной изоляции неугодных лиц. Процесс доказывания должен быть упрощен в пользу потерпевших. Это единственный путь к справедливости.

Литература:

1. Митров А. В. Проблемы квалификации незаконной госпитализации в медицинскую организацию, оказывающую психиатрическую помощь в стационарных условиях // Крымские юридические чтения. Прокуратура России: в преддверии 300-летия: сборник материалов межвузовского студенческого круглого стола в рамках всероссийской научно-практической конференции: в 2 т. / под общ. ред. Н. Н. Колюки, сост. С. В. Герасимовский, А. П. Сергеева. Симферополь, 2021. Т. 2. С. 218–221.
2. Калюжный А. Н. Назначение судебно-психиатрической экспертизы по преступлениям, связанным с незаконной госпитализацией в медицинскую организацию, оказывающую психиатрическую помощь в стационарных условиях // Вестник Костромского государственного университета. 2022. Т. 28, № 1. С. 169–173.

3. Соловьев Я. В. Правовой анализ незаконной и необоснованной госпитализации в психиатрический стационар // За нами будущее: взгляд молодых ученых на инновационное развитие общества: сборник научных статей 3-й Всероссийской молодежной научной конференции. Курск, 2022. С. 137–140.
4. Дорошенко А. А. Незаконная госпитализация в медицинскую организацию, оказывающую психиатрическую помощь в стационарных условиях // Молодой исследователь: вызовы и перспективы: сборник статей по материалам CCCXIV международной научно-практической конференции. Москва, 2023. С. 56–58.

Молодой ученый

Международный научный журнал

№ 23 (626) / 2026

Выпускающий редактор Г. А. Письменная
Ответственные редакторы Е. И. Осянина, О. А. Шульга, З. А. Огурцова
Художник Е. А. Шишков
Подготовка оригинал-макета П. Я. Бурьянов, М. В. Голубцов, О. В. Майер

За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы.
Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов.
При перепечатке ссылка на журнал обязательна.
Материалы публикуются в авторской редакции.

Журнал размещается и индексируется на портале eLIBRARY.RU, на момент выхода номера в свет журнал не входит в РИНЦ.

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77-38059 от 11 ноября 2009 г., выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

ISSN-L 2072-0297

ISSN 2077-8295 (Online)

Учредитель и издатель: ООО «Издательство Молодой ученый». 420029, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25, пом. 1, 3, 4, 5, 6.

Номер подписан в печать 17.06.2026. Дата выхода в свет: 24.06.2026.

Формат 60×90/8. Тираж 500 экз. Цена свободная.

Почтовый адрес редакции: 420140, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Юлиуса Фучика, д. 94А, а/я 121.

Фактический адрес редакции: 420029, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25, пом. 1, 3, 4, 5, 6.

E-mail: info@moluch.ru; <https://moluch.ru/>

Отпечатано в типографии издательства «Молодой ученый», 420029, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25, пом. 1, 3, 4, 5, 6.